

М. ДМИТРИЕВ

ТЕХНИКА КНИГИ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
ПО НАБОРНО-КНИЖНОМУ ДЕЛУ
ДЛЯ ТИПОГРАФСКИХ РАБОЧИХ
И РАБОТНИКОВ ИЗДАТЕЛЬСТВ

ВТОРОЕ ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

1926

ХАРЬКОВСКАЯ ШКОЛА
ПЕЧАТНОГО ДЕЛА
ИМ. А. БАГИНСКОГО

Укрголовліт 16820, 20/V—25.
3000 экз. Зак. № 1399

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В дореволюционное время типографии, приспособленные для книжного дела, в России были наперечет и сосредоточивались в нескольких крупных городах, главным образом, в Петербурге и Москве. Издательскими центрами были только столицы и, пожалуй, еще Казань и Киев. Типографии губернских, а тем более уездных, городов не были приспособлены для книжного дела, не располагали, каждая в отдельности, достаточным количеством машин и шрифтов и перебивались почти исключительно мелкими местными работами.

Октябрьская революция вызвала к активной культурной жизни огромные народные массы, пребывавшие при царизме в непроглядной тьме и невежестве. Спрос на книгу, сравнительно с довоенным временем, возрос колоссально. Для удовлетворения книжного голода возникли крупные издательства не только в столицах, но и в провинции. Вместе с тем,— в соответствии с создавшимися новыми условиями и в результате национализации, а затем и концентрации типографий,— положение полиграфической промышленности в Союзе Советских Республик коренным образом изменилось. Мелкие типографии, полукустарного типа, исчезли и вместо них даже в маленьких городах появились мощные книжные фабрики с десятками машин и сотнями рабочих. Нередко можно видеть книгу в 20—30 и более печатных листов, отпечатанную в каком-нибудь маленьком городке. Старые столичные типографии давно уже не в силах справиться с огромным количеством работы, и крупные столичные издательства значительную, если не большую, часть своих изданий печатают в больших провинциальных типографиях.

Но этот переворот в полиграфической промышленности застал провинциальные типографии неподготовленными

к требованиям, предъявляемым книжным делом. Провинция бедна высококвалифицированными рабочими. Провинциальному метранпажу, наборщику, корректору негде было приобрести знания, необходимые при производстве книги, и до всего они доходили самоучкой, „своим умом“, накапливая знания на практике, а именно по книжному делу практики у них почти не было. По этой же причине провинция бедна и школами типографского дела. Для них еще нет подготовленного кадра преподавателей и инструкторов, и только в крупных центрах такие школы имеются. В результате такого положения книжная работа провинциальных типографий, в огромном большинстве случаев, очень несовершенна и часто грешит элементарными техническими ошибками.

Цель настоящей работы — прийти на помощь, главным образом, рабочим провинциальных типографий, дав им краткое пособие, в очень сжатой форме излагающее основные правила наборно-книжного дела. Весьма возможно, что высококвалифицированные книжный наборщик и метранпаж найдут в этой книге для себя немного нового, но менее опытным товарищам, я надеюсь, она окажется небесполезной.

Книга рассчитана все-таки на подготовленного читателя. Поэтому я не нашел нужным пояснять специальные термины и названия, известные каждому типографскому работнику, а также считал излишним объяснять технические приемы работы, напр., как держать верстатку, править корректуру шилом, связывать гранку, выставлять набор на уголок и т. п. Все это, конечно, читателю-рабочему прекрасно известно.

В своей работе я имею в виду исключительно наборно-книжное дело в узком смысле этого понятия. Такая работа, как, например, каталоги, прейс-куранты, проспекты, — если они не идут сплошным текстом, — хотя и выходят в свет в виде книги, имеет много особенностей и должна быть отнесена скорее к акцидентному, чем к книжному набору. Но акцидентные работы являются совершенно самостоятельной отраслью типографского искусства. Поэтому на таких работах я совсем не останавливаюсь.

Наборно-книжное дело, как знает каждый типографский рабочий, чрезвычайно сложно. Чтобы исчерпать его, нужны были бы многие десятки листов, которых, конечно, не было в моем распоряжении. Поэтому я вынужден быть очень сжатым в изложении и очень скупым на примеры. Во многих случаях, допускающих несколько различных вариантов, я останавливался лишь на одном или двух, которые считал наиболее подходящими и характерными. В некоторых других случаях я вынужден был ограничиться лишь общими указаниями вместо детального разбора того или другого приема, что отняло бы слишком много места. Наконец, отдельные второстепенные, хотя и интересные с точки зрения технического исполнения, детали совсем пропущены. Так, например, в главе о наборе я не останавливаюсь подробно на наборе конструктивном, ограничившись изложением некоторых его особенностей в главе о монтаже книги. Глава о верстке не исчерпывает всех возможных при книжной верстке комбинаций и т. д. Среди примеров спуска полос, в целях экономии места, не даны спуски наиболее известных и ходовых форматов. В главе о корректуре я ограничился изложением общих правил, полагая, что технические приемы работы, конечно, хорошо известны каждому корректору.

В книгу введены главы о подготовке рукописи к печати и монтаже, обыкновенно, отсутствующие в пособиях по типографскому делу. Эти главы имеют в виду работников издательств — редакторов, выпускающих и авторов, — технически невыдержанная работа которых нередко причиняет много затруднений типографиям. К сожалению, и здесь, по указанным выше причинам, пришлось многих деталей работы коснуться бегло лишь в самых общих чертах, а о многих совсем умолчать.

Вступительный очерк по истории книгопечатания, конечно, ни в малейшей степени не претендует на полноту изложения и имеет целью дать читателю лишь самые краткие сведения по вопросу, — сведения почти справочного характера.

К книге приложены „Основные правила полиграфического искусства“ М. И. Шелкунова, принятые особой подкомиссией при комиссии по изучению искусства книги при Государственном Издательстве. Правила эти являются интересной попыткой синтеза типографского искусства, хотя и не все в них совершенно бесспорно.

Помещенный в конце книги краткий библиографический указатель может быть полезен читателю-рабочему, который заинтересуется специальной литературой. В указатель мною внесены книги только на русском языке.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Первое издание настоящей книги разошлось в течение нескольких месяцев, что подтвердило предположение о необходимости такого рода практического пособия для типографских рабочих и работников издательств.

Настоящее издание мною переработано и значительно дополнено; по возможности, исправлены замеченные технические недостатки первого издания. Значительно увеличено количество примеров, хотя, может быть, и не в такой степени, как это было бы желательно для большей наглядности. Так как книга увеличилась в объеме, пришлось отказаться от помещенного в первом издании алфавитного именного и предметного указателя. Библиографический указатель переработан мною в том отношении, что в нем оставлены, главным образом, новые издания, а из старых — лишь те, которые представляют действительно большую ценность. В указатель включены все новейшие книги, вышедшие в свет до 1926 года.

Появившиеся в печати рецензии о первом издании моей книги, а также несколько писем, полученных мною от наборщиков и корректоров, признали ее полезным вкладом в специальную литературу по типографскому делу. Все указания тех и других я постарался, по возможности, использовать в настоящем издании, внося в него соответствующие изменения. Выраженные некоторыми пожелания, чтобы книга была дополнена главами о печати и брошюровке я не мог выполнить в этом издании, так как оно слишком разрослось бы, а мне, как и при первом издании, приходилось очень считаться с количеством имевшегося в моем распоряжении места. По этой же причине пришлось отказаться от мысли иллюстрировать книгу рисунками, поясняющими текст.

Предисловие ко второму изданию

Как и первое издание, книга набиралась, версталась, печаталась и брошюровалась в харьковской школе печатного дела имени т. Багинского учениками школы, коллективу которых я считаю себя обязанным выразить искреннюю благодарность. Также я обязан благодарностью инструктору наборного отделения той же школы А. М. Соколову, который и на этот раз очень помог мне ценными советами и указаниями при наборе и верстке.

ОЧЕРК ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Современный человек едва ли в состоянии представить себе возможность существования без книги и газеты,— этих продуктов печатного станка. Но, привычным жестом беря в руки книгу или газету, не многие знают, каким длинным и трудным путем достигли люди современного состояния полиграфического искусства.

Было время, когда люди не только не знали печати, но не знали и письменности, и, сравнительно с миллионами лет существования земли, это было еще недавно: несколько десятков тысяч лет тому назад. Человек жил тогда, окруженный враждебными силами природы, и все свои знания, накопившиеся путем тяжелого опыта, всю свою энергию должен был обращать на борьбу с этими силами и дикими зверями, угрожавшими ему со всех сторон бесчисленными опасностями. В эту эпоху человек не только не умел письменно излагать свои мысли, но и речь его была бедна звуками, мало чем отличаясь от рычания окружающих его животных.

Зарождение письменности. Когда и как изобретена письменность и путем какой эволюции достигла она совершенных форм, — этот вопрос до настоящего времени не разрешен наукой. Первыми изображениями, которые на стене пещеры или выступе скалы высекла непривычная рука человека, были изображения предметов окружающей его природы или животных, почему-либо поразивших его воображение. Такие изображения нередко находят при археологических раскопках, и самые древние из них, по мнению ученых, относятся к эпохе за 25—30 тысяч лет до нашего времени. Трудно сказать, чем руководствовался первобытный человек, высекая на камне эти изображения: побуждало ли его к этому бессознательно

пробуждавшееся художественное чувство, или в этих грубых первобытных рисунках скрывался какой-либо другой неразгаданный смысл. Еще труднее сказать, путем какой сложной эволюции дошел человек до умения передавать начертанными знаками и рисунками свои мысли так, чтобы их понял другой человек. Но уже в очень отдаленную эпоху, несомненно, человек умел путем довольно сложного рисунка рассказать о каком-нибудь событии — и притом настолько понятно, что значение некоторых из найденных рисунков разгадано со значительной долей правдоподобия. Это, так называемое, фигурное письмо не есть еще письменность в настоящем значении этого понятия, но это, бесспорно, зародыш письменности, которая впоследствии оказала такие огромные услуги человечеству.

Египетские иероглифы. Вероятно, в прямой, — хотя и не непосредственной, — связи с этим первобытным фигурным письмом стоит наиболее древняя из известных нам форм письменности — египетская. Египетские иероглифы в их чистом виде (священные) изображают животных, людей, части человеческого тела или какого-нибудь предмета, и каждый такой рисунок имеет определенное значение. Египет, — древняя культура которого насчитывает несколько тысячелетий до христианской эры, — оставил нам немало памятников своей письменности, но ключ к их разгадке, казалось, был утерян, и в течение долгого времени памятники древней египетской письменности оставались непрочитанными. Только в начале XIX века французский ученый Шамполион сумел разгадать тайну иероглифов.* Эти иероглифы, как выяснилось, были: священные, иератические (жреческие), более упрощенные, и демотические (народные), упрощенные еще более и приближающиеся к нашей скорописи. В демотических иероглифах остался уже только, так сказать, намек на иероглифы священные: сложный рисунок священного иероглифа в демотическом

* Проф. И. Г. Франк-Каменецкий. — „Как люди научились читать египетские письмена“. М. 1922.

начертании передавался каким-нибудь одним росчерком или зигзагом, имеющим лишь очень отдаленное сходство со своим прообразом.

Отдельные иероглифы изображают не только слова, но и звуки, и в египетской письменности, следовательно, есть уже зачатки фонетического (звукового) письма.

Если иероглифы имеют какую-то внешне видимую связь с первобытным фигурным письмом, то этого нельзя сказать о клинообразных письменах древней Вавилонии и Ассирии, происхождение которых остается не вполне выясненным.

Узловое письмо. Наконец, совершенно особняком стоит, так называемое, узловое письмо древних перуанцев, состоящее из ряда нитей, одним концом привязанных к поперечному шнуру и завязанных узлами разной формы и различного цвета. Такие „квину“ в довольно большом количестве имеются в музеях, но до сих пор они не прочитаны. Впрочем, узловое письмо вообще нельзя рассматривать, как письменность в настоящем смысле этого понятия, потому что в нем отсутствует главный элемент письма — графическое начертание знака. „Квину“ нельзя рассматривать, как рукопись, как нельзя считать счетоводной книгой деревянную бирку, на которой сравнительно еще не так давно путем зарубок неграмотный торговец „записывал“ свои приходы и расходы и вел „книги“ долгов.

Фонетическое письмо. Родиной фонетического, или звукового, письма считают Финикию, и финикийский алфавит является первым из известных нам звуковых алфавитов, в которых каждый знак (буква) обозначает звук, а не слово или слог.

Финикийский алфавит состоит из двадцати двух букв.

Древнейшие памятники письменности. Древнейшие памятники письменности, дошедшие до нас, относятся к глубокой древности — несколько тысячелетий до христианской эры.

Древние памятники Египта, — пирамиды, могилы царей, — испещрены надписями, излагающими историю фараонов, их войн и других событий.

При раскопках в древней Ассирии найдены обожженные кирпичи с клинообразными надписями. При чтении некоторых из них удалось установить преемственную связь между ними, т. е. текст, начатый на одном кирпиче, переходил на другой, потом на третий, четвертый и т. д., так что каждый кирпич представлял собой как бы отдельную страницу, а все вместе изображало своеобразную „книгу“. Найдены также кирпичи, на которых было написано название такой „книги“, и это было как бы заглавным листом.

Папирус. Древнейшие египетские памятники письменности также высечены на камнях, но уже за несколько тысяч лет до нашей эры был изобретен более удобный предмет для писания — папирус. Время изобретения папируса неизвестно, но установлено, что он уже существовал более чем за три тысячи лет до христианской эры, или за пять тысяч лет до нашего времени. Папирус изготовлялся из особого тростника, ствол которого, очищенный от коры, расщеплялся на тонкие нити. Последние склеивались особым составом, будучи положены друг на друга крест-на-крест вдоль и поперек. После очистки особым способом получался материал, на котором писать было, конечно, гораздо удобнее, чем на камнях или металлических досках. Папирус склеивался длинными полосами, — иногда в несколько десятков метров длиной. Писали на нем тростником, расщепленным на конце в виде кисточки. Рукопись, написанная на папирусе, свертывалась в трубку и иногда заключалась в футляры, являвшиеся переплетом для этих книг. Значительное количество таких рукописей сохранилось до наших дней.

Пергамент. Папирус, однако, имел большой недостаток. Он быстро поддавался разрушению. На смену ему пришел пергамент, выделывавшийся из кожи различных животных,

преимущественно, телят. Пергамент отличался прочностью. Его крупным недостатком была дороговизна, но тем не менее он не только вполне успешно конкурировал с папирусом, но впоследствии окончательно вытеснил его и господствовал на рынке вплоть до того времени, когда, наконец, уступил место бумаге, продержавшись рядом с ней на рынке до середины XIV века.

Бумага. Изобретение бумаги приписывают китайцам. Путь распространения ее, как и время изобретения, неизвестны. Полагают, что оно приблизительно совпадает с началом христианской эры. Через Японию, Сирию, Египет бумага появилась в Европе лишь в XII веке. Практичностью и дешевизной она скоро завоевала всеобщее признание и способствовала распространению письменности.

Другие материалы для письма. Кроме папируса, пергамента и бумаги, люди пользовались для письма и другим материалом. Писали, как выше сказано, на камне, на металлических досках, наконец, на дощечках из дерева или слоновой кости, которые связывались между собою в корешке и, таким образом, являлись как бы прообразом теперешней книги. Такие книги называются диптихами, триптихами и полиптихами, в зависимости от количества (две, три или несколько) соединенных между собою дощечек. Писали также на дощечках, покрытых тонким слоем воска, на которых слова выцарапывались острой палочкой — стилем (отсюда — литературный стиль). По миновании надобности написанное стиралось, т. е. исцарапанный воск сглаживался и на странице можно было опять писать.

Древняя печать. А как же обстояло дело с печатанием? Знали ли люди, до изобретения Гутенберга, печатание, т. е. способ многократного механического воспроизведения посредством тиснения? Существует мнение, что история книгопечатания ведет свое начало от Гутенберга. Такое мнение

ошибочно. Способ тиснения, т. е. именно процесс печатания, в своей основе не отличающийся от современного, был известен еще в глубокой древности. Еще в древнем Египте кирпичные фабриканты особыми штампами выдавливали на кирпичах название своей фирмы (Вот к каким отдаленным временам восходит искусство рекламы!). Египетские фараоны, римские императоры имели штемпеля, на которых были выгравированы их подписи, и они оттискивали их на различных документах и государственных актах. Еще в VIII веке до нашей эры особыми штемпелями печатались сделанные из кожи деньги, а в Китае еще раньше таким же способом печатались деньги на шелковых лоскутах. Наконец, древний Рим знал подвижные буквы, по которым обучались грамоте дети богатых родителей. Казалось, человечество стоит на грани изобретения книгопечатания в современном смысле этого понятия, а между тем прошли века и тысячелетия, прежде чем гений Гутенберга разрешил эту задачу.

Объясняется это общим законом соответствия состояния орудий производства современному экономическому положению. Если представить себе на минуту, что ротационная машина, печатающая сотни тысяч оттисков в час, была бы изобретена полторы тысячи лет тому назад, то нетрудно понять, что ее изобретатель вылетел бы в трубу: ротационной машине нечего было бы делать со своей способностью огромной продукции. Тиражи в сотни тысяч были ненужны, потому что сотня рукописных экземпляров удовлетворяла имевшийся тогда спрос на книгу.

Наоборот, если бы какой-нибудь чужак в наши дни вздумал изготавливать папирус, понятно, что и он не нашел бы себе спроса, не будучи в состоянии конкурировать с дешевой, прочной и практичной бумагой. А было время, когда на папирус существовал такой огромный спрос, что Египет запрещал вывоз из своих пределов тростника, шедшего на изготовление папируса.

Древние писатели и издатели прекрасно обходились без типографских машин. Книги распространялись кустарным

способом, вручную, путем переписки точно так, как до изобретения швейных, ткацких, вязальных и других машин, платье, ткани, чулки изготовлялись руками.

Рукописные книги. Круг читателей в древнем мире, как выше сказано, был очень ограничен. Но и тогда уже существовали издатели, к которым и приходилось обращаться сочинителям, если они хотели выпустить в обращение свои произведения. В распоряжении издателя было несколько десятков писцов (скрибы — в древнем Риме), которые под диктовку сразу изготовляли несколько десятков экземпляров книги. Такой способ распространения имел большие неудобства. Писцы не всегда были достаточно грамотны, делали ошибки, допускали искажения, а иногда даже, по своему усмотрению и вдохновению, исправляли автора. Особенно часто происходили ошибки при повторных изданиях, в которые, часто с добавлением новых, переходили все ошибки предыдущих изданий. Эти ошибки, особенно в научных и религиозных сочинениях, иногда приводили к большим осложнениям.

Внешность рукописной книги. Внешности рукописной книги придавалось большое значение, и некоторые книги, в смысле выполнения, представляли большую художественную ценность. Во многих книгах заглавные буквы (инициалы) раскрашивались цветной краской (преимущественно, красной или золотом). Этим занимались специальные художники-рубрикаторы (отсюда — рубрика). Раскраска инициалов производилась иногда по трафарету (дощечка с вырезанной в ней насквозь буквой; отверстие покрывалось краской, которая оставляла на пергаменте или бумаге очертание вырезанной буквы). Заглавные листы украшались иногда довольно сложными рисунками, которые также раскрашивались в несколько красок. Древние рукописные книги в настоящее время представляют собой библиографическую редкость, и видеть их можно только в музеях и больших библиотеках. Но отдельные страницы этих книг отпечатаны

с цинкографских клише, и их можно найти во многих книгах по истории литературы, книжного и типографского дела. Знакомство с такими воспроизведениями рукописных книг очень полезно, потому что дает ключ к пониманию многих законов современной типографской техники и объясняет многие правила, кажущиеся иногда непонятными.

Роль монастырей. С возникновением христианства большую роль в деле распространения рукописных книг сыграли монастыри. Монахи охотно занимались перепиской и, таким образом, может быть, даже против своей воли, способствовали развитию просвещения, так как переписывали не только религиозные книги, но и научные сочинения.

Печатание до Гутенберга. Однако, спрос на книгу постепенно увеличивался, и наступало время, когда путем ручной переписки его уже нельзя было удовлетворить. Но к услугам человечества был уже давно знакомый ему способ печатания, т. е. механическое многократное воспроизведение посредством тиснения с выпуклого или углубленного оригинала. И этим способом люди не замедлили воспользоваться, как только в этом представилась надобность. Впрочем, нужно оговориться: первыми печатными произведениями, в настоящем смысле этого слова, вышедшими из-под печатного станка, были не книги, а рисунки,— преимущественно, духовного содержания на библейские и евангельские темы. Рисунки гравировались от руки на дереве (ксилография). Полученная таким способом доска с рельефным изображением покрывалась краской и к ней притискивалась бумага. Такие первые печатные произведения относятся к XIV веку и первой половине XV века. Одновременно со священными рисунками этим же способом печатались игральные карты. Затем под рисунками начинают вырезать текст, — конечно, тоже из священного писания, — и этот текст является первым настоящим печатным текстом. К числу таких книг (первая половина XV века) относится знаменитая „Библия бедных“.

Далее следует уже переход к вырезыванию сплошного текста. Большой известностью из таких ксилографических книг пользуются „Донаты“, — латинская грамматика римского ученого IV века Доната, под заглавием „De octo partibus orationis“ („О восьми частях речи“). Ни одна из грамматик Доната не дошла до нас в целом экземпляре. Очевидно, и в те времена школьники варварски обращались с книгами и мало заботились об их сохранении. Все эти книги печатались по способу тиснения, т. е. способу, очень близкому к современному печатанию. Но техника печатания была очень низка. Долгое время печатали только на одной стороне листа, оставляя чистыми оборотные страницы. Иногда белые страницы склеивались между собой, и тогда получалось уже подобие современной книги. В это время, накануне изобретения Гутенберга, несомненно, уже существовал типографский станок с доской, которая посредством винта притискивала бумагу к тексту, вырезанному на дереве.

Так обстояло дело с печатанием до половины XV века, когда изобретение Гутенбергом отдельных подвижных литер внесло переворот в производство книги.

Гутенберг. Биографические сведения о Гутенберге крайне скудны. Неизвестны даже в точности годы его рождения и смерти, не сохранилась даже его могила. С приблизительной вероятностью, годом рождения Гутенберга считают 1400. Родился он в Майнце, но в двадцатых годах переселился в Страсбург, где занимался ювелирным делом и шлифовкой зеркал, работая одновременно и над изобретением, обесмертившим его имя. В Страсбурге, повидимому, им уже был построен первый печатный станок и произведена первая отливка литер. Некоторые исследователи полагают, что первые работы Гутенберг производил деревянными буквами, но другие это решительно отвергают, указывая на технические затруднения, делающие почти невозможным печатание с деревянных букв. Последние, под влиянием краски, должны коробиться. Кроме того, совершенно невозможно

вырезать из дерева брусочки (ножки литер) одинаковой высоты и толщины, — необходимое условие для получения правильного чистого оттиска. Печатал ли что-нибудь Гутенберг в Страсбурге — неизвестно. Во всяком случае, до нас не дошла ни одна книга, отпечатанная им в Страсбурге, и вернее предположить, что там Гутенберг производил лишь предварительные опыты. В 1445 году Гутенберг возвращается обратно в Майнц и, добившись довольно крупного займа, получает возможность закончить и усовершенствовать свое изобретение.

Изобретение книгопечатания. 1450 год считается годом изобретения книгопечатания, но, по данным некоторых новейших исследователей, уже в 1447 г. Гутенберг печатал книги в своей типографии.* Гутенберг своим изобретением охватил все стороны сложного печатного дела: он не только изобрел способ набора отдельными литерами, но и способ их отливки, изготовления матриц и двустороннего печатания при помощи специальной типографской краски. Как Гутенберг изготовил свои первые матрицы и производил отливку — не выяснено. Впоследствии его компаньон, Петр Шеффер, изобрел особый стальной пунсон, которым выдавливались на меди матрицы, служившие для отливки букв.

Первые работы Гутенберга. Первыми работами, вышедшими из-под станка Гутенберга, были индульгенции (письменное прощение грехов, выдававшиеся римским папой за плату) и Донаты, а затем уже он приступил к выпуску большого труда — библии. Первое издание библии (так называемая, 42-строчная библия) вышло около 1455 года и на печатание ее было употреблено несколько лет. Книга набрана крупным четким шрифтом на кегель около 18 пунктов. Затем следует 36-строчная библия, набранная уже более крупным

* М. И. Щелкунов. — «Искусство книгопечатания в его историческом развитии». М. 1923.

шрифтом—около 22 пунктов. Отпечатав псалтирь, Гутенберг перешел к печатанию светских книг. Переходу к светскому издательству содействовало до известной степени и недоброжелательное отношение духовенства, видевшего в новом способе распространения церковных книг конкуренцию переписке, которой занимались монахи. Свои издания Гутенберг печатал частью на пергаменте, частью на бумаге.

Жизнь Гутенберга была полна лишений, и в тяжелой борьбе за существование, которую ему приходилось вести, он не раз оказывался побежденным. Кредиторы отняли у него типографию, и великий изобретатель с большим трудом достал средства на открытие новой типографии. Умер Гутенберг около 1470 года (в 1467 или 1468), похоронен в Майнце, но, как уже сказано, могила его не сохранилась.

Значение и глубина изобретения Гутенберга покажутся еще глубже и величественнее, если вспомнить, что изобретенный им принцип книгопечатания остается, в сущности, неизменным и до настоящего времени. Совершенствуются машины, меняется рисунок и величина шрифтов, но, как и во время Гутенберга, набор производится отдельными литерами (строкоотливные наборные машины основаны на том же принципе, так как строки сперва составляются из отдельных матриц—литер), печать производится путем тиснения и т. д.

Распространение типографского искусства. Еще при жизни Гутенберга типографское искусство перестало быть секретом и начало распространяться. В 1460 году в Бомберге открылась типография Пристера, который первый начал помещать в книгах иллюстрации, и почти одновременно возникла типография в Страсбурге. С семидесятых годов XV века книгопечатание начинает быстро распространяться, и появляются типографии сперва в разных городах Германии, затем в Испании, Франции, Англии, Венеции. Между прочим, венецианские типографы славились особенной художественностью работы. К началу XVI века искусство книгопечатания

уже распространилось почти по всей Европе, а в первой половине XVII века достигло Америки. Среди типографов особенно славилась во Франции Этьен и Эльзевир (последний отливал особо изящные шрифты, и некоторые шрифты до сих пор называются его именем), в Антверпене — Плантен, фирма которого существовала с 1555 до 1873 года, когда типография была приобретена антверпенским городским управлением и превращена в музей. В типографии Плантена до наших дней сохранились станки и шрифты от самого ее основания, и понятно, какую ценность представляет она для изучения типографского искусства.

Книгопечатание в России. В Россию книгопечатание проникло более чем через сто лет после его изобретения. Пути проникновения типографского искусства в Россию в точности не установлены. Вероятно, оно занесено из Чехии, соприкасавшейся с Западной Европой. Первыми русскими печатниками были дьякон одной из кремлевских церквей Иван Федоров Москвитин и его подручный Петр Тимофеев Мстиславец. Первая типография была основана в Москве и начала работать в 1563 году, а в следующем 1564 году уже была выпущена первая книга — „Деяния Апостольские“, отпечатанная в две краски. Вскоре, впрочем, типографию разгромили, как „дьявольское навождение“. Первопечатники бежали в Литву, и книгопечатание возобновилось лишь в 1580 году. Необходимо указать, что первая книга на русском языке была все-таки отпечатана за границей. В 1517—1519 году в Праге были отпечатаны на русском языке (белорусском наречии) псалтирь и библия, затем в 1525 году в Вильне на церковно-славянском языке вышли „Деяния Апостольские“.

Эволюция шрифта. Первые книги, печатавшиеся Гутенбергом и его компаньонами, а затем преемниками, Фустом и Шеффером, набивались крупными шрифтами на кегель от 18 до 24 пунктов. Но необходимость экономии бумаги и печати (чем крупнее шрифт, тем больше печатных листов)

настойчиво требовала перехода к более мелким шрифтам. И, действительно, шрифт быстро совершенствуется, кегель постепенно уменьшается и к XVII веку уже доходит до шести пунктов, соответствуя теперешней нонпарели.

Рисунок первых шрифтов точно копировал рукописный, но затем стал постепенно изменяться.

Древнейшие печатные книги по технике выполнения значительно отличаются от современных. Так, в ряде изданий часто отсутствуют пробелы между словами, что затрудняет чтение.

На Западе изучению эволюции шрифта уделяется много внимания, но русские шрифты изучены очень мало. Образцы шрифтов, выпускавшиеся типографиями и словолитнями, не сохранялись, так как им не придавали значения. Едва ли не единственной попыткой систематизировать данные о русских шрифтах является книга В. Я. Адарюкова „Библиография русских типографских шрифтов“. К сожалению, огромное большинство перечисляемых им изданий является библиографической редкостью, а приводимые в конце книги таблицы русских шрифтов немногочисленны и охватывают период лишь с начала XVIII века.

Первые русские шрифты (гражданской азбуки) имели четкое красивое очко, и текстовый шрифт соответствовал по кеглю приблизительно современному цицеро. Характер титульных шрифтов точно выдерживался применительно к текстовому и отливался на различные кегли.

Набранные этими шрифтами заглавные (титульные) страницы по изяществу и технической правильности могут быть образцом для современных типографов.

До начала XIX века русские шрифты очень однообразны и рисунок очка почти не изменяется. Но уже в начале XIX века шрифт начинает приближаться к современному. Особенностью его является полужирное очко, преобладавшее почти до половины XIX века. Уже в конце XVIII века появляется курсив (еще очень редко употребляемый). В это же время русские типографы уже умело применяют разрядку

и пользуются прописными буквами для набора целых слов и строк, особенно на титульных страницах.

Начиная со второй половины XIX века шрифт по рисунку очка уже мало отличается от современного. А в конце XIX и начале XX века замечается стремление некоторых русских словолитен отливать шрифты, похожие по очку на шрифты Петровской эпохи (Петровский и Елисаветинский шрифты).

Типографский пункт. По мере распространения типографского искусства и увеличения числа предприятий полиграфического производства появилась необходимость систематизации шрифтов. Необходимость отливать шрифты по заказу каждой отдельной типографии удорожала их производство. Нужно было выработать типографскую меру, одинаковую для всех типографий. Первая типографская мера была предложена французским типографом Фурнье, который в основу ее положил французскую меру длины — туаз, равную шести футам. Фут равнялся двенадцати дюймам, дюйм — двенадцати линиям, линия — двенадцати пунктам. Типографский пункт, по системе Фурнье, равнялся двум линейным пунктам. Дидо усовершенствовал эту систему, взяв за основание для исчисления типографского пункта математическую линейную меру — королевский фут. Эта система была принята почти во всех странах. Но, с переходом Западной Европы к метрической системе, и система Дидо потеряла свою научную основу. В семидесятых годах прошлого века система Дидо была математически проверена, и установлено, что метр равен 2660 типографским пунктам. Эта система окончательно принята почти во всех типографиях, кроме Англии, где типографский пункт несколько меньше общепринятого, и эта разница доходит до нонпарели на пять квадратов.

Установление единой типографской меры значительно упростило работу словолитен и позволило широко механизировать производство шрифтов, благодаря возможности массового изготовления. До изобретения единой типографской

меры массовое производство было невозможно, потому что каждая типография требовала отливки шрифта на свой собственный кегель.

В настоящее время шрифты и вообще весь типографский материал отливаются только на полные пункты и почти всегда на четное число. Из шрифтов на неполное число пунктов известен французский петитекст ($7\frac{1}{2}$ пунктов).

Русские шрифты на нечетное число пунктов — миньон (7 пунктов), боргес (9 пунктов), цецеро (11 пунктов) вышли из употребления и теперь не отливаются. Цецеро отливается на 12 пунктов, и в русских типографиях рассматривается, как определенная типографская мера.

Скоропечатные машины. В течение нескольких веков печатание производилось не только по способу Гутенберга, но и на тискальных станках, мало чем отличавшихся от его первого станка. Каждый лист приходилось накалывать на декель, заключать в особую раму (рашкет), намазывать стоящий на талере набор краской при помощи мац (специальные подушечки, набитые волосом) и затем надавливать пиан. После этого отпечатанные листы развешивались для просушки, так как перед печатанием бумага обильно смачивалась. Процедура очень длинная и сложная, и за день на таком первобытном станке можно было сделать не более 600—700 оттисков без оборота. С течением времени этот способ печатания перестаёт удовлетворять, и человеческая мысль начинает работать над изобретением машины, которая могла бы ускорить процесс печатания. Лишь в первой четверти XIX века эта задача была разрешена Фридрихом Кенигом (р. в 1774 г.), и в 1814 году первая скоропечатная машина Кенига начала работать в типографии английской газеты „Times“ в Лондоне. Любопытно отметить, что в 1806 году Кениг приезжал в Россию, получил даже патент на свое изобретение, но так и не мог добиться толку в тогдашних условиях русской жизни и менее чем через год уехал из России.

Первая скоропечатная машина, построенная Кенигом, по типу близка к теперешним плоским машинам. Затем печатные машины совершенствуются. Появляются машины, работающие в два наклада (двухбарабанные), наконец, изобретены машины с автоматическим накладом и с фальцовальным аппаратом, а также машины, печатающие в несколько красок.

Ротационные машины. Скорость печатных плоских машин не могла удовлетворить растущей потребности в быстроте. Лучшие печатные машины давали 2—2½ тысячи оттисков в час. Назревал переход к ротационным машинам. Первые опыты в этом отношении (американец Роберт Го в 1846 году) были неудачны, потому что хотели печатать с набора. Приходилось прибегать к очень сложным приспособлениям, чтобы заключать набор на цилиндре. Первые ротационные машины печатали, следовательно, с набора и на листовой бумаге при помощи шести, восьми и даже десяти накладчиков.

Только после того, как в 1863 году Брак изобрел ротационную машину, печатающую с цилиндрического стереотипа на бесконечной (рулонной) бумаге, задача быстрого печатания была разрешена. В настоящее время существуют ротационные машины, выбрасывающие в час сотни тысяч листов, отпечатанных с двух сторон, — иногда даже в несколько красок, — и в совершенно готовом сфальцованном виде. Нужно, однако, оговориться, что для художественной печати ротационные машины малопригодны и не могут дать такого чистого оттиска, как плоская машина.

Стереотип. Без стереотипа ротационная машина была бы невозможна, а потому нужно остановиться на нем хотя бы кратко. Идея стереотипа, т. е. сплошной отливки из металла набранных и заключенных полос, начала разрабатываться почти полтора столетия тому назад. В 1796 г. французский типограф Дидо пробовал покрывать набор толстым свинцовым листом и затем под давлением сильного пресса получал на нем

углубленный оттиск. Свинцовый лист, в свою очередь, сильно вдавливался в застывающий металл. Это — почти стереотип в современном смысле, но изготовление его все-таки было очень сложно.

В 1804 году в Англии лорд Стенгоп изобрел другой способ. Он заливал набор гипсовым раствором и в гипсовую форму вливал расплавленный металл.

В тридцатых годах прошлого века француз Жену изобрел бумажные матрицы. Приготовление бумажной матрицы очень просто. Набор покрывают несколькими листами смоченной бумаги разной толщины и сильно бьют по ней жесткой щеткой, заставляя шрифт вдавливаться в сырую бумажную массу. Затем набор с выколотенной бумажной массой ставят под горячий пресс. Через 15—20 минут она высыхает и превращается в картон с углубленным изображением матрицированного набора. Матрицу вставляют в специальную форму и заливают быстро застывающим расплавленным металлом. Получается сплошная отлитая полоса набора. Так как матрица представляет собой лист нетолстого гибкого картона, то ей можно придать какую угодно форму. Для ротационных машин матрицу сгибают в полуцилиндр и в таком виде вставляют в специальную форму, также выгнутую полуцилиндром. Вливаемый в нее расплавленный металл, естественно, получает такую же форму. Так отливается цилиндрический (точнее — полуцилиндрический) стереотип, применяемый при печатании на ротационных машинах.

Стереотип очень важен и выгоден для повторных изданий, печатаемых без изменений (например, учебники).

Наборные машины. Почти одновременно с изобретением скоропечатной машины разрабатывается идея механизации ручного труда наборщика, т. е. идея наборной машины. В течение многих лет мысль изобретателей шла по неправильному пути и была направлена на то, чтобы механически набирать теми же литерами, которыми производится и ручной набор. Задачу эту удалось разрешить, но машины эти

были очень сложны, требовали при каждой нескольких рабочих и потому не оправдывали себя. Лишь в самом конце прошлого века (1886 год) О. Мергенталлер изобрел первую строкоотливную наборную машину Линотип, совершенно отличную от всех ранее изобретенных наборных машин. Наборные машины набирают строки из медных матриц, которые падают в определенное место при ударе наборщиком по клавишу. Набранная строка механически выключается, отливается и выбрасывается на специальную подставку, а матрицы автоматически возвращаются на место.

Затем появились машины Монолейн, Типограф (тоже строкоотливные) и буквоотливная машина Монотип. Наборные машины и их достоинства (быстрота и легкость набора) и недостатки (трудность корректуры на строкоотливных машинах) известны всем типографским рабочим и вообще работникам книжного дела и потому не буду останавливаться на них подробнее.

* * *

Типографское искусство за 500 лет своего существования накопило огромный опыт, создало известные традиции, выработало твердо установившиеся правила, без знакомства с которыми нельзя выпустить из типографии книгу не только художественную, но и просто технически правильно исполненную. Краткому изложению данных этого опыта и традиций, применительно к их практическому использованию, и будут посвящены дальнейшие главы этой книги.

ПОДГОТОВКА РУКОПИСИ К ПЕЧАТИ

В специальной литературе по вопросам полиграфической промышленности и даже в общей печати много раз поднимался важный вопрос о значительных накладных расходах, вызываемых авторской корректурой. Это, действительно, большое зло, которое удорожает издание книги и задерживает выход ее в свет. К сожалению, многие авторы считают как бы ниже своего достоинства обработать книгу в оригинале, откладывая ее окончательную отделку до авторской корректуры. Бывают случаи, когда, благодаря авторской или редакторской корректуре, десятки сверстанных листов приходится брать на верстатку и перебирать строку за строкой. Это совершенно недопустимо. Издательства должны включать в договоры с авторами пункт, — а типографии должны на этом настаивать, — требующий представления рукописи в окончательно обработанном виде. В авторской корректуре могут допускаться лишь небольшие стилистические поправки или такие исправления, необходимость которых возникла во время набора книги (например, опубликование новых данных, получение новых статистических сведений).

Этим должна ограничиваться авторская правка, и это предварительное условие крайне необходимо, чтобы все дальнейшие стадии, которые должна пройти рукопись с момента выхода из-под пера автора и до превращения ее в готовую книгу, проходили правильно, систематически, без перебоев. Без этого условия нельзя выпустить книгу, безукоризненную в техническом отношении.

Техническая редакция. Принятая от автора рукопись, — хотя бы и одобренная во всех редакционных инстанциях, — меньше всего готова для того, чтобы немедленно быть сданной в набор, хотя именно такой порядок, к сожалению,

практикуется слишком часто. Прежде чем сдавать оригинал в типографию, его необходимо технически проредактировать и обработать. И нужно твердо установить, что это относится не только к оригинальным произведениям (рукописям), но и к перепечаткам, — к последним даже особенно, потому что слепая вера в „печатный оригинал“ решительно ничем не оправдывается.

С уверенностью можно сказать, что непроредактированный печатный оригинал своею кажущейся непогрешимостью часто только сбивает с толку и наборщиков, и метранпажей, и корректоров, и в повторных изданиях, — как общее правило, — повторяются все ошибки оригинала. Поэтому всякий оригинал, — печатный или рукописный, безразлично, — до сдачи в типографию для набора обязательно должен подвергнуться техническому просмотру и чрезвычайно тщательной предварительной обработке.

Отделы и главы. Получив оригинал, технический редактор прежде всего устанавливает, разбита ли книга на отделы и главы. Если в книге несколько самостоятельных отделов, нужно решить, должны ли отделам предшествовать шмуц-тителы или обозначение отделов ставится прямо над главой. Это зависит от характера книги. В изданиях, которым хотят придать изящную внешность, можно ставить перед каждым отделом шмуц-тител (так называется специальная страница с обозначением отдела).

В изданиях, преследующих цель экономии бумаги, верстки и печати, этого можно не делать. Не следует ставить шмуц-тителы в небольших книгах (5—6 печатных листов). Вообще нужно помнить, что каждый шмуц-тител требует двух лишних страниц. Если в книге несколько шмуц-тителов, то при большом заводе это ее значительно удорожает. Во всяком случае, вопрос о шмуц-тителах должен быть решен до сдачи оригинала в набор.

Затем, если книга разбита на главы, нужно проверить порядок их нумерации. Очень часто, по ошибке автора или

рассеянности переписчика, после XI главы вдруг идет XIV. В корректуре эту ошибку легко пропустить, так как она, обыкновенно, читается частями,—нередко последующие главы раньше предыдущих,—и ошибка в нумерации глав имеет все шансы пройти незамеченной. Поэтому проверка нумерации глав — вовсе не пустяк, как это может показаться на первый взгляд. Попутно, при проверке глав, необходимо обратить внимание на их начертание. Нельзя в одном месте оставить — „Глава III“, в другом „Глава 4“, в третьем „Глава 5-я“. Везде должны стоять или римские цифры, или арабские с окончанием (буквенная приставка) или без него, или, наконец, словами (Глава первая), но непременно везде одинаково. Точно так же на оригинале непременно нужно отметить, выключается ли слово „Глава“ в красную строку, или в ту или другую сторону, или, как тоже иногда делают, в подбор с текстом.

Под главами нередко бывает краткое содержание следующего далее текста (конспект). Если конспект состоит из нескольких фраз, то нужно отметить, ставить ли между ними тире (—). Если глава, в свою очередь, разбита на параграфы или подзаголовки, необходимо их выделить и указать, каким именно способом их ставить: в красную строку, „фонариком“ (углом — „маргиналии“), вне формата и т. д.

Только после того, как закончена предварительная работа с заголовками, можно приступить к чтению рукописи. Основное правило: оригинал надо читать, не пропуская ни одного слова, а не „просматривать“.

Технический редактор не отвечает за содержание книги (хотя, понятно, если он случайно замечает ошибку по существу, он не вправе оставить ее неисправленной), но на нем лежит ответственность за ее техническую грамотность.

Однообразие орфографии. На что должно быть обращено внимание при чтении оригинала? Прежде всего на однообразие орфографии. В русском языке немало слов, которые допускают различную транскрипцию (эксплоатация

и эксплуатация, идти и итти, по-прежнему и попережнему, сельскохозяйственный и сельско-хозяйственный и мн. др.). Необходимо тщательно следить, чтобы везде было соблюдено единообразие орфографии, потому что нет ничего неприятнее, как встречать в книге, — часто на одной странице, — одно и то же слово, напечатанное по-разному. Далее нередко встречаются слова, которые пишутся то с прописной, то со строчной буквы: правительство, совнарком, совнархоз, Западная Европа и т. д. Если на этот счет нет специальных указаний редакции или автора, то нужно придерживаться следующего правила: в официальных изданиях все наименования учреждений пишутся с прописной буквы, во всех остальных случаях — со строчной. Немало недоразумений всегда возникает с сокращенными названиями, получившими в настоящее время такое широкое распространение. Одни пишут: СССР, ВСНХ, ВКП, другие — С. С. С. Р., В. С. Н. Х., В. К. П. Правильнее первое начертание, потому что эти буквы надо рассматривать, как слова, согласно их произношению.

Заголовки. Очень внимательно надо отнестись к рассмотрению и обработке заголовков. Современные авторы грешат склонностью к чрезмерной детализации своих работ и нагромождают заголовки и подзаголовки, нисколько не считаясь с техническими возможностями и с тем, какой вид будет иметь в книге это нагромождение заголовков. Главы, отделы, подотделы, пункты, параграфы в большом количестве не только не помогают читателю, но сбивают его с толку. Мне пришлось недавно редактировать книгу (правда, специальную), в которой один над другим стояло семь заголовков. Бывает и так, что одна глава разбита на подзаголовки, другая — нет, некоторые главы разбиты на подглавки, в других вдруг появляются боковые заголовки, которые затем опять исчезают и своей неожиданностью и ненужностью портят внешность всей книги. Некоторые авторы делают подзаголовки даже к боковым заголовкам (маргиналии), что технически не только недопустимо, но и невыполнимо.

Боковые заголовки должны быть очень коротки: не более двух, трех,— в крайнем случае, четырех строк. Это правило, к сожалению, далеко не всегда соблюдается, и приходилось встречать маргиналии в пятнадцать и даже больше строк. При формате уже $5\frac{1}{2}$ квадратов боковых заголовков, по моему мнению, лучше не делать.

Всякий заголовок вообще должен быть короток и выразителен. Длинный заголовок, во-первых, трудно усваивается читателем, а, во-вторых, его очень трудно красиво и технически правильно выполнить в наборе. Заголовок не должен занимать более двух строк, при чем вторая строка должна быть несколько короче первой (если весь заголовок выключается в красную строку). Это, конечно, не всегда возможно, но к этому надо стремиться.

На все эти особенности заголовков нужно обратить внимание при чтении рукописи. Надо свести их к возможному минимуму и распределить так, чтобы в книге они были расположены правильно и красиво.

Подчеркнутые слова. Подчеркиванием слов, т. е. применением курсива и разрядки, в настоящее время также часто злоупотребляют. Выделение слов или целого предложения в тексте имеет целью обратить особое внимание читателя на данное место, показать, что именно ему автор придает важное значение. Цель не достигается, если выделенные слова встречаются чуть не на каждой странице. Внимание читателя рассеивается, и он как бы перестает верить важности подчеркнутых слов, не говоря уже о том, что страница, пестрящая курсивом или разрядкой, никогда не будет красива. Поэтому следует избегать слишком частых подчеркиваний. Мысль автора должна быть так изложена, чтобы важное в ней само останавливало на себе внимание и не требовало подчеркивания.

Это не относится, конечно, к специальным сочинениям, где часто приходится выделять курсивом или разрядкой собственные имена, технические термины и т. д.

В следующей главе о монтаже книги я буду говорить о тех исключительных случаях, когда, наоборот, требуется выделение и подчеркивание слов, в данном же случае речь идет об обыкновенном книжном тексте.

При подчеркивании слов в оригинале надо заранее точно определить, какие именно места и какими шрифтами выделять. Ни в каком случае нельзя допускать, чтобы на одной странице набор шел курсивом, на другой — в разрядку, на третьей — жирным. Шрифты надо согласовать с техническими возможностями типографии, в которой книга будет печататься. Некоторые общие соображения, которыми можно руководствоваться при выделении отдельных слов и целых предложений, сводятся к следующему. Если выделенных мест не очень много, то набор своим (т. е. тем шрифтом, которым набирается вся книга) в разрядку красивее, чем набор курсивом, который всегда производит неприятное впечатление чужого пятна. Если же автором подчеркнуты и выделены целые длинные периоды по несколько строк, — иногда целые абзацы, — то в этих случаях, наоборот, разрядка не годится и надо пользоваться курсивом, с тем, однако, непременным условием, чтобы был курсив того же характера, как обыкновенный шрифт, и чтобы он держал правильную линию. Если такого курсива нет в типографии, приходится останавливаться на разрядке. Жирные шрифты в книжном тексте употребляются, как исключение.

Иностранные слова. В последнее время, с легкой руки ежедневных газет, вошло в обычай писать встречающиеся в тексте иностранные слова русскими буквами. Кому не намозолили глаза выражения „де-юре“ и „де-факто“? Вероятно, не один читатель ломал себе голову над вопросом, что это за звери. Мне кажется, что эта „смесь французского с нижегородским“ должна, наконец, встретить решительный отпор со стороны литературных работников. В этом калечении языка нет решительно никакой необходимости. Если это делается в предположении, что рабочий читатель не знает

иностранных языков, то столь же верно утверждение, что рабочий все-таки не поймет иностранного слова, даже если оно написано русскими буквами. Поэтому, в зависимости от того, на какого читателя рассчитана книга, правильнее иностранные слова так и печатать иностранными буквами или переводить их на русский язык. Я не думаю, чтобы слова „юридически“ и „фактически“, давно получившие право гражданства в русском языке, были для читателя менее понятны, чем пресловутые „де-юре“ и „де-факто“.

То же самое—относительно названий иностранных газет и журналов. Нет никакой необходимости преподносить читателю такие непонятные слова, как, например, „Матэн“, „Таймс“ и другие, в то время как их можно передать русскими словами „Утро“, „Время“ или французскими и английскими словами с русским переводом в скобках.

Могут возразить, — и такие возражения приходилось слышать, — что и за границей русские слова пишут иностранными буквами (например, „Izwestya“, „Prawda“). На это можно ответить, что плохой пример—не закон и что, вероятно, французский и английский читатели так же ломают себе голову над непонятными им словами, хотя и напечатанными знакомыми буквами, как русский читатель спотыкается на „Матэнах“, „Таймсах“ и „де-юрах“.

Такая неряшливость языка неприятна и в газете, в которой многое, впрочем, объясняется спешностью работы, но совершенно недопустима в книге.

Вообще, злоупотребление иностранными словами, которыми все более и более засоряется русский язык, решительно ничем не оправдывается, и при обработке рукописи на это необходимо обращать внимание, в нужных случаях входя в соглашение с автором.

Выноски и примечания. При наборе невыправленного или плохо выправленного оригинала типографиям бывает немало хлопот с выносками (подстрочными примечаниями). Для обозначения выноски существует несколько разных способов:

звездочка или цифра со скобкой, без скобки, в скобках. В оригинале это должно быть тщательно указано. Как правило, можно рекомендовать, в тех случаях, если примечаний немного (не более двух или трех на странице), ставить звездочки, если же примечаний много (больше трех на странице) — цифры со скобкой или без скобки — дело вкуса. При подстрочных примечаниях каждая страница имеет свой порядок выносок, начиная с одной звездочки (*) или цифры (1), но, как исключение, бывают случаи, когда, по каким-либо причинам, нумерация выносок (примечаний) идет не по страницам, а через всю книгу. В таких случаях выноски всегда обозначаются цифрами, и если их много (трехзначные), то лучше ставить их без скобок. Если примечаний очень много, лучше вынести их в конец книги или в конец отдела или главы (в таком случае нумерацию выносок в каждом отделе или главе начинают с первой), и тогда выноски непременно обозначаются цифрами. Бывают случаи (правда, редкие), когда наряду с подстрочными примечаниями идут примечания в конце книги. В таком случае первые отмечаются звездочкой, а вторые — цифрой.

Есть авторы, которые чувствуют особое пристрастие к подстрочным примечаниям и испещряют ими книгу, хотя ничто так не портит ее внешности и не затрудняет чтения, как обилие примечаний. Между тем очень часто примечания не вызываются необходимостью и без ущерба для содержания могут быть включены в текст. Если при чтении оригинала выясняется, что в книге примечаний больше, чем это технически допустимо и приемлемо, то надо войти с автором в соглашение о их сокращении или перенесении их в текст. Очень часто книга ничего не проигрывает от этого по существу, но зато безусловно выигрывает во внешности.

Разметка рисунков. Если в книге будут рисунки, то места их расстановки непременно должны быть указаны в оригинале. Если книга носит характер учебника или руководства, а рисунки поясняют текст, то в оригинале в соответствующих

местах должна быть ссылка на относящийся к тому или другому месту рисунок. Такие ссылки заключаются в скобки и, обыкновенно, набираются курсивом, чтобы их сразу можно было заметить при просмотре книги. Если в книге имеются иллюстрации, которые предположено поместить на отдельных страницах, то в оригинале указывается, в каком месте книги они должны быть помещены. Конечно, такие указания даются лишь приблизительно, и при верстке, в зависимости от технических условий, рисунок может быть поставлен дальше или ближе. Оттиски клише должны обязательно прилагаться к оригиналу при сдаче его в типографию.

На оттисках должны быть сделаны все подписи, потому что отсутствие их затрудняет и задерживает верстку.

Еще одно необходимое указание. Вероятно, многие обращали внимание на обилие книг с плохо отпечатанными рисунками. Иногда попадаются книги, в которых вместо рисунка стоит загадочное черное пятно. В таких случаях, обыкновенно, сваливают вину на типографию, тогда как часто типография здесь ни в чем не виновата. Дело в том, что прежде чем сдать рисунок в цинкографию, надо определить, можно ли сделать с него клише. Сплошь и рядом делают клише с негодных оригиналов, которые берут из старых плохо отпечатанных изданий. Нужно знать, что клише с плохого оригинала выйдет еще хуже. Если клише делают с фотографии, то снимок, слабо отпечатанный, для этого не годится. Под влиянием сильного света при процессе пересъемки такой слабый отпечаток подвергается разложению, и клише не выйдет. Короче говоря, хороший оригинал — непременно условие для получения хорошего клише.

В сомнительных случаях перед сдачей оригинала рисунка для изготовления клише надо посоветоваться с цинкографом, потому что лучше совсем не иллюстрировать книгу, чем давать плохие иллюстрации.

При сдаче рисунков в цинкографию надо определить их размер в зависимости от формата книги, при чем нужно иметь в виду, что изменить размер клише сравнительно

с оригиналом можно только пропорционально, т. е. можно уменьшить или увеличить всю площадь рисунка в ширину и в высоту, но нельзя, например, уменьшить его ширину, оставив ту же высоту.

Таблицы и выводы. Очень тщательно нужно всегда просматривать встречающийся в тексте цифровой материал и заранее рассчитать, как его поместить: — таблицей или выводом; если таблицей, то — вдоль страницы или поперек или, наконец, на развороте (распашные таблицы). Если таблица не помещается и ее никак нельзя сократить, то приходится печатать ее на вкладном листе, чего следует, по возможности, избегать, так как это осложняет фальцовку и брошюровку и, следовательно, удорожает стоимость книги.

Нередко сложные и большие таблицы, карты или диаграммы, на которые имеются ссылки в тексте, прикладываются в конце книги. В этом случае надо быть очень внимательным, чтобы ссылка в тексте соответствовала приложению, на которое она указывает. Так как названные приложения большей частью печатаются после того, как книга уже готова, то ошибка в тексте уже непоправима.

Если книга снабжена заставками и концовками, то их нужно тщательно разметить, указав, к какому отделу или главе они относятся.

Литературная обработка. Техническая обработка оригинала этим еще не исчерпывается. Исправление стиля также входит в обязанности технического редактора. Литературная неряшливость, к сожалению, свойственна весьма многим авторам, а особенно — переводчикам. Нередко приходится встречать в книгах такие выражения, как „он представлял из себя“ вместо „представлял собой“, „одеть“ вместо „надеть“ („он одел пальто“ вместо: „надел“), „я одолжил сегодня десять рублей“ вместо: „я занял десять рублей“. Эти отчасти грамматические, отчасти стилистические промахи, провинциализмы и варваризмы встречаются нередко, свидетельствуя

об авторской и редакторской небрежности. Встречаются иногда,—особенно часто в научных сочинениях,—длинные периоды, занимающие чуть ли не целую страницу, в придаточных и вводных предложениях которых можно окончательно запутаться. Несколько поставленных на месте точек сделают такой нескладный период удобочитаемым.

В настоящее время нередко печатаются отдельными брошюрами стенограммы речей и докладов. Далеко не всегда ораторы и докладчики обрабатывают свои речи для печати, а между тем разговорный и литературный язык — не одно и то же. Неизбежные в речи обмолвки, повторения, неудачные выражения сейчас же забываются слушателем, а часто просто проходят незамеченными, но бросаются в глаза в напечатанном виде. Поэтому такой оригинал требует особенно тщательного просмотра и технической обработки. Вообще, чистота и правильность языка — необходимое условие всякой книги, и можно лишь пожалеть, что на эту серьезную сторону дела не всегда обращают достаточно внимания.

Повторные издания. При редактировании повторных изданий необходимо внимательно следить, нет ли каких-нибудь анахронизмов или несоответствий, возникающих в связи с теми или иными изменениями, происшедшими после выпуска предыдущего издания. В этом отношении „печатный оригинал“, если ему довериться, так сказать, на слово, может сыграть злую шутку, и читатель может вдруг получить сведения о несуществующих государствах или отнести к 1926 году события, относящиеся к давно прошедшему времени.

Рисунки, карты, диаграммы, чертежи и пр., встречающиеся в повторных изданиях, надо проверить особенно тщательно. Во-первых, этот материал часто успевает устареть ко времени выхода нового издания, во-вторых, переработав книгу, авторы иногда сокращают или прибавляют иллюстрационный материал, забывая исправить ссылки на него и нумерацию. В результате получается большая путаница. Вообще, повторяю, оригинал повторного издания не следует

сдавать в набор непросмотренным. Даже в простом сплошном тексте всегда могут встретиться места, требующие исправления.

* * *

Каждое из приведенных выше указаний может показаться мелочью. Но именно из этих мелочей составляется книга,— как продукт полиграфического производства (только с этой точки зрения я и рассматриваю книгу в настоящей работе), и несоблюдение этих мелочей,— хотя бы даже некоторых из них,— влечет за собою порчу книги и во всяком случае затрудняет и осложняет процесс ее изготовления. Поэтому самая тщательная техническая обработка оригинала перед сдачей его в набор должна быть обязательной, и только тогда отпадет необходимость бесчисленных корректур, заставляющих типографию затрачивать массу совершенно непроизводительного труда.

МОНТАЖ КНИГИ

Всякий продукт человеческого труда, выпускаемый из фабрики, с завода, или из мастерской рабочего кустаря, помимо того, что он должен удовлетворять известным практическим требованиям, должен,—также в известных, конечно, пределах,—иметь красивую внешность, доставлять эстетическое художественное наслаждение. Если от пары сапог мы требуем, чтобы они были не только прочны, но и изящны, если к сапожнику, столяру, портному мы предъявляем требование, чтобы изготовленные ими предметы были красивы, то с тем большим основанием такие требования можно и должно предъявлять к книге.

Книга — лучший друг человека. Эту истину познал еще древний мир, и с течением веков время только утвердило глубокую правильность этой мысли. Лучший друг человека, за которым числятся такие огромные заслуги на протяжении многих веков, заслужил, чтобы к нему относились не только внимательно, но и с любовью. И, действительно, еще в очень отдаленные времена переписчики книг, а затем типографы прилагали все усилия, чтобы сделать внешность книги изящной и привлекательной. Книги украшались художественно исполненными заглавными буквами (инициалами), заставками и концовками. Заглавные листы (в печатных книгах титул появляется лишь в XVI веке) также выполнялись очень художественно.

Искусство книги в России. У нас, в России, искусство книги, вообще, и искусство обложки и титула, в частности, никогда не стояло на большой высоте. Конечно, не было недостатка в очень дорогих „художественных“ изданиях, но вся эта „художественность“ была очень невысокой марки и сводилась, главным образом, к дорогой бумаге, четкому

крупному шрифту и обилию иллюстраций. Что касается техники выполнения всей этой роскоши, то сплошь и рядом она была ниже критики и порой могла привести в отчаяние знатока и любителя типографского дела обилием встречавшихся на каждом шагу технических ошибок. Ни дорогая бумага, ни обилие рисунков, ни четкость и изящество шрифта, ни самый дорогой переплет сами по себе не делают книгу совершенной. Дело не только в качестве материала, а в художественном и умелом его использовании. Книгу делают красивой, изящной, если нужно — роскошной, наборщики, метранпаж и печатники.

Искусство книги очень сложно, и еще очень недавно, — в тяжелые 1919—1921 годы, — казалось, что оно навсегда утрачено для русских типографий, — в таком ужасном виде, так небрежно выпускались книги в эту эпоху. Но в 1922 году искусство книги в Республике Советов возрождается. На внешность книги начинают обращать все больше внимания, и в настоящее время некоторые русские издания по красоте и изяществу выполнения могут конкурировать с лучшими заграничными изданиями. Правда, и сейчас еще в книгах нередко встречаются технические дефекты, но в значительной степени они объясняются чисто организационными недостатками, вроде сдачи в набор невыправленного оригинала, плохой корректуры, слабой дисциплины и пр.

Но чтобы книга вышла из-под печатного станка в совершенном виде, забота о ней должна начаться значительно раньше, чем оригинал попадает в типографию.

После того, как закончена подготовительная работа по технической обработке рукописи, нужно тщательно обдумать и выяснить, в каком виде книга должна выйти из печати: нужно сделать монтаж книги, предусмотрев и заранее определив все технические подробности ее внешнего вида. В настоящее время оригинал, обыкновенно, сдается в типографию с лаконичным определением шрифта и формата: „Корпусом на шпонах, 5×8 квадратов“. Все остальное предоставляется вдохновению наборщиков, метранпажей и корректоров, —

а если принять во внимание, что и их работа часто тоже не согласована, то порой случается, что вышедшая из печати книга, по своей внешности, является совершенной неожиданностью для автора, издательства, читателей, а нередко и для... типографии.

Форматы. Первым вопросом, который надо разрешить перед сдачей книги в набор, является вопрос о формате и шрифте. Это — вопрос очень сложный, между прочим, потому, что выбор формата бумаги не предрешает формата страницы. На странице бумаги определенного формата можно поместить различные форматы текста, комбинируя ширину полей, рамок и украшений. Первые книги печатались форматом *in folio* (четыре страницы из листа с одним сгибом). В настоящее время этот формат вышел из употребления, главным образом, благодаря его непрактичности: на современных печатных машинах нет смысла печатать четыре страницы. Впрочем, до войны у нас изредка выпускали „роскошные“ издания *in folio*, но они не характерны для современного полиграфического искусства. Следующий формат, — тоже неупотребительный в настоящее время, — *in quarto* (восемь страниц из листа, фальцуется в два сгиба). Наконец, появляется формат *in octavo* (одна восьмая листа, или 16 страниц на листе, фальцуется в три сгиба). Этот последний формат остается наиболее употребительным и в настоящее время. Форматы *in folio* и *in quarto* в свое время имели объяснение в тогдашних условиях полиграфического производства. На примитивном деревянном станке, работающем нажимом, как пресс, почти невозможно ровно и четко оттиснуть большой лист. Сила давления, естественно, распределяется неравномерно, и оттиски должны были получаться более черные посредине, непосредственно под винтом, и более бледные по краям. В соответствии с этим вырабатывались и форматы бумаги, которые, кроме того, в течение первого времени существования бумажной промышленности должны были подражать форматам листов пергамента, долго

державшегося на рынке рядом с бумагой и успешно с ней конкурировавшего.

В настоящее время ходовыми форматами считаются восьмая, шестнадцатая и тридцать вторая доли листа, дающие 16, 32 и 64 страницы из листа, в зависимости от его размера. Редко применяются форматы в двенадцатую, восемнадцатую и двадцать четвертую доли листа, хотя во многих случаях они представляются очень удобными; еще реже берется формат в одну двадцатую. Редкость употребления этих форматов отчасти объясняется некоторыми затруднениями при ручной фальцовке (лишние сгибы и непривычный для фальцовщиков порядок сгибов) и невозможностью машинной фальцовки некоторых форматов, но это, конечно, не может считаться уважительной причиной для их игнорирования.

Однако, при определении формата книги приходится считаться с ограниченным выбором бумаги на современном бумажном рынке.

Вот форматы, вырабатываемые в настоящее время русскими бумажными фабриками, в сантиметрах:

Рояльная	108 × 72	Четырехписчая	92 × 75
Альбомная	54 × 72	Бесформатная	114 × 82
Четырехпочтовая	94 × 62	Двухлистка	46 × 75

Формат, конечно, должен соответствовать содержанию книги. Нельзя выпустить карманный справочник форматом в восьмую долю листа или многотомный энциклопедический словарь маленьким форматом. Большие книги (словари, учебники, научные сочинения и т. п.) выпускаются всегда большим форматом, — не меньше шестнадцатой доли рояльного листа или восьмой доли альбомного (практика установила, что расчет печатных листов производится, обыкновенно, по формату альбомного листа, составляющего половину рояльного; отпечатанный с двух сторон рояльный лист дает два листа альбомных). Для небольших брошюр применяется маленький формат. Но если комбинировать форматы книги только в зависимости от формата имеющейся бумаги, то,

при ограниченности ее выбора, все книги будут похожи одна на другую. Поэтому с форматом бумаги приходится считаться лишь приблизительно и нередко жертвовать обрезаем, выбирая для книги меньший формат, чем это допускает размер имеющейся на рынке бумаги.

При выборе формата бумаги надо, вообще, руководствоваться толщиной книги. Тонкая, „тощая“, книга производит неблагоприятное впечатление. Например, книгу в два печатных листа лучше выпускать в 64, чем в 32 страницы. Разница — в лишнем сгибе при фальцовке, зато книга получит совсем другой вид. К полному рояльному формату (одна восьмая доля альбомного листа) я рекомендовал бы прибегать с большой осторожностью и только при выпуске толстых книг — не меньше 25 — 30 листов. С этим, однако, не приходится считаться, если хотят выиграть на печати, так как рояльный лист вмещает больше знаков, чем четырехпочтовый.

Чем руководствоваться при определении формата страницы набора? Во многих руководствах и пособиях по типографскому делу рекомендуется руководствоваться законом „золотого сечения“ (или „золотой пропорции“).

Золотым сечением называется деление одной линии так, чтобы меньшая часть относилась к большей, как большая к целому. Для определения этой пропорции существует очень несложный инструмент, так называемый, „золотой циркуль“. Но для наших целей эту пропорцию можно найти и без циркуля. Делается это так: ширина (в нашем случае — ширина строки) делится на пять равных частей. Восемь таких частей составляют длину, т. е. если ширина формата страницы определяется в 5 квадратов, то длина ее должна быть 8 квадратов. Не знаю, руководствуется ли хоть одна типография при определении формата законом о золотом сечении, но нетрудно убедиться, что на практике этот закон далеко не всегда применим. Если, например, взять ширину строки в 4 квадрата, то длина страницы, согласно закону золотого сечения, должна быть 192 пункта: $5 \times 8 = 307\frac{1}{5}$ пункта, или 6 квадратов и 19 пунктов с дробью. Понятно, ни одна

типография не будет верстать по такому странному формату, хотя он и точно соответствует требованиям закона о золотом сечении. Обычная длина страницы, при строке в 4 квадрата, определяется от $6\frac{1}{2}$ до 7 квадратов. Поэтому никаких теоретических расчетов для определения формата страницы дать нельзя. Это — дело вкуса и практических соображений. Отношение ширины к длине по закону „золотого сечения“ выражается в следующих единицах:

Шир.	Дл.	Шир.	Дл.	Шир.	Дл.	Шир.	Дл.	Шир.	Дл.
0,6	1	13,0	21	25,3	41	37,7	61	50,1	81
1,2	2	13,6	22	26,0	42	38,3	62	50,7	82
1,9	3	14,2	23	26,6	43	38,9	63	51,3	83
2,5	4	14,8	24	27,2	44	39,6	64	51,9	84
3,1	5	15,5	25	27,8	45	40,2	65	52,5	85
3,7	6	16,1	26	28,4	46	40,8	66	53,2	86
4,3	7	16,7	27	29,0	47	41,4	67	53,8	87
4,9	8	17,3	28	20,7	48	42,0	68	54,4	88
5,6	9	17,9	29	30,3	49	42,6	69	55,0	89
6,2	10	18,5	30	30,9	50	43,3	70	55,6	90
6,8	11	19,2	31	31,5	51	43,9	71	56,2	91
7,4	12	19,8	32	32,1	52	44,5	72	56,9	92
8,0	13	20,4	33	32,8	53	45,1	73	57,5	93
8,7	14	21,0	34	33,4	54	45,7	74	58,1	94
9,3	15	21,6	35	34,0	55	46,4	75	58,7	95
9,9	16	22,2	36	34,6	56	47,0	76	59,3	96
10,5	17	22,9	37	35,2	57	47,6	77	59,9	97
11,1	18	23,5	38	35,8	58	48,2	78	60,6	98
11,7	19	24,1	39	36,5	59	48,8	79	61,2	99
12,4	20	24,7	40	37,1	60	49,4	80	61,8	100

Наиболее употребительными форматами страницы набора в настоящее время являются (в квадратах): 7×12 (шестнадцатая доля рояльного листа), 5×8 и $5\frac{1}{2} \times 8$ (тридцать

вторая доля рояльного), $6 \times 10^{1/2}$ (шестнадцатая доля четырехпочтового), $4^{1/2} \times 7$ (тридцать вторая доля четырехпочтового). Указанные форматы дают правильные белые поля вокруг текста, но иногда от них приходится отступать. Например, если книга печатается форматом в одну шестнадцатую долю рояльного листа, а верстка идет с боковыми заголовками на полях, то формат набора приходится сузить и определить в 6×11 , потому что квадрат надо оставить на заголовки. В длину формат страницы уменьшается, так так, если дать 6×12 , то нарушится пропорциональное соотношение длины и ширины страницы.

Наконец, бывают случаи, когда почему-либо надо дать широкие поля. Тогда опять формат набора приходится назначать уже и короче, чем может вместить страница. Понятно, что во всех этих случаях книгу приходится обрезать снизу, чтобы привести поля в соответствие.

При определении формата надо также иметь в виду, как будут шить книгу: нитками или проволокой, а в последнем случае — в корешок или на прокол в сгибе. Если книга шьется проволокой в корешок, поля в корешке должны быть настолько широки, чтобы после брошюровки в развернутой книге строки не заходили под прокол.

Все эти особенности надо учесть при выборе формата.

Выбор бумаги. Проф. А. Сидоров в своей статье: „Книга, как объект изучения, и художественные элементы книги“ * говорит по этому поводу следующее: „Вопрос о бумаге, т. е. о непосредственном теле книги, в глазах наших есть вопрос не формально-художественный, а материально-профессиональный. Любоваться в книге ее бумагой — все равно, что в статуе Микель-Анджело любоваться только ее мрамором“. Такое утверждение нельзя принять безоговорочно. Вопрос о бумаге для книги является вопросом первостепенной важности. Та самая книга, в которой помещена

* Книга в России. I. Русская книга от начала письменности до 1800 г.

цитируемая статья профессора Сидорова, — как и другой его интересный труд: „Искусство книги“, * — напечатаны на очень хорошей бумаге. И это понятно. Превосходно сделанная во всех отношениях, в смысле технического выполнения, и безукоризненно отпечатанная книга на плохой бумаге выходит серой и некрасивой. Поэтому при монтаже книги первым должен быть решен вопрос о бумаге (формат, вес, цвет, качество), и уже применительно к тому, как разрешается эта задача, ставятся и разрешаются все остальные вопросы, связанные с выпуском книги.

Форматы бумаги, как сказано выше, в настоящее время очень немногочисленны. Что касается веса, то книжная печатная бумага русских фабрик вырабатывается следующих сортов:

Вес 500 листов в килограммах **

Четырехпочтовая	17	17,3	17,5	18	18,5				
Рояльная	19	19,5	21	21,3	21,4	22	22,5	23	24 25
Маслянка белая рояльн.	42	43	64	65	66				
Обложка цветная:									
Рояльная	56	57	58	60					
Альбомная	16,8	17,5							
Обложка белая	42,8								

Выбор развеса стоит в зависимости от характера книги. Чем легче бумага, тем она дешевле и, следовательно, дешевле получается книга. Цвет бумаги предпочтителен с желтоватым отливом, так как ярко-белый цвет составляет слишком резкий контраст с черными строками и неприятно режет глаз. Для художественных изданий лучше брать бумагу желтоватую или белую, но матовую. Качество бумаги определяется, с одной стороны, свойством выработки, с другой — внешностью. Бумага на свет должна быть совершенно ровной, без желтых точек и пятен, при разрыве не

* Проф. А. Сидоров. — „Искусство книги“.

** Вес заграничной бумаги определяется по 1000 листов.

должна давать волоконца, наконец, должна быть прочной, выдерживая 15 — 20 перегибов. По внешнему виду хорошая бумага должна быть глазированной и слегка проклеенной; если же бумага не глазирована, то поверхность ее должна быть совершенно ровная, без узлов и бугорков. Это относится и к специально вырабатываемым сортам шероховатой бумаги. Шероховатость должна быть равномерной на всем листе.

Для очень дешевых изданий, рассчитанных на массовое распространение, при издании которых преследуется, как главная цель, дешевизна, можно брать газетную непроклеенную бумагу 36 — 38 фунтов в стопе рояльного формата. Бумага этого веса, не имея блестящего вида, вполне удовлетворительна, особенно если она правильного желтоватого оттенка. Такая бумага хорошо принимает краску, не просвечивает и для дешевых изданий вполне удовлетворительна.

Для изданий более дорогих, в которых придается значение внешности, можно рекомендовать бумагу от 50 до 60 фунтов, проклеенную и глазированную. Бумага тяжелее 60 фунтов употребляется преимущественно на обложки и на текст идет лишь в редких случаях. К сожалению, русские фабрики не вырабатывают сортов плотной и в то же время легковесной бумаги.

Бумага для обложки употребляется белая или цветная, безразлично, но необходимо выбирать такие цвета, чтобы краска на ней выделялась ярко и отчетливо. Поэтому для обложек, печатаемых черной краской, темные цвета (темно-синий, темно-серый, темно-зеленый) не годятся: заглавие книги будет пропадать. К выбору цвета обложки особенно внимательно надо отнестись в том случае, если обложка печатается цветной краской или в несколько красок.

Понятно, нельзя брать красную бумагу, если текст или часть текста обложки печатается красной краской. Но нельзя также печатать обложку, например, зеленой краской на желтой бумаге, или наоборот: получится некрасивое пятно — вроде яичницы с зеленым луком. Нужно учитывать также,

какие сорта красок имеются в типографии, — кроющие или прозрачные, — и в соответствии с этим комбинировать цвет обложечной бумаги, имея в виду, что прозрачные краски меняют свой цвет в зависимости от цвета бумаги.

Выбор шрифта. Для книжного сплошного набора, обыкновенно, употребляется шрифт от 8 до 16 пунктов, т. е. от петита до терции. Мельче 8 пунктов и крупнее 16 текст почти никогда не набирается. Сплошь петитом книги набираются тоже очень редко, лишь в специальных изданиях: словари, справочники, но и для этих книг можно скорее рекомендовать боргес (на кегель 9), очень убористый и в то же время четкий шрифт. В настоящее время боргес отливается нашими словолитнями на кегель 8, т. е. шрифт имеет очко боргеса при кегле петита.

Терцией набор также производится редко. Ее можно применять в книгах для детей младшего возраста, при чем не следует набирать ею на формат уже семи квадратов. Митель, — кегель 14, — шрифт мало употребительный, но в сплошном тексте по рельефности и четкости очка с успехом может заменить терцию. Терция и митель очень пригодны для небольших брошюр, предназначенных для широкого распространения, преимущественно, среди малограмотного населения.

Самые распространенные текстовые шрифты — корпус (10 п.) и цицero * (12 п.), из них ходовой — корпус. По очку шрифты очень разнообразны и нет возможности перечислить их все. Сейчас наиболее распространенными шрифтами являются: Академический, Корина, Пальмира, Петровский, Московский, Медиаваль, Рената и др.

* Настоящий цицero имеет на кегель 11 пунктов. 12 пунктов — гробецицero. Но русские словолитни не отливают шрифта на 11 пунктов, и в типографиях „цицero“ называется шрифт на 12 пунктов. Цицero рассматривается и как определенная часть квадрата. Говорят — „два цицero“ вместо полквдрата. Поэтому везде, где я говорю о цицero, я имею в виду шрифт на кегель 12.

Шрифты различного рисунка очка:

Рисунки современных книжных русских шрифтов

Узкий обыкновенный

Рисунки современных книжных русских шр

Обыкновенный

Рисунки современных книжных русских шри

Курсив обыкновенный

Рисунки современных книжных русских шр

Латинский

Рисунки современных книжных русских шр

Курсив латинский

Рисунки современных книжных русских ш

Полужирный латинский

Рисунки современных книжных русских ш

Корина

Рисунки современных книжных шрифто

Полужирный корина

Рисунки современных книжных русских шри

Академический

Рисунки современных книжных русских шр

Курсив академический

Рисунки современных книжных русских шр

Полужирный академический

Рисунки современных книжных русски

Пальмира

Рисунки современных книжных русских

Курсив пальмира

Рисунки современных книжных русских шрифт

Английский узкий

Рисунки современных книжных русских шрифтов

Древний

Рисунки современных книжных русских шрифтов явля

Узкий гротеск

Шрифты различного рисунка очка:

Рисунки современных книжных русских ш

Гротеск широкий светлый

Рисунки современных книжных русских

Полужирный гротеск

Рисунки современных книжных

Жирный гротеск

Рисунки современных книжных русских шрифтов

Карола гротеск

Рисунки современных книжных русских шрифтов явл

Зецессион светлый

Рисунки современных книжных русских шрифто

Полужирный зецессион

Рисунки современных книжных русских шрифтов являют

Узкий ренессанс

Рисунки современных книжных русских

Полужирный ренессанс

Рисунки современных книжных рус

Констанция

Рисунки современных книжных русек

Вашингтон

РИСУНКИ СОВРЕМЕННЫХ КНИЖНЫХ РУССКИХ ШИ

Визит

Рисунки современных книжных русских шрифтов явл

Рукописный медиаваль

Рисунки современных книжных русских шрифтов являют

Рукописный триумф

Рисунки современных книжных русских шриф

Рондо

Рисунки современных книжных русских шрифтов

Идеал

Рисунки современных книжных русских ш

Ганза курсив

Каждый из этих шрифтов имеет свой характерный рисунок очка, и с этим приходится считаться при монтажке книги. Например, Пальмиру и близкий к нему по рисунку Петровский нельзя рекомендовать для учебников или научных сочинений. Своей своеобразной вычурностью они не отвечали бы содержанию книги. Зато для беллетристики оба эти шрифта превосходны. Корина или латинский, с четким и строгим рисунком, без всяких излишних украшений, очень пригодны для учебников, руководств, популярно-научных и научных сочинений. Академический шрифт сейчас в большом ходу, и нужно признать, что его популярность оправдывается изяшным рисунком очка. Этот шрифт хорош и для политической литературы. Некоторые словолитни отливали раньше шрифт с очком цизеро на кегель корпуса. Это очень крупный, четкий и легкий для чтения шрифт, но набирать им надо непременно на шпонах, иначе верхние и нижние края строк (особенно буквы с „хвостом“), сходятся слишком близко, почти сливаются. Отливали также шрифт с корпусным очком на кегель цизеро. Шпонами набор этим шрифтом никогда не разбивается, но оттиски производят впечатление набора корпусом через шпон. Теперь такие шрифты не отливаются, но при наборе на машинах некоторых конструкций такая отливка возможна.

При назначении шрифта надо знать, — к сожалению, это далеко не всегда соблюдается, — технические возможности типографии, и прежде всего — сколько листов, набранных данным шрифтом, может „выставить“ типография. Это очень важно потому, что при небольшом количестве шрифта набор задерживается печатанием. При большом заводе это может задержать выпуск книги. Затем нередко бывает, что, располагая значительным количеством того или другого шрифта, типография не имеет к данному комплекту достаточного количества цифр, скобок, кавычек, дробей или каких-нибудь других знаков (§, № и т. п.), а между тем нередко случается, что эти знаки часто встречаются в книге. Если нет уверенности, что нужный шрифт имеется не только

в достаточном количестве, но и в полном комплекте, надо заменить его другим.

Если книга набирается двумя или несколькими шрифтами (это бывает очень часто: выноски, примечания, таблицы, выводы, предисловие), то нужно быть уверенным, что в типографии есть все шрифты одинакового характера. Нельзя набирать текст Академическим корпусом, примечания — Петровским петитом, а предисловие — цизеро Пальмира. Выдержанность шрифта это — основное условие, которому должен удовлетворять набор каждой книги.

Заголовки. Заголовки в тексте имеют первостепенное значение, и при монтаже на них необходимо обратить внимание и заранее обусловить, в каком порядке и какими шрифтами их набирать и как располагать. Опытный метранпаж или инструктор всегда даст в этом отношении ценные советы. Понятно, что шрифты для заголовков должны быть того же характера, как и те, которыми набирается текст, а кегель шрифтов заголовков должен быть пропорционален кеглю основного текстового шрифта. Подробнее я буду говорить об этом в главе о наборе.

Некоторые особенности монтажа. Однообразие шрифтов по характеру очка является, как сказано, основным условием, которым определяется общий тип набора, но нельзя распространять это же правило и на кегель. Существует традиция, согласно которой текст набирается почти исключительно указанными шрифтами на кегель 8—16, а места, которые почему-либо надо подчеркнуть, выделить, набираются курсивом или жирными шрифтами того же кегля, которым набирается текст. Это — традиция, перешедшая в рутину. Между тем, современная литература знает особый тип произведений, неизвестных в дореволюционную эпоху, — произведения агитационные.

К монтажу агитационной брошюры надо подходить совсем с особой меркой, отбросив в сторону правила о симметрии

и единообразии. Задача агитационной литературы—захватить читателя, подчинить его определенной идее, запечатлеть в его мозгу тот или другой лозунг, те или иные положения. Сплошной серый текст, хотя бы и с выделенными курсивом или жирным словами, для этой цели положительно не годится. Тут нужно учесть психологию читателя, который далеко не всегда читает книгу, а часто только просматривает ее, перелистывает.

При беглом просмотре набранная обычным способом книга просто может не заинтересовать читателя, ничем не остановить на себе его внимания, и, следовательно, цель агитационной брошюры не будет достигнута. Как митинговая речь, произносимая перед многочисленной аудиторией и преследующая цели определенно агитационные, должна быть совсем иначе построена, чем обычная речь или доклад, так и агитационная брошюра должна быть так сделана, чтобы, раз попав в чьи-нибудь руки, не осталась непрочитанной. Все важные места в агитационной брошюре должны „кричать“, чтобы, даже при беглом просмотре, при перелистывании книги, они не остались незамеченными.

Тут может помочь недавно получивший применение новый вид набора, называемый конструктивным. Одной из первых книг, набранной и сверстанной вопреки всем старым правилам типографского искусства, является книга „Конструктивизм“ А. Гана.* В этой книге неожиданности на каждом шагу: сплошной текст прерывается смело брошенными поперек страницы (а иногда даже наискось!) крупными лозунгами, или так же неожиданно на пустой странице появляются вдруг две, три ударные строки. В некоторых местах текст разбит черными жирными широкими полосами, поставленными в кажущемся беспорядке, и эти неожиданно встречающиеся среди ровных строк черные полосы приковывают

* Алексей Ган. — „Конструктивизм“. Тверь. 1922. К сожалению, книга испорчена из рук вон плохой корректурой. Обилие опечаток ужасающее. Но это нисколько не меняет дела по существу данного вопроса, и монтаж книги остается превосходным и исключительно оригинальным.

к себе внимание и заставляют прочитать соприкасающиеся с ними строки.

Я уверен, что любой выпускающий, метранпаж или инструктор придут в ужас, если им предложить сверстать книгу по такому способу. Они приведут убедительнейшие и совершенно неопровержимые доводы, что так „никогда не делается“, что это „нарушает все правила и законы типографской техники“, что „никогда не видано“, чтобы строки ставились не поперек полосы, а наискось. Они будут тысячу раз правы. Так, действительно, „никогда не делается“, это, действительно, переворачивает вверх ногами „все правила и законы типографской техники“, действительно, „никогда не видано“, чтобы строки ставились наискось, а не поперек. Все это очень верно. И все-таки это решительно ничего не доказывает, вернее, не опровергает логической стройности и возможности системы набора и верстки, примененных в книге А. Гана. Так не делается, но так должно делаться, и я усердно рекомендую именно такую необычайную монтировку книги для литературы агитационного, ударного характера.

Вместо надоевшего курсива, который не столько выделяет страницу, сколько делает ее беспросветно скучной, после обыкновенного корпуса, бросьте смело несколько строк, набранных жирным на кегель 20 или даже 28; отбейте их сверху и снизу широкими пробелами; подчеркните этот же крупный шрифт жирной непарельной, даже цистерной линейкой в другом месте; наберите его уже формата и поставьте две широкие черные линейки по бокам — в третьем; перервите текст на первой половине страницы, а внизу бросьте одну крупную строку, чтобы она кричала, как кричит, дойдя до предельного пафоса, митинговый оратор; заключите часть текста в рамку; не бойтесь поставить на странице только две, три крупные строки. Если вы выделяете несколько строк крупным жирным шрифтом, не выстраивайте их по формату, как солдат в шеренгу, а поставьте в беспорядке: одна строка короче, другая — длиннее, в третьей — одно слово. Трудно

перечислить все возможности такого монтажа, — это дело вкуса и изобретательности, — но возможности эти почти безграничны и можно сделать так, что книга будет кричать, что она заставит себя прочитать.

Конечно, из всего сказанного вовсе не следует, что смонтированную таким образом книгу можно просто набирать и верстать, „как бог на душу положит“. Дескать, раз ниспровергаются все правила типографской техники, значит — все дозволено. Это вовсе не „значит“. Такой монтаж вовсе не является оправданием типографской безграмотности. Наоборот, в этом кажущемся беспорядке и бессистемности должны быть свой порядок, своя стройная система. Все части набора должны быть строго соразмерны, должны гармонировать друг с другом, должны быть тщательно подобраны шрифты одного характера, и каждая „неожиданность“ должна иметь оправдание, и логическое, и техническое. Выпуск такой книги требует больших знаний, опыта и художественного вкуса.

Нужно оговориться, что большую книгу так монтировать нельзя. Это годится только для небольших брошюр агитационного характера в один или два листа, не больше, т. е. для книжечек, которые читаются, как говорится, в один присест. В большой книге, рассчитанной на длительное чтение, это разнообразие шрифтов будет только утомлять и отвлекать внимание читателя вместо того, чтобы его сосредоточивать.

Такой же способ монтажа можно рекомендовать для некоторых книг популярно-научных: например, для брошюр по сельскому хозяйству, кооперации и т. п., рассчитанных на очень широкий круг читателей, однако, мало подготовленных к восприятию прочитанного. Читать надо уметь. Это тоже искусство, приобретаемое долгой практикой. Наш крестьянин и рабочий, в огромном своем большинстве выросший в условиях дореволюционного строя, этому искусству не мог научиться. Надо помочь ему читать. А между тем нет ничего скучнее, по внешности, книг, рассчитанных на массового читателя. Такие книги, по своей серой однообразной внешности, как бы задаются предвзятой целью

отбить у читателей охоту читать их. А попробуйте в какой-нибудь агрономической брошюре четко, крупно, броско выделить несколько практических указаний так, чтобы они сразу бросились в глаза, лишь только читатель-крестьянин возьмет книгу в руки, и эффект получится положительный: во-первых, книга заинтересует и, во-вторых, уже в прочитанной книге читатель всегда легко найдет место, которое ему нужно. Это же относится и к популярной юридической литературе, рассчитанной на распространение среди широких масс неподготовленного или мало подготовленного читателя. Этот читатель плохо разбирается в юридических тонкостях, и то, что он хочет и должен знать, должно быть поднесено ему не только в простом понятном изложении, но и настолько крупно, ярко и четко, чтобы смысл, содержание и самые слова запечатлевались в памяти.

Короче, монтаж таких книг должен бить на зрительную память читателя, и если этого удастся достигнуть, значит — достигнута и цель агитационной книги.

Украшение книги. Текст не исчерпывается содержанием книги в типографском смысле этого понятия. Книга нуждается в украшении, и совершенно неосновательно некоторые относятся к этому с предубеждением, нередко ссылаясь на то, что это удорожает книгу. Вопрос об удешевлении книги, конечно, очень важен, но нужно избегать перегибания палки в другую сторону, тем более, что книгу можно украсить, нисколько не удорожая ее стоимости. В каждой мало-мальски хорошо оборудованной типографии всегда найдется достаточный запас разнообразных линеек, из которых можно комбинировать красивые украшения для постановки сверху страниц или вместо концовок на концевых полосах. Имеется также в каждой типографии более или менее значительный выбор бордюров и орнаментов, употребляемых для акцидентных работ и, к сожалению, почти никогда не применяемых в книжном деле. Из орнамента и линеек можно делать превосходные заставки и концовки.

Но, понятно, украшения, сделанные таким способом, могут быть выдержаны только в отношении стиля всего набора и не могут соответствовать самому содержанию книги. Если желают достигнуть этой последней цели, то украшения, — заставки, концовки, инициалы, — приходится уже изготавливать специально, т. е. заказывать художнику, а затем делать клише. Это, конечно, несколько удорожает стоимость издания, но в общей сумме слагаемых, из которых в конечном итоге составляется стоимость готовой книги, процент удорожания настолько незначителен, что это соображение не должно останавливать, если хотят придать книге художественную внешность.

Монтаж обложки. После выяснения и решения перечисленных вопросов остается решить последний вопрос — об обложке. Для распространения книги обложка имеет очень большое значение и иногда играет решающую роль при тираже. Книга на книжном рынке — товар и, как всякий товар, она должна быть привлекательна, должна останавливать на себе внимание. Это не значит, что обложка должна быть непременно рекламной, „зазывательной“, или, — тем менее, — вводить в заблуждение читателя. О типографских обложках (набором) я буду говорить дальше. Здесь я имею в виду исключительно сложные художественные обложки, изготавливаемые художниками и печатаемые литографским способом или с цинкографских клише. Если на обложке изображен только текст, задача упрощается и сводится, в сущности, к подражанию типографскому шрифту. Такие обложки, отпечатанные даже в одну краску, часто бывают очень выразительны, но они, в сущности, не оправдываются необходимостью: такую же обложку, в большинстве случаев, можно сделать типографским способом, — набором.

Если обложка, кроме необходимого текста (автор, название, фирма), включает в себе и рисунок, — будь то рамка, орнамент или целая картина, — то он непременно должен себя „оправдывать“, т. е. быть непосредственно связанным

с содержанием книги. Дать в этом отношении какие-нибудь конкретные указания очень трудно. Каждая обложка требует особого подхода и обсуждения с точки зрения соответствия ее содержанию. Но основное общее правило сводится к тому, что все украшения, какого бы характера они ни были, не должны загромождать обложку, не должны закрывать или запутывать текст. Надо всегда помнить, что главное в обложке — название книги. Поэтому рисунок надо компоновать с таким расчетом, чтобы при взгляде на обложку прежде всего бросилось в глаза название книги, а потом уже украшение или рисунок. Это, однако, не всегда принимается во внимание, и иногда обложка до такой степени бывает загромождена украшениями, что название книги совершенно пропадает. С другой стороны, не следует злоупотреблять излишней вычурностью шрифтов, доходящей иногда до того, что только при значительном напряжении внимания можно прочитать изображенные на обложке слова. Короче говоря, если название книги не сразу бросается в глаза, — такая обложка безусловно непригодна.

КНИЖНЫЙ НАБОР

В очень сложном трудовом процессе, который книга проходит в типографии прежде, чем появиться перед читателем (набор, корректура, верстка, стереотип печатание, брошюровка), наборное отделение занимает первое место. В работе трудового коллектива, создающего книгу, наборщик первый воплощает ее в материальную оболочку, и от его трудоспособности, знаний, вкуса и добросовестности в значительной степени зависит успешность результатов работы всего коллектива.

Техника ручного набора на первый взгляд может показаться очень простой. В кассе в известном порядке лежат литеры определенного шрифта и все необходимые материалы (знаки, шпации, полукруглые, круглые и т. п.). Казалось бы, чего проще: вынимай нужные литеры, составляй из них слова, отделяя их друг от друга пробелами, и получится строка, из строк — страница, из страниц — книга. Однако, в действительности, это вовсе не так просто, и нередко даже опытный наборщик в недоумении останавливается перед неожиданно встретившимся затруднением. Сплошь и рядом приходится встречать грубые технические ошибки, появившиеся, может быть, просто потому, что наборщику случайно не приходилось встречать ту или иную комбинацию набора. С другой стороны, почти повсеместный переход на сдельщину заставляет рабочего стремиться к наиболее высокой выработке, — а это отражается на качестве работы.

Способы ускорения набора. Несколько лет тому назад американский наборщик Слоан поставил рекорд, выставив 3.000 букв в час. Когда германские товарищи запросили его, в чем секрет такой необычайно высокой продуктивности, он ответил с чисто американским лаконизмом (краткостью):

„Мой рецепт таков: внимание, спокойствие, острое зрение, ловкость рук и смотрение на часы“.* Такой ответ разочаровал запрашивавших, но потом, отнесясь к нему более серьезно и попытавшись применить метод Слоана на практике, они убедились, что это, действительно, единственно правильный путь к поднятию производительности труда.

Все попытки ускорить ручной набор искусственным путем давали мало удовлетворительные результаты. Попытки эти велись, главным образом, в двух направлениях: пробовали изменить расположение наборной кассы и увеличить число знаков лигатурами, т. е. отлитыми вместе несколькими буквами в наиболее часто встречающихся сочетаниях. Ни та, ни другая меры себя не оправдали и широкого применения не получили. Способ Слоана остается непревзойденным и, к сожалению... очень редко применяемым.

Каждый наборщик знает, как облегчается и ускоряется труд, если правильно брать литеру из кассы и правильно, не делая рукой лишних движений, ставить ее на верстатку. А между тем почти у каждого наборщика есть привычка, пока он ощупывает пальцами сигнатуру, делать рукой в воздухе ряд непроизводительных, совершенно не вызываемых необходимостью, движений. Если считать, что на каждую литеру наборщик затрачивает непроизводительно только четверть секунды, то, при часовой выработке, в среднем, 1500 букв, это составит около шести минут в час или 10% бесполезной потери рабочего времени.

Нередко производительность труда понижается небрежностью авторов и редакторов, сдающих неразборчивые или небрежно выправленные рукописи и нераспорядительностью и невниманием типографской администрации. В немногих типографиях имеются такие простые и дешевые инструменты, как тенакль и визорий для держания оригинала. Обыкновенно, оригинал лежит прямо на кассе и мешает наборщику работать, закрывая собой несколько гнезд кассы. Его постоянно

* „Типографский календарь на 1922 г.“ „Ускорение набора“.

приходится передвигать то в одну, то в другую сторону, и это опять требует непроизводительной затраты времени. Скажут, на это требуется не более 1—2 секунд. Конечно. Но если бы кто-нибудь потрудился подсчитать эти секунды в наборной большой типографии, то, пожалуй, насчитал бы целый рабочий день, если не больше. Бывает еще и так, что набор идет на шпонах, а шпон мало, и наборщик бегает по типографии в поисках нужного материала. Или вдруг недостает одной какой-нибудь буквы, и наборщик вместо нее ставит другую литеру очком вниз, и на корректурном оттиске получается сплошная мазня, которая мешает корректору читать, дает ему лишнюю работу и заставляет наборщиков делать лишнюю правку. Приведенными примерами далеко не исчерпываются типографские неурядицы, мешающие работать. Этим досадных мелочей в каждой типографии сколько угодно и во всяком случае больше, чем допустимо. Отсюда вывод: для быстрого, правильного и точного набора требуются, во-первых, внимание и точность приемов рабочего и, во-вторых, постановка его в такие условия, чтобы он ничем не отвлекался от своего дела. Других путей к поднятию производительности труда нет.

Получив оригинал с указаниями, на какой формат, каким шрифтом и т. д. его набирать, наборщик прекрасно сделает, если затратит несколько минут на его просмотр. Эти минуты не потерянные. Лучше заранее выяснить встречающиеся затруднения, чем потом устраивать дискуссию уже во время работы, а иногда переделывать неправильно сделанное. Если в оригинале встречаются слова, выделенные курсивом или „чужим“ шрифтом, то целесообразно все такие слова набрать заранее, выставить их на гранку и брать оттуда на верстку по мере надобности. В смысле экономии времени это выгоднее, чем с каждым словом идти к другой кассе, которая в нужную минуту всегда почему-то оказывается заставленной. То же самое нужно сказать и относительно небольших подстрочных примечаний. Их тоже лучше заранее набрать и выставить на гранку, чтобы потом,

в процессе дальнейшей работы, иметь готовыми под рукой и прямо подставлять к набранному тексту. Вообще, нужно иметь в виду, что просмотр оригинала и подготовка к набору значительно облегчают работу. Каждый наборщик, вероятно, много раз имел возможность убедиться в этом на практике.

После этой подготовительной работы можно приступить к набору.

Абзац. Первые строки оригинала всегда начинаются с абзаца.* О размерах отступа в абзаце существуют различные точки зрения. В основных правилах типографского искусства,** составленных М. И. Шелкуновым и принятых особой подкомиссией при комиссии по изучению искусства книги при Госиздате, рекомендуется отступы (абзацы) делать не более круглого. Такое правило практикуется почти во всех немецких типографиях, но его нельзя признать бесспорным. Правда, указывают, что абзац вообще не оправдывается необходимостью и, в сущности, является пережитком далекого прошлого, отдаленной эпохи рукописных книг, когда писцы оставляли в начале строки место, на котором потом иллюминатор или рубрикатор рисовали инициалы. Происхождение абзаца, действительно, таково, но он оправдывает себя и в практическом отношении. С абзаца, обыкновенно, начинается новая мысль, новый период, и абзац должен подчеркнуть это вполне наглядно, особенно, например, в диалогах, когда слова каждого отдельного лица набираются с новой строки. В русской типографской практике были

* Нельзя одобрить приема, когда оригинал, розданный нескольким наборщикам, делится так, что набор начинается не с абзаца. В таком случае набирающему предыдущую часть приходится „подгоняться“, а это — труд совершенно непроизводительный. Оригинал всегда можно разделить по абзацам. Исключение составляет газетный оригинал, но газетная работа вообще отличается многими особенностями, а я имею в виду только книжное дело.

** „XXV заседаний комиссии по изучению искусства книги“, ГИЗ. Москва. 1924 г.

Отступы (абзацы) при различных форматах:

С самых древних времен своего существования человеку приходится вести ожесточенную борьбу с природой. Охота

4 квадрата — 1 круглый.

С самых древних времен своего существования человеку приходится вести ожесточенную борьбу с природой. Охота и рыбная ловля, земледелие и

5 квадратов — $1\frac{1}{2}$ круглых.

С самых древних времен своего существования человеку приходится вести ожесточенную борьбу с природой. Охота и рыбная ловля, земледелие и скотоводство, мелкие мастер-

6 квадратов — 2 круглых.

С самых древних времен своего существования человеку приходится вести ожесточенную борьбу с природой. Охота и рыбная ловля, земледелие и скотоводство, мелкие мастерские и крупные фабрики и заводы, насчитывающие

8 квадратов — $2\frac{1}{2}$ круглых.

С самых древних времен своего существования человеку приходится вести ожесточенную борьбу с природой. Охота и рыбная ловля, земледелие и скотоводство, мелкие мастерские и крупные фабрики и заводы, насчитывающие десятки тысяч рабочих — все

9 квадратов — 3 круглых.

попытки набирать красную строку совсем без отступа, но попытки эти не встретили сочувствия и вскоре были оставлены. В то же время нельзя не признать, что слишком маленький отступ при широком формате сделает его почти незаметным, и страница с такими абзацами будет сливаться в одно серое пятно.

Более целесообразна система П. Коломнина,* который рекомендует при небольших форматах до 5 квадратов делать отступ на круглый, при 5—5½ квадратах — 1½ круглых, при 6—6½ квадратах — 2 круглых, при 7—8 квадратах — 2½ круглых, свыше 8 до 9½ кв. — 3 круглых (см. стр. 55). При очень широком формате (свыше 9 квадратов) не будет ошибкой сделать отступ еще больший, особенно если набор делается крупным шрифтом, например, терцией, или широким цигеро с крупным очком. Вообще, абзац должен четко отделять начинаемый им период от предыдущего. Однако, при определении размера отступа в абзаце надо принять во внимание, не встречаются ли в тексте оборки на узкий формат. Так, например, при наборе на 7 квадратов корпусом можно сделать абзац на 2—2½ круглых. Но если в тексте идет оборка рисунков на 2 квадрата, то лучше во всей книге абзац уменьшить до 1½ круглых, потому что, если в оборке встретится абзац, он будет несоразмерно велик. С этим надо непременно считаться. Излишне пояснять, что во всем наборе отступы должны быть совершенно одинаковы и, уменьшая пробелы при заголовке строки, нельзя делать это за счет абзаца.

Концевая строка. Абзац начинает определенный период, концевая строка его заканчивает. Концевая строка имеет свои определенные законы, которые, к сожалению, часто нарушаются. Не будет преувеличением сказать, что правильно набранная концевая строка является исключением,

* П. Коломнин. — „Краткие сведения по типографскому делу“, С.-Петербург. 1899.

а неправильно набранная — правилом. Желательно, — это, впрочем, технически далеко не всегда выполнимо, — чтобы концевая строка была не уже половины формата. Если этого почему-либо нельзя достигнуть, то во всяком случае требуется безусловно, чтобы в предыдущей строке не было переноса, т. е. концевая строка всегда должна начинаться полным словом и должна заключать в себе не менее шести букв. При очень широких форматах концевая строка должна быть не короче четверти полной строки. Никогда нельзя допускать, чтобы в концевой строке заключались только несколько букв в виде общепринятых сокращений, как-то: и т. д., и пр., и т. п., и др. Эти „хвостики“ непременно надо вогнать в предыдущие строки или разогнать набор с таким расчетом, чтобы в концевую строку перешло какое-нибудь целое слово. Неправильной будет также концевая строка, в которой остались одни цифры, хотя бы даже с прибавлением слов: „год“, „штук“ и т. п. Это можно допустить только в специальных работах, изобилующих цифрами, и только в крайнем случае. К правильности концевой строки надо относиться с большим вниманием. Это не прихоть и не каприз выпускающего или корректора, как иногда говорят товарищи наборщики. В общей картине полосы концевая строка имеет большое значение. При взгляде на страницу она прежде всего бросается в глаза, и потому она должна быть сделана красиво и правильно. Неправильно сделанная концевая строка портит всю страницу, а если при „удаче“ окажется несколько неправильных строк подряд, то это может убить страницу или даже всю книгу, как бы правильно и красиво ни был сделан набор во всех других отношениях.

Пробелы. Набор в оттиске должен представлять собой симметричную и красивую композицию из перемежающихся между собой черных слов, строк и пробелов. При взгляде на страницу, — а тем более при внимательном ее изучении, — не должны бросаться в глаза ни обилие сгущенных черных пятен, ни обилие пустых белых мест — пробелов. Вся

картина набора должна сливаться в гармоничное целое, ласкающее глаз согласованностью и взаимной связанностью отдельных частей. Прежде всего эта согласованность достигается правильным распределением пробелов между словами, т. е. правильной разбивкой их материалом. Основным принципом разбивки между словами считается, что пробел должен равняться половине ширины буквы набираемого шрифта. Практика выработала, однако, что разбивка производится, обыкновенно, на полукруглый, т. е. на половину кегля набираемого шрифта, или, при наборе узкими шрифтами, на тройную шпацию. Но было бы ошибкой признать идеально выполненным набор, в котором все пробелы равны, например, полукруглому, даже если бы возможно было этого добиться, чего на самом деле никогда не может быть. Ряд строк с математически правильной разбивкой между словами может произвести впечатление . . . неправильного и небрежного набора, и его „идеальность“ пришлось бы доказывать циркулем, — плохое утешение для читателя, желающего иметь красиво выполненную книгу. Объясняется это тем, что пробелы между словами тоже имеют свои законы, которых нельзя нарушать безнаказанно без риска нарушить стройную гармонию набора. Буквы, ограниченные прямыми линиями, как например, **Н П И**, кажутся поставленными друг к другу ближе, чем **А Л У**, хотя бы между теми и другими была одинаковая разбивка. Это особенно относится к шрифтам крупного кегля.

При наборе крупными шрифтами особенно приходится считаться с этой неспособностью глаза улавливать точность размеров (оптический обман), и надо уменьшать пробелы между буквами, боковые линии которых имеют уклон друг от друга. Но и помимо этой причины, почти никогда не удается правильно заключить строку с совершенно одинаковыми пробелами между словами. Очень часто либо последнее слово не помещается полностью, либо после него остается пустое место, недостаточное для начала нового слова, либо нужно вогнать или разогнать строку, чтобы

получить технически правильный перенос. В том случае, когда последнее слово не помещается в строке, а его желают вогнать, нельзя просто вытащить один полукруглый и на его место вставить тонкую шпацию. Если так сделать, то строка окажется неправильно выключенной: все пробелы будут одинаковы, а один значительно уже. Следовательно, если в строке имеется, например, восемь пробелов, и для помещения последнего слова недостает шести пунктов, то самым правильным будет шесть пробелов уменьшить по одному пункту. При этом, в первую очередь, надо уменьшать пробелы после запятых и точек, которые сами как бы увеличивают пробел.* Но это не всегда удается и потому приходится сообразоваться с характером начертания букв, уменьшая пробелы прежде всего между буквами, линии которых имеют уклон в противоположные стороны. Если, наоборот, в строке остается пустое место, которое надо заполнить, т. е. разогнать строку, то прежде всего увеличивают пробелы между словами, не разделенными знаками препинания, затем уже другие. Идеальной, совершенно равномерной разбивки между словами добиться почти невозможно, и разница в пробелах на 1—2 пункта в одной строке не имеет значения, так как для глаза почти незаметна.

Неправильно выключенные строки:

**ОЧЕРК ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ
ТЕХНИКА АКЦИДЕНТНОГО НАБОРА**

Правильно выключенные строки:

**ОЧЕРК ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ
ТЕХНИКА АКЦИДЕНТНОГО НАБОРА**

* Коломнин и некоторые другие авторы советуют, наоборот, уменьшать пробелы после знаков в последнюю очередь. Я считаю это неправильным. При очень узкой разбивке даже отсутствие пробела после знака не бросается резко в глаза. В газетном наборе к этому иногда в крайних случаях и прибегают.

Делая разбивку между словами, нужно иметь в виду не только ее равномерность, но и соотношение пробелов с выше лежащими строками. Совершенно недопустимо, если в пяти, шести строках подряд пробелы совпадают один над другим (коридор). Если такое совпадение случится в середине строки, то набор производит впечатление двухстолбцового.

Знаки препинания. В специальной литературе до сих пор является спорным вопрос, нужно ли отбивать пробелом знаки препинания. П. Коломнин в своих „Кратких сведениях по типографскому делу“ категорически заявляет, что знаки препинания никогда не отбиваются. Итальянские типографы отделяют знаки препинания от предыдущей буквы. В русской практике этого придерживалось издательство „Просвещение“. „Типографский календарь на 1922 год“ в статье „Техника набора“ настаивает на отбивке знаков препинания, ссылаясь на пример не только издательства „Просвещение“, но и первопечатных книг. Изучение этого вопроса приводит, однако, к заключению, что одинаково неправильно и то, и другое мнение. Отбивка знаков препинания шпацией от предыдущего слова должна, собственно, зависеть от рисунка очка буквы, к которой знак прилегают. Например, после букв, имеющих „хвостик“ с правой стороны, перед запятой следует ставить тонкую шпацию, так как, обыкновенно, запятая в таком случае мало заметна и почти совершенно сливается с „хвостиком“ буквы (Д,Ц,Щ,).

Точно так же следует отбивать тонкой шпацией восклицательный знак, двоеточие и точку с запятой после букв, оканчивающихся прямыми линиями (И: П! Й; Н:). Наоборот, после таких букв, как У, О, Ю, Р, знаков (как, например, скобка), имеющих уклон в левую сторону, запятую отделять шпацией не следует, так как рисунок очка сам по себе дает пробел, а поставленная шпация его еще больше увеличивает. Короче говоря, перед знаками препинания следует ставить тонкую шпацию в тех случаях, когда знак сливается с предельной линией предыдущей буквы, и шпацию не следует

ставить, если буква по рисунку очка оставляет после себя естественный пробел. Нужно сказать, что и это правило не безусловно, а зависит от рисунка шрифта вообще. Рядом с одной и той же буквой знак в одном шрифте может сливаться, а в другом нет. Нужно, следовательно, рассматривать каждый случай в отдельности, но вообще желательно принять за правило, что сливающиеся знаки надо отбивать.

Надо оговориться, что это теоретическое правило на практике трудно выполнимо, так как требует крайне напряженного внимания и очень осложняет работу. Его можно выполнять только в высокохудожественных изданиях, когда вопрос о стоимости набора отступает на второй план перед требованием высокого качества работы. При обыкновенном текстовом наборе совершенно достаточно, если вся книга выдержана: знаки препинания отбиваются или не отбиваются. Я считаю, что лучше набирать с отбивкой. Что касается набора титульными шрифтами, то безусловно необходимо делать отбивку знаков препинания в строгом соответствии с характером буквы, к которой знак препинания прилегает.

Тире и дефис. Знак тире (—) непременно отбивается тонкой шпацией с обеих сторон, но если тире стоит после знака препинания (кроме восклицательного), то шпация ставится только с правой стороны, а после знака препинания не ставится. Тире в начале строки (в абзаце), при изложении разговорной речи или как знак того, что начинается новое сообщение или новое известие, отделяется от следующего за ним слова обычным пробелом, т. е. если набор идет на полукруглый, то и после тире ставится полукруглый, если на тройную шпацию, то ставится тройная шпация.

Знак дефис (-), т. е. знак переноса или соединения, обычно, не отделяется пробелом,* но если рядом с дефисом стоит буква с уклоняющейся от него крайней линией (**А, Л**), то с противоположной стороны лучше заложить тонкую шпацию,

* Кроме тех случаев, когда отбиваются все знаки препинания.

иначе будет казаться, что дефис отбит с одной стороны. При разбивке строки, если встречается необходимость увеличить в ней пробелы, нельзя увеличивать разбивку по сторонам дефиса, а тем более нельзя давать пробел перед дефисом, когда он стоит в конце строки и служит знаком переноса.

Между прочим, попутно укажу, что нередко при наборе путают способы применения тире и дефиса.

Набирают, например:

10-12 часов.
1917-1925 год.

Тогда как надо набирать:

10—12 часов.
1917—1925 год.

Частицы **бы**, **ли**, **же** не отделяются дефисом от предшествующего слова. Наоборот, перед частицей **то** всегда ставится дефис в отличие от местоимения **то**. Также ставится дефис перед частицами **ка**, **де**:

Поди-ка сюда... Не помню-де этого случая.

Параграф и номер. Знаки § (параграф) и № (номер) отделяются от следующей за ними цифры обычным пробелом, каким идет весь набор. Если после этих знаков идут числа, изображенные прописью, то правильнее вместо них набирать слова: параграф или номер.

Например, правильнее набрать:

В параграфе третьем мы читаем...
В номере четырнадцатом напечатано...

Чем:

В § третьем мы читаем...
В № четырнадцатом напечатано...

Безусловно неправильно, — и этого никогда не следует допускать, — набрать вместо знака слово, а после него цифру.

Например:

параграф 28, номер 17.

Скобки. Скобки в тексте, обыкновенно, употребляются круглые () и очень редко прямые []. Начинаящая скобка, стоящая перед словом или предложением, взятыми в скобку, отделяется от предыдущего слова, а заключительная скобка — от следующего за ней слова обычным пробелом. Перед первой буквой после начинающей скобки и после последней буквы перед заключающей скобкой пробел не ставится. Хотя некоторые типографы и рекомендуют ставить в этих случаях тонкую шпацию, но в этом нет практической необходимости, так как изгиб скобки сам по себе дает достаточно белого места. Знаки препинания перед скобкой не ставятся. Если скобкой заканчивается предложение, то точка ставится после скобки, но не внутри скобки. Запятая перед заключительной скобкой не ставится, хотя бы она и нужна была здесь по грамматическим правилам. Если перед скобкой заканчивается вводное или придаточное предложение, после которого надо поставить знак препинания, то последний не ставится. Перед заключительной скобкой ставятся только вопросительный или восклицательный знаки, если они относятся по смыслу непосредственно к заключенным в скобки словам. Скобка после звездочки или цифры на верхней линии (знак выноски) от звездочки или цифры пробелом не отделяется. Применения скобок внутри других скобок надо избегать. Но если такой случай все-таки встретится (по желанию автора), то наружные скобки ставятся прямые, а внутренние — круглые.

Употребляются еще волнистые, — обыкновенно, составные, — скобки (парантэсы). Они ставятся как вертикально, так и горизонтально, в зависимости от их отношения к тексту, при чем края их должны равняться по крайним линиям строк, к которым они относятся. Один из способов применения парантэсов указан на стр. 64.

Применение парантэсов:

Расы	Племена	Ветви и группы
I. Австралийская	{ 1. Австралийцы 2. Тасманийцы	
II. Папуасская	{ 1. Австрал. папуасы. 2. Азиатские папуасы	
III. Монголовидная	1. Малайцы	{ а) Микронезийцы б) Полинезийцы в) Азиатские малайцы
	2. Юго-восточн. азиаты	{ а) Тибетцы б) Бирманцы в) Сиамцы г) Аннамиты д) Китайцы
	3. Восточные азиаты	{ а) Корейцы б) Японцы
	4. Северные азиаты	{ а) Тунгузы б) Монголы в) Тюрки г) Финны д) Самоеды
	5. Несистематизированные народы	{ а) Енис. остяки б) Юкагиры и гиляки в) Айны
	6. Беринговы народы	{ а) Ительмы и камчадалы б) Коряки и чукчи в) Намолосы и эскимосы г) Алеуты
	7. Американцы (научной полной классификации не существует, только отдельные небольшие группы установлены).	{ а) Охотничьи народы Сев. Америки (группы: кенаи и атабасы, алгонкины, ирокезы, дакота и ряд отдельных народностей). б) Охотничьи народы Южн. Америки (группы не установлены). в) Культурные народы Сев. Америки (сопонорская группа: ацтеки, киги и майя). г) Культурные народы Южн. Америки: кичца и аймара, хунка, арауканцы и каталонцы.
IV. Дравидская	{ 1. Дравиды собств. 2. Коларийцы 3. Сингалезы	

Кавычки. Кавычки бывают двух видов: « » (французские) или „“ (так называемые лапки). Первые предпочтительнее потому, что они держат одинаковую линию со строкой, тогда как вторые выделяются вверх и вниз, производя впечатление лишней пестроты. Во всяком случае, при наборе можно применять те или другие кавычки, но нельзя одновременно ставить прямые кавычки («») и лапки („“), как это, к сожалению, иногда встречается. Совершенно недопустимо вместо лапок ставить две запятых. Только очень наивный человек может думать, что такой „подлог“ останется незамеченным: он непременно будет замечен даже неопытным глазом. Кавычки, ни открывающие ни закрывающие, от соприкасающихся букв не отбиваются. Перед кавычками и после них ставится обычный пробел.

Перед закрывающей кавычкой (после взятого в кавычки слова) знак препинания ставится только в том случае, если он по смыслу относится непосредственно к заключенным в кавычки слову или предложению. В таком случае и после кавычки, если нужно, ставится знак препинания, требуемый грамматическими правилами.

Некоторые типографии, обыкновенно, не давая пробела после открывающей кавычки, делают из этого правила исключение при наборе цитат, начинающихся с абзаца. Для этого нет никаких оснований.

При наборе цитат кавычки ставятся обычным способом в начале и конце цитаты. Если цитата длинная и заключает в себе несколько абзацов, то следует ставить кавычки в начале каждого абзаца, не закрывая их на предыдущей концевой строке. Иногда на всем протяжении цитаты начинают кавычками каждую строку, но этого положительно нельзя одобрить, так как при таком приеме страница получает какой-то нелепый пестрый вид. Неприятен случай, когда цитата заканчивается словом или словами, заключенными в кавычки. Тут следовало бы поставить две кавычки одну за другой: одну, закрывающую стоящее в кавычках слово, другую — после цитаты. Но это некрасиво и никогда не делается,

а между тем одна кавычка иногда затемняет смысл всей цитаты. Некоторые советуют в таких случаях закрывать взятое в кавычки слово прямой кавычкой, а за ней ставить лапки, закрывающие всю цитату. Но это, пожалуй, еще некрасивее. Положительно неправильным надо считать рекомендуемый некоторыми типографами способ заменять одной запятой (,) кавычки, встречающиеся внутри других кавычек. Это практикуется в некоторых немецких типографиях, но нет никаких серьезных оснований для подражания этому плохому примеру.

Апостроф. Чтобы покончить со знаками, остается сказать несколько слов об апострофе ('). До реформы правописания апостроф в русском наборе почти не применялся. Его ставили, как исключение, например, вместо пропущенной буквы, для изображения неправильной речи, или при передаче русскими буквами некоторых иностранных слов и фамилий. После реформы правописания и упразднения твердого знака (ъ) вместо последнего в середине слов принято ставить апостроф. Но возьмите в руки любую книгу—и можно держать пари, что апострофа в ней не найдете: вместо него, обыкновенно, стоит перевернутая запятая (‘). Происходит это потому, что знака апострофа словолитни в русских комплектах не отливают, и ни в одной типографии не найдется достаточного количества апострофов. Однако, ставить перевернутую запятую—недопустимое безобразие. Это придает книге неряшливый вид. При покупке шрифтов типографии непременно должны требовать отпуска достаточного количества апострофов, если... они в данной типографии применяются. Говорю „если“, потому что самое любопытное то, что употребление апострофа вместо твердого знака не только не обязательно, но просто неправильно, и апостроф получил, так сказать, право гражданства захватным порядком. Согласно новым правилам правописания, твердый знак в середине слова не отменен и нет решительно никаких оснований к замене его апострофом. Поэтому нужно взять

за правило: ставить твердый знак в середине слов, и этим положить конец анархическому захвату непрошеного и совершенно неизвестного русской грамматике апострофа. От этого значительно выиграет внешность книги, так как страница, набранная с твердыми знаками, несомненно, красивее, чем та же страница, испещренная апострофами или, — еще хуже, — перевернутыми запятыми. Особенно некрасиво, когда на апострофе делается перенос слова. Получается впечатление незаконченной и неправильно выключенной строки. Поэтому, если почему-либо все-таки набор идет с апострофами вместо твердых знаков, то на апострофе никогда не следует делать переноса.

Переносы. Переносы вообще большое место типографского дела, и почти все наборщики указанное в корректуре исправление переноса рассматривают едва ли не как личное для себя оскорбление. Между тем, это очень важная часть техники набора. При переносах наборщик должен руководствоваться двумя категориями правил: грамматическими и техническими.* Первые в настоящее время, после реформы правописания, значительно упрощены, и теперь уже нет необходимости ломать голову и дискутировать о правильности того или иного переноса, как бывало раньше, когда

* Правила переносов, согласно постановлению совещания при Академии наук по вопросу об упрощении русского правописания, принятые 11 мая 1917 года, сводятся к следующему:

а) согласная (одна или последняя в группе согласных) непосредственно перед гласной не должна быть отделена от предшествующей гласной; б) группа согласных в начале слова не отделяется от гласных; в) буква й перед гласной не отделяется от предшествующей гласной; г) конечная согласная, конечный й и группа согласных на конце слов не могут быть отделены от предшествующей гласной; д) при переносе слов, имеющих приставки, нельзя переносить в следующую строку согласную в конце приставки, если эта согласная находится перед согласной.

Все остальные правила переносов, существовавшие по старой грамматике, отменены.

грамматические правила переносов, действительно, были неясны и запутаны и в разных грамматиках излагались различно. Теперь это затруднение отпало: допускаются всякие переносы, за некоторыми незначительными исключениями, которые не так уж трудно усвоить. Однако, технические правила переносов остаются в силе и в настоящее время, и, в связи с общим стремлением к улучшению внешности книги, выполнение их требуется особенно настойчиво.

Идеальной, в смысле технического выполнения, конечно, считалась бы книга, в которой совсем нет переносов, потому что переносы очень портят правую сторону страницы, нарушая ее правильную вертикальную линию. Но добиться полного отсутствия переносов, конечно, невозможно. Были попытки выпускать книги без переносов, заканчивая каждую строку полным словом, но это достигалось лишь ценой неправильной разбивки между словами. В настоящее время в типографских кругах дискусируется вопрос об упразднении дефиса, как знака переноса, соединяющего начало остающегося в конце строки слова и вторую перенесенную часть. С применением этого способа выпущены некоторые издания харьковской школы печатного дела. Нужно признать, что набор без переносов на вид очень красив, но несколько затрудняет чтение, особенно в тех случаях, когда каждая часть слова, разделенного переносом без дефиса, получает самостоятельное значение (например: на||ряд, море||плавание). Поэтому предлагаемый способ переносов представляется весьма спорным.

При наборе надо стремиться к тому, чтобы переносов было как можно меньше, но не следует впадать в другую крайность и избегать переносов за счет неправильных пробелов между словами. Лучше дать перенос, чем, при наборе на полукруглый, вдруг выключить одну строку с разбивкой по одному пункту только для того, чтобы не было переноса. В первой строке после заголовка переноса следует избегать. Его можно оставить лишь в совершенно исключительном случае, когда строка заканчивается каким-нибудь длинным

словом, которого никак не вгонишь, а если перенести его целиком на следующую строку, получится бросающаяся в глаза неправильная широкая разбивка. Но такие случаи очень редки, и, как правило, в первой строке перенос не допускается. Далее следует избегать переносов в нескольких строках подряд: не допускается более двух, трех переносов подряд. Ни в каком случае не допускается перенос в другую строку слога, состоящего из двух букв, или перенос частиц: **бы, ли, же, то, ка, де.**

Неправильные переносы:

Ходи || ла Поло || са Хотел || бы То || же Кто || то
Смотри || ка Видел || ли Ступай || де.

Частицы, стоящие в приведенном примере справа от вертикальных черточек, не переносятся.

Никогда не только не разделяются, но и целиком не переносятся в другую строку следующие общепринятые сокращения: **и т. д.** (и так далее), **и пр.** (и прочее), **и др.** (и другие), **и мн. др.** (и многое другое), **и т. п.** (и тому подобное). Этими сокращениями нельзя начинать строку. Наоборот, сокращения **т. е.** (то есть) и **т. к.** (так как) нельзя оставлять в конце строки и их надо обязательно переносить в следующую строку.

Не допускаются следующие и подобные им разделения:

В. И. Ленин	Стр. 141
Гор. Зиновьевск	§ 1
Глава IV	§ 1. Общество имеет целью...
Отделение III	1) Приступить немедленно...
145 рублей	а) Возбудить ходатайство...
16 пудов	Свящ. Галон
1917 — 1925 год	Ген. Деникин
1925 год	Д-р Гааз
Тов. Луначарский	Ул. Либкнехта
Кн. Бисмарк	XX век
Гражд. Иванов	9 января с г
25 октября	14-го с/м

Излишне пояснять, что, конечно, не допускается разделять переносом числа, но об этом — подробнее, когда речь будет идти о математическом наборе.

Тире (—) никогда не переносится и всегда оставляется в конце строки. Разумеется, и знак переноса (дефис) остается в конце строки после первой половины разделяемого слова, и его нельзя переносить в следующую строку.

Однбуквенные предлоги и союзы (**и, в, с, о, а, к**) нельзя оставлять в конце строки. Желательно не оставлять в конце строки предлогов или союзов, не превышающих двух букв (**за, на, но** и пр.), если это не нарушит правильности пробелов; но это не всегда можно сделать, и оставление в конце строки двухбуквенного предлога или союза — не ошибка.

Все указанные технические правила переносов не являются плодом фантазии, а выработаны типографской практикой на основании опыта. И, действительно, книга, набранная с нарушением этих правил, всегда производит впечатление небрежно и неряшливо изданной.

Смешанный набор. При наборе разными шрифтами, т. е. если почему-либо в книге встречаются шрифты разных кеглей (например, корпус и петит) или разных рисунков очка (обыкновенный, курсив, жирный), то все эти шрифты должны быть непременно из одного гарнитура, т. е. рисунок и характер очка должны быть одинаковы. Нельзя набирать корпусом Академическим и петитом Пальмира одновременно.

Если приходится набирать двумя шрифтами, — крупным и мелким, — то между ними должно быть определенное соответствие. Самое правильное, чтобы мелкий шрифт был по кеглю предыдущим по отношению к крупному. При наборе петитом — для мелкого текста берется нонпарель, при наборе корпусом — петит, при наборе цитеро — корпус.

Обыкновенно, другим шрифтом — более мелким — набираются примечания, подстрочные выноски, менее важные места в тексте, цитаты. Большей частью набор другого кегля начинается с абзаца и в таком случае производится обычным

способом и не вызывает затруднений. Но иногда шрифтом более мелкого кегля набираются слова среди строки, набранной более крупным шрифтом. В таком случае разница в кегле покрывается шпоном на столько пунктов, сколько пунктов составляют разницу между кеглями этих шрифтов. Таким образом, если набор производится корпусом и среди строки встречается петит, то надо заложить шпон в два пункта. Шпон всегда закладывается сверху, чтобы равнялась нижняя линия очка. Это единственный случай, когда допускается, что шрифт не держит линии (в данном примере — верхней). Во всех остальных случаях, т. е. хотя бы даже при наборе разными шрифтами, но одного кегля, линия очка должна быть математически правильна, и нарушения этого правила никогда нельзя допускать. Если оказывается, что данные шрифты не держат линии, то один из них надо заменить или отказаться от набора разными шрифтами, войдя по этому поводу в соглашение с автором или издательством.

В главе о монтаже книги я говорил о различных способах выделения некоторых отдельных слов и даже целых строк — периодов. Для этого применяются курсив, жирные шрифты и разрядка. Повторю вкратце, что отдельные слова лучше выделять разрядкой, так как курсив делает страницу пестрой, а жирные шрифты дают неприятное впечатление черных пятен. Но, с другой стороны, 10 — 15 строк, набранных в разрядку, делают страницу бледной. Нужно стараться избегать каждой из этих крайностей, комбинируя шрифты так, чтобы общая внешность страницы всегда производила впечатление гармоничного целого. Рукописные шрифты в книжном наборе почти не употребляются. Но ими можно пользоваться для подписей, например, под предисловием или под отдельными статьями в сборниках, хрестоматиях и т. п. Названия книг, местностей, собственные имена не следует выделять курсивом, если нет специального требования заказчика. Необходимо помнить, что курсив и рукописный не набираются в разрядку, а рукописным, кроме того, нельзя набирать прописными.

Смешанный набор:

Самая ранняя и простейшая обработка земли, когда еще не было ни плуга, ни домашних животных, производилась при помощи мотыги. **Земля не столько вспахивалась, сколько царапалась, но зато пашня часто менялась.**

Народы, обрабатывающие землю мотыгой, делятся на несколько групп. К первой группе относятся те народы, которые, наряду с обработкой поля, занимаются охотой. К их числу относится **большинство индейских племен.** Хотя в *Северной Америке*, в эпоху ее открытия европейцами, было несколько исключительно охотничьих племен, но в большинстве индейцы уже достигли **настойлько высокой степени культурного развития**, что охота дополнялась обработкой земли. К земледельцам относились все народы, жившие к востоку от *Миссиссипи*, на юг от реки *св. Лаврентия* — ирокезы, делавары, могиране, крисы и другие. К западу от *Миссиссипи* — риккара, манданы, озаги, часть сиу-

Разные шрифты одного кегля не держат линии очка.

Самая ранняя и простейшая обработка земли, когда еще не было ни плуга, ни домашних животных, производилась при помощи мотыги. **Земля не столько вспахивалась, сколько царапалась, но зато пашня часто менялась.**

Народы, обрабатывающие землю мотыгой, делятся на несколько групп. К первой группе относятся те народы, которые, наряду с обработкой поля, занимаются охотой. К их числу относится **большинство индейских племен.** Хотя в *Северной Америке*, в эпоху ее открытия европейцами, было несколько исключительно охотничьих племен, но в большинстве индейцы уже достигли **настойлько высокой степени культурного развития**, что охота дополнялась обработкой земли. К земледельцам относились все народы, жившие к востоку от *Миссиссипи*, на юг от реки *св. Лаврентия* — ирокезы, делавары, могиране, крисы и другие. К западу от *Миссиссипи* — риккара, манданы, озаги,

Разные шрифты одного кегля держат линию очка.

Очень редко применяется в книжном деле оригинальный шрифт, имеющий очко шрифта пишущей машины. При наборе этим шрифтом нужно иметь в виду, что этот шрифт должен дать впечатление рукописи, написанной на машинке. Поэтому набор производится с совершенно одинаковыми пробелами между словами, и если после последнего слова остается незаполненное место, то пробелы в строке не увеличиваются, а оставшееся пустым место заполняется материалом. Таким образом, правая сторона страницы, набранной шрифтом пишущей машины, не держит ровной вертикальной линии, а идет уступами, т. е. одна строка короче, другая — длиннее, как в рукописи, отпечатанной на пишущей машине.

Капитель. Капитель в настоящее время вышла из употребления и об этом, в сущности, не приходится жалеть: шрифт совершенно бесполезный. Он может пригодиться только для колон-титолов, но и в этом случае с успехом может быть заменен прописными буквами мелкого кегля (например, нонпарель). Иногда капитель применяется при наборе драматических произведений в ремарках или для имен действующих лиц.

Отступы. Иногда часть текста набирается на более узкий формат или, как говорится, с отступом (втяжка). С отступом набирают, обыкновенно, цитаты, примечания, менее важные места в тексте.

Текст с отступом набирается так, чтобы строка отступа (без абзаца) начиналась на полукруглый правее абзаца текста, набранного на полный формат. Так, если набор производится с отступом в абзаце на круглый, то втяжка делается на $1\frac{1}{2}$ круглых, и абзац в тексте со втяжкой делается тоже на круглый. Если же в приведенном примере отделять втяжку на круглый, то последняя строка набора с отступом сольется с первой строкой набора на полный формат, которая, конечно, начинается с абзаца. Это особенно бросится в глаза, если последняя строка со втяжкой окажется полной.

Набор с отступом:

Меринг решительно выступил вместе с другими представителями левого, марксистского, крыла партии против тактики большинства фракции в печатаемых в настоящем сборнике статьях „Милиция и постоянное войско“.

„Расширение вооружений, — писал Меринг, — представляет необходимое следствие империалистической политики и необходимый продукт классового государства“.

Нельзя господствующие классы современного общества удержать от горячки вооружений, если только взвалить на них часть расходов на эти вооружения, как наивно думали социал-демократы.

„Продолжение эпидемии вооружений настолько тесно связано, — отвечал им Меринг, — с важнейшими жизненными интересами современного классового государства, что вопрос о том, будут ли финансовые средства для этого добыты в более или менее удобной форме, для господствующих классов играет роль совершенно второстепенную и незаметную“.

Так писал Меринг за один год до начала империалистической войны. Меринг предостерегал социал-демократическую партию от неправильного понимания военных вопросов и недостаточного внимания к их изучению для беспощадной борьбы с милитаризмом.

„Именно в области военных вопросов, более чем во многих других областях, живейшая пропаганда наших принципов является безусловно необходимой. Мы должны устранить здесь громаднейшее количество путаницы и неясности. Чрезвычайно показательно и вовсе не лестно для нас, что классические произведения нашей партийной литературы по военным вопросам, произведения Энгельса и Бюркли, гораздо менее распространены по сравнению с другими их произведениями, а некоторые из них почти невозможно достать“.

Пренебрежение к изучению военных вопросов и незнакомство с классическими произведениями

При наборе основного текста через шпон втяжку лучше набирать без шпон, если она набирается шрифтом того же кегля. Если же втяжка набирается более мелким шрифтом, то, когда весь набор идет на шпонах, и втяжка набирается на шпонах. Но обыкновенно втяжку не набирают шрифтом более мелкого кегля, чем основной шрифт. В этом нет необходимости. Втяжка имеет целью оттенить определенное место в тексте, а мелкий шрифт его уже выделяет.

Иногда прибегают к такому способу набора втяжки: начало первой строки равняется по абзацу основного набора, т. е. начинается с обычным отступом, а остальные строки набирают с отступом на полукруглый, и начальная строка втяжки получается длиннее всех остальных. Это некрасиво, и такого приема следует избегать.

Примечания и выноски. Подстрочные примечания (выноски) всегда нужно набирать и вставлять в набор сейчас же вслед за строкой, в которой стоит знак выноски. Это правило не всегда выполняется наборщиками, и нередко они представляют выноски к концу гранки, а иногда даже переносят их на другую гранку. Между тем, это очень затрудняет верстку. Метранпаж должен иметь выноску под рукой вместе со строкой, на которой стоит знак выноски, и только в таком случае можно быть уверенным, что она не будет пропущена, и метранпажу не придется потом переверстывать несколько готовых страниц.

Знаком выноски, обыкновенно, ставят звездочку или цифру на верхнюю линию со скобкой: *) ¹). Ставят также те же знаки без скобок: * ¹ и, наконец, иногда заключают знак выноски между двумя скобками: (*) ¹). В сверстанных страницах, если на одной странице встречается несколько выносок, то при первой выноске ставится одна звездочка (*) или вверху цифра ¹), при второй—две звездочки (**) или ²) и т. д. Но при наборе следует всегда ставить одну звездочку или цифру, несколько увеличивая после них пробел, чтобы, в случае надобности, свободно можно было увеличить число

звездочек или цифр. Но если выноски имеют порядковую нумерацию (1² 3⁴ и т. д.), проходящую через всю книгу, то знаки выносок набираются полностью, как указано в оригинале. Порядковые выноски ставятся только тогда, если все примечания отнесены в конец книги, отдела или главы. Если же примечания подверстываются под текстом, то нет никаких оснований вести нумерацию через всю книгу.

Если знак выноски стоит со скобкой, то перед звездочкой или цифрой ставится половина нормального пробела. При этом скобка всегда берется из прямого шрифта, хотя бы слово, к которому относится выноска, и было набрано курсивом. Курсивная скобка ставится только в том случае, если весь текст набран курсивом. Если перед знаком выноски заканчивается предложение, то точка, двоеточие и точка с запятой всегда ставятся после скобки, а остальные знаки препинания перед скобкой, хотя некоторые типографы предпочитают все знаки препинания ставить после скобки. Когда знаку выноски предшествует слово, взятое в кавычки, то кавычки ставят перед знаком. Если выноска относится к слову, заключенному в скобки, то звездочка или цифра ставятся перед этой закрывающейся скобкой. Нельзя ставить знак выноски после скобки и опять после знака ставить вторую скобку. Редко для знака выноски берутся буквы на верхнюю линию. Способ их применения такой же, как звездочек или цифр.

Применение знака выноски со скобкой, в сущности, не имеет достаточных оснований, а между тем врывающаяся среди строки скобка, а иногда еще и несколько скобок, перед каждой из которых стоят три, четыре звездочки или несколько цифр, портят картину набора. Решительно нужно отвергнуть постановку знака выноски между двумя скобками. Это совсем безобразно, особенно, если выноска стоит после слова, заключенного в скобки, а иногда еще и взятого в кавычки. В таком случае получается какая-то мудреная кабалистическая формула, которую ни один человек не признает красивой. Наиболее целесообразно, с точки

зрения красоты набора, знаком выноски ставить звездочки или цифры на верхнюю линию без охватывающей их скобки. Знаки препинания в таком случае ставятся всегда перед знаком выноски, а не после него. При этом знак выноски отбивается половинным пробелом или может стоять даже без пробела после знака препинания.

Каждая выноска начинается с абзаца и в начале строки должна иметь тот же знак, какой стоит в тексте. Но если, как это иногда бывает, книга испещрена выносками, и на каждой странице их встречается по десятку и больше, то выноски набираются вкруговую (в подбор) при чем, в таких случаях одну выноску от другой следует отделять двойным пробелом.

Если выноски набираются со звездочками, то последние всегда выключаются слева направо, чтобы первая звездочка держала линию отступа, принятого в абзаце.

Правильная выключка звездочек:

- * Анти-Дюринг.
- ** Фурье, его жизнь и учение.
- *** Принципы социализма.
- **** Что такое собственность.

Неправильная выключка звездочек:

- * Анти-Дюринг.
- ** Фурье, его жизнь и учение.
- *** Принципы социализма.
- **** Что такое собственность.

Подстрочная выноска отделяется от основного текста тонкой линейкой не длиннее трети формата или просто пробелом. Можно также отделять выноску от текста тонкой или полутупой линейкой на весь формат.

Выноски набираются шрифтом более мелким, чем текст: при наборе корпусом — петитом, при наборе цიცеро — корпусом. Но при наборе плотным цიცеро — не будет ошибкой набирать подстрочные примечания петитом. При наборе

Набор подстрочных примечаний:

Ранние меркантилисты, как Стаффорд¹⁾, итальянец Серра²⁾ и другие полагали, что богатство страны измеряется количеством драгоценного металла, которым она обладает, что всякая хозяйственная деятельность, направленная к вывозу золота и серебра из страны (напр., торговля колониальными товарами), вредна для ее благосостояния, что внешняя торговля только тогда прибыльна, когда она дает излишек в виде благородного металла. С развитием торговли и кредита, с уменьшением сделок за наличный расчет, главное внимание стало обращать не на денежный, а на торговый баланс. В течение долгого времени среди меркантилистов держится мысль, что деньги, драгоценные металлы, являются предпочтительной формой богатства, что увеличением количества денег в обращении можно достигнуть расширения торговли и промышленности³⁾, оживить весь народо-хозяйственный организм. Особенно широко развил эту точку зрения шотландец Джон Ло⁴⁾, который пытался осуществить свои идеи на практике, создав во Франции в 1716 г. большой земельный банк и выпустив в обращение бумажные деньги. Предприятие Ло закончилось грандиозным банкротством после недолгого периода спекулятивной горячки и биржевых махинаций.

Таковы в общих чертах основные положения меркантилизма. Было бы, однако, ошибкой считать последний законченным учением, с рядом твердо установленных идей и понятий, разделяемых всеми последователями этого учения без исключения. Меркантилизм не научная теория, а собра-

¹⁾ „Краткое изложение некоторых жалоб наших современников“, 1581 г.

²⁾ „Краткий трактат о причинах, ведущих к изобилию серебра и золота в государствах, где нет золотых и серебряных рудников“, 1613 г.

³⁾ На самом деле происходит, конечно, совершенно обратное. Количество денег, необходимых для обращения, определяется размером товарного оборота.

⁴⁾ „Деньги и торговля и способ снабдить государство деньгами“, 1708 г.

Другие способы набора примечаний:

Кенэ различает „фундаментальную“ цену или стоимость от рыночной, но чем определяется первая, не указывает или дает противоречивые указания, определяя ее то отношением спроса товаров к их предложению, * то издержками * Чем определяется рыночная цена, а не стоимость Тюрго, у которого даже встречаются мысли о том, что труд является источником стоимости. Однако, Тюрго больше интересуется оценкой товара покупателем, чем присущая ему стоимость. Поэтому, при определении стоимости он принимает в расчет три обстоятельства: остроту потребности приобретающего товар лица, способность товара удовлетворять этой потребности—его полезность, и только в последнем счете—количество затраченного на его производство труда. Эта точка зрения нашла своих сторонников и получила дальнейшее развитие в учении так называемой австрийской школы буржуазных экономистов, но она

А ¹	абстрактный ⁸	авантюра ¹⁵
абажур ²	абсурдный ⁹	авария ¹⁶
абитуриент ³	абрек ¹⁰	август ¹⁷
абзац ⁴	абрикос ¹¹	автобиография ¹⁸
абонемент ⁵	абрис ¹²	автограф ¹⁹
абсентеизм ⁶	авангард ¹³	автоматический ²⁰
абсолютный ⁷	аванс ¹⁴	автомобиль ²¹

¹ Союз противит. и соединит. — ² Колпак для лампы или свечи. — ³ Воспитанник, оканчивающий курс уч. заведения. — ⁴ Новая строка в типографском наборе слов. — ⁵ Подписка на пользование чем-либо в течение известного срока. — ⁶ Отсутствие. — ⁷ Безусловный. — ⁸ Отвлеченный. — ⁹ Бессмысленный, нелепый. — ¹⁰ Кавказский горец. — ¹¹ А не абрикоса, род сливы. — ¹² Очертание предмета, первоначальный набросок рисунка. — ¹³ Передовой отряд. — ¹⁴ Задаток. — ¹⁵ Рискованное предприятие, приключение. — ¹⁶ Повреждение, полученное судном. — ¹⁷ Название месяца. — ¹⁸ Описание собственной жизни. — ¹⁹ Почерк известных людей; сочинение, написанное рукою самого автора. — ²⁰ Самодействующий. — ²¹ Самодвижущаяся повозка на колесах.

текста петитом я не считаю ошибкой набор подстрочных примечаний к нему тем же кеглем, т. е. петитом же, а не нонпарелью, так как нонпарель слишком мелка для книжного набора. Если часть книги, набранной корпусом, набирается петитом (например, приложения), то безусловно правильно выдержать подстрочные примечания одним шрифтом, т. е. везде набирать их петитом.

Выноски разбиваются шпонами только в том случае, если основной текст набирается через шпон.

При широких форматах выноски иногда набираются в два столбца, и в таком случае при верстке столбцы разделяются тонкой линейкой.

Наконец, есть еще способ набора примечаний, — в русских типографиях почти не применяемый, — в самом тексте с правой и левой стороны. Такие выноски набираются, как маргиналии, и их верхняя строка должна равняться по строке, в которой стоит знак выноски (см. стр. 79). Нужно оговориться, что таким способом можно набирать лишь короткие выноски.

Как нововведение, пришлось видеть подстрочные примечания, поставленные внизу полосы и обобранные текстом, как „фонарики“. Применение этого способа не кажется мне целесообразным, особенно при больших примечаниях.

Инициалы. Иногда в начале главы или отдела ставится инициал, т. е. первой буквой в первой строке ставится литера значительно большего кегля, чем кегель шрифта, которым производится набор.

Применяются также специально выполненные буквы, окруженные виньетками, украшенные каким-нибудь рисунком или орнаментом и т. п.

Верхний край инициала может несколько выдаваться над верхней строкой, выходить за формат. Очень крупные инициалы могут выдаваться за формат очень значительно, занимая почти все верхнее поле страницы, но все-таки с таким расчетом, чтобы выходящая за формат верхняя часть инициала не превышала трети его величины.

Набор с инициалами:

ЖОРЖ родился в 1908 году. Отец Жоржа — мелкий банковский служащий, нервный, желчный человек... Он считал, что судьба зло посмеялась над ним, что он наделен огромными способностями, умен, талантлив. Он мог бы быть великим полководцем, крупным промышленником, организовать огромные фабрики, заводы, ворочать

Пять вокзал, шум, незнакомые люди. Но все как-то суровы, недоверчивы. Дождь мелкий, холодный, словно осень. Захотелось есть. Пробовал попросить. Неудача. И стянуть негде. Смеркалось. Стало тоскливо. Побродил по вокзалу. Решил тут же переночевать. Не спалось. Сосало под ложечкой. Жестко и холодно на каменном полу. Во сне кто-то все душил. Камнем легло на

Дрельское утро, бодрое, молодое. Синее небо, какое бывает только весной, радостно и заманчиво улыбалось Жоржу, а ветер, нежный и ласковый, бархатными мазками касался щек. Софья Александровна еще спала, когда Жорж вышел из дому. Он накануне решил все делать степенно: поесть перед уходом, захватить с собой пищу на дорогу на 2—3 дня, захватить

Москва! Жорж никогда не видал такого огромного количества людей. Все бежали с какой-то невероятной торопливостью. Жоржу казалось, что этот водоворот затянет его, опрокинет, раздавит. Но скоро он освоился. Толпа с корзинами, узлами, мешками

Нижняя линия инициала, по возможности, должна равняться по нижней линии шрифта, которым набирается текст. Инициалы, заключенные в орнамент прямоугольной формы, не должны выступать над верхней строкой более кегля основного текста, и даже лучше выравнивать их по верхней строке.

Принято почему-то набирать слово, которое начинается инициалом, в разрядку, прописными или капителью. Для этого, в сущности, нет оснований, и не менее правильно набирать первое слово так же, как и весь текст.

Первая строка ставится вплотную к инициалу, а остальные строки, прилегающие к нему, отбиваются от инициала обычным пробелом и таким же пробелом инициал отделяется от стоящей под ним строки, т. е. пробелы должны быть, по возможности, одинаковы.

Бывают инициалы неправильной формы, для которых колодка выпиливается согласно очертаниям рисунка. Оборка в таких случаях производится согласно боковым краям колодки, но получающаяся при этом „лестница“, образуемая строками различной длины, очень некрасива. Мне кажется, обирать инициал неправильной формы следует так, чтобы различной длины отступы чередовались в определенном порядке, хотя тогда пробелы между инициалом и набором получаются разной ширины. Если возможно, лучше избегать инициалов неправильной формы.

Оборка рисунков. Оборка рисунков среди текста производится различными способами и делается, обыкновенно, уже во время верстки, потому что в полосу рисунки заверстаются с соблюдением определенных правил, а при наборе нельзя знать заранее, в каком месте придется рисунок на странице, — справа или слева, вверху или внизу. Рисунок, занимающий в ширину место уже формата, обирается, обыкновенно, справа или слева, в зависимости от того, на четной или нечетной странице он будет помещен. Так как оборка почти всегда производится на очень узкий формат, то при переборке строк, окаймляющих рисунок, не могут соблюдаться

правила равномерной разбивки пробелов между словами, переносов и т. п. Иногда в строке помещается только одно слово и, кроме того, остается место, недостаточное, однако, чтобы поместить в нем хотя бы начало следующего слова и знак переноса (дефис). Тогда приходится прибегать к разрядке, хотя бы слово и не было подчеркнуто автором в оригинале. Разрядку нельзя делать без всякого смысла. Надо сделать ее с таким расчетом, чтобы разбитое на шпации слово казалось выделенным не случайно.

Другой способ оборки, — когда рисунок ставится посреди формата, а окружающий текст обирается так, что строка, начинаясь с левой стороны рисунка, оканчивается на правой. Такой способ оборки нельзя рекомендовать, потому что чтение строк, разделенных рисунком, очень затруднительно. Совсем не следует допускать встречающийся в некоторых книгах прием, когда рисунок стоит посередине страницы, а текст начинается с ее левой стороны, идет до нижней линии рисунка или подписи к нему и затем переходит на его правую сторону сверху. Такой способ оборки безусловно неправилен. При оборке никаких сокращений слов, кроме общеупотребительных, не допускается. Некоторые способы оборки рисунков показаны на стр. 84 и 85.

Сокращения. Вообще, в сплошном тексте нельзя сокращать слова произвольно. Все слова должны быть набраны полностью, всеми буквами. Даже, если в плохо проредактированном оригинале встретится сокращенное слово, то его надо набирать полностью. Надо также знать, что сокращаемое слово (в тех случаях, когда это допустимо) нельзя сокращать произвольно на любой букве. Сокращение делается или на первой букве, или на последней в группе согласных перед следующей за ней гласной.

С другой стороны, наоборот, не следует набирать полностью слова, которые принято писать сокращенно. Так, никогда не следует набирать полностью: „и прочее“, „и так далее“, „и другие“, „то есть“.

Оборка рисунка с одной стороны:

Эта лампочка поистине является волшебной палочкой, поскольку путем лишь различных способов соединения она может функционировать в качестве: 1) уже знакомого нам детектора, 2) усилителя, благодаря которому возможно усиление в нужной степени поступающих из антенны колебаний, 3) генератора, т. е. источника тока высокой частоты. Действие

катодной лампы основано на явлении, получившем лишь недавно объяснение, с которым мы сейчас ознакомимся.

Если в обыкновенной электрической лампочке поместить металлическую пластинку, соединенную с положительным полюсом (+) батареи приблизительно в 90 вольт, и угольную нить, соединенную с отрицательным полюсом (-) той же батареи, то, как показывает включенный амперметр, при оборванном проводе не проходит никакой ток. Однако, если лампочка горит (от отдельной батареи) и нить накаливается, то заметим отклонение магнитной стрелки амперметра, несмотря на то, что между металлической пластинкой и нитью попрежнему видимого соединения нет. Так называемая теория электронов объясняет это явление следующим образом: если

Рис. 1. Катодная лампа.

пластинка соединена с положительным полюсом, а нить — с отрицательным, то последняя излучает электроны, или бесконечно малые частицы электричества, заряженные отрицательно, которые устремляются к металлической пластинке, образуя, таким образом, путь для тока. Если же нить соединена с положительным полюсом то ее положительный заряд не позволяет электронам излучаться, стремления электронов к пластинке, соединенной с отрицательным полюсом, больше нет, вследствие чего путь для тока оказывается перерванным. Такая лампочка обладает способностью

Редко применяемый способ оборки:

Лучший вид детекторов изображен на нашем рисунке. К каучуковой или эбонитовой пластинке в $30 \times 50 \times 10$ мм. привинчена двумя винтами другая пластинка из изоляционного материала $30 \times 40 \times 5$ мм. Ни- прикрепляется и в предыдущем или срезанная вым блеском. Он при чем пружинка на периферии собом можно оты- ствительное место, му — достигнуть пряжения звука. На некотором расстоянии, в зависимости от длины пружинки и винтика, — пластинка из медной жести толщиной в 0,3—0,5 мм. с припаянной к ней или зажатой между винтиком и шайбой пружинкой. Через другую каучуковую или эбонитовую пластинку, в которой сделана нарезка, проходит

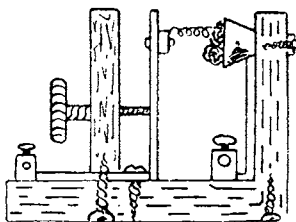

Рис. 11. Детектор.

Неправильная оборка:

Берем теперь полоску медной жести $290 \times 10 \times 3$ мм. и какую-нибудь цилиндрической формы колодочку из плотного дерева или эбонита, которую распиливаем по длине, как показано на рисунке. Из медной жести вырезаем небольшую полоску и привинчиваем к колодочке. Затем, насадив на металлический стержень, склеиваем и скрепляем винтами обе половины колодочки. Она теперь будет с легким трением скользить по стержню. Стержень привинчиваем к боковым стенкам катушки и соединяем со вторым зажимом. По всей длине катушки, по тому пути, где медная жестяная полоска, когда контакт скользит по стержню, надавливает на обмотку — должна быть удалена изоляция. Это лучше сделать при помощи наждачной бумаги. Изоляция между ветками остается, и только сверху нужно ее удалить для получения контакта, после чего еще раз всю катушку, за исключением

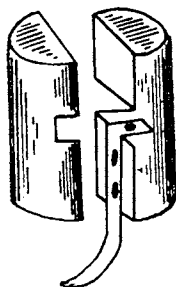

Рис. 14

Правильные сокращения:	Неправильные сокращения:
15 п. 10 ф.	15 пу. 10 фу.
17 арш.	17 ар.
1984 р. 14 к.	1984 руб. 14 к.
897 рубл.	897 ру.
14 стр. или стран.	14 стра.
Ул. Своб. Академии	Ули. Сво. Академии
Площ. Тевелева	Пло. Тевелева
Проф. Тимирязев	Профес. Тимирязев

Составные шпоны. Чтобы кончить с вопросом о простом наборе сплошного текста, укажу, что если набор производится на составных шпонах, то они ставятся так, чтобы места их соединения не совпадали одно под другим. Например, если текст набирается на шесть квадратов и нет шпон на этот формат, то надо между строками закладывать составные шпоны в четыре и два квадрата, а не по три квадрата каждый, при чем после первой строки ставится сперва длинный шпон, потом короткий, после второй строки— сперва короткий шпон, потом длинный и т. д. Если набор идет на формат с цицера (очень редкий случай), то мелкий шпон не следует закладывать ни в начале, ни в конце строки. Если не соблюдать этих правил, то связанная гранка не будет прочно держаться, а при спуске в машину может покривиться сверстанная полоса.

Связывание гранки. Длина связанной гранки, при наборе без шпон, не должна превышать двойной ширины формата. При наборе на шпонах гранка может быть длиннее, так как она прочнее держится. Надо стараться вязать гранку на переносе и во всяком случае не на концевой строке. Связывание гранки на переносе облегчает подыскание набора для верстки. Если же гранка связана на концевой строке, а следующая начинается с абзаца, то разыскивать труднее, особенно, если, — как это порой случается в типографиях, — не все „благополучно“ с оригиналом.

Заголовки. При наборе заголовков, кроме общего для всех случаев правила единства характера шрифта, надо учитывать их значение и положение в книге. Если заголовков несколько, один под другим (Отдел I, Часть II, Глава III), то верхние заголовки набираются крупнее, нижние — мельче. Подзаголовки набираются более мелким шрифтом, чем основные заголовки, но нужно принять за правило, что ни заголовки, ни подзаголовки не следует набирать более мелким кеглем, чем текст.

Это, однако, не относится к конспектам, — подзаголовкам, заключающим несколько строк (в некоторых типографиях их называют „шапками“). Такие подзаголовки набираются, обыкновенно, шрифтами мелкого кегля: петитом при корпусе. При наборе заголовков прописными буквами их можно брать на кегель мельче основного шрифта, т. е. при наборе, например, корпусом набирать заголовок прописным петитом. От этого правила приходится отступать при большом нагромождении заголовков и подзаголовков. Курсива в заголовках лучше избегать.

Если в заголовке, набираемом прописными, встречаются цифры, то надо брать их из шрифта более крупного кегля, так как очко цифры всегда мельче очка прописной буквы, и потому верхняя линия цифр ниже линии букв.

Приводимые ниже две строки показывают это достаточно наглядно. Первая строка вся набрана корпусом прописным жирным, во второй строке слова набраны корпусом, а цифры взяты из цидеро:

ОКТАБРЬСКАЯ СТАЧКА 1905 ГОДА

ОКТАБРЬСКАЯ СТАЧКА 1905 ГОДА

Большей частью для заголовков и подзаголовков берутся жирные и полужирные шрифты, но это вовсе не обязательно, и очень красивы заголовки, набранные своими прописными (т. е. прописными буквами того же шрифта, которым набирается текст). Если заголовок очень короткий, — например,

состоит из одного слова,— то он набирается в разрядку, при чем точка отбивается такой же шпацией, как разбиты все буквы данного слова.

Спорным является вопрос, следует ли разбивать короткие заголовки на шпации, если большинство заголовков в той же книге достаточно длинны и набраны без разрядки. Я думаю, что применение разрядки в отдельных коротких заголовках не будет ошибкой, даже если остальные заголовки набраны без разрядки. Точки в заголовках необязательны. При наборе светлыми шрифтами их лучше не ставить.

Желательно при наборе заголовков выдерживать светлые или жирные шрифты. Но при многоэтажных заголовках это не всегда достижимо. В последнем случае основные заголовки набираются жирными шрифтами, а главы, отделы — светлыми. Неправильно набирать заголовок предисловия или введения светлым шрифтом, если все заголовки в книге набираются жирным, или наоборот.

Обыкновенно, заголовки выключаются в красную строку. Если в заголовке две или несколько строк, то верхние строки лучше набирать чуть-чуть короче формата, а нижнюю строку выключать посредине. Переносы в заголовках не допускаются, и лишь в самом крайнем случае, если этого нельзя избежать никакими способами, перенос можно оставить. Ломая строки в заголовках, надо принимать во внимание и их содержание.

Нельзя набрать:

НОВЫЙ ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ
СЛОВАРЬ

ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ
МОНГОЛИИ

Надо набирать:

НОВЫЙ
ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

ОЧЕРКИ
СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

Если под заголовками идет краткий конспект содержания статьи или главы, то одна строка всегда выключается посредине формата. Если конспект имеет несколько строк,

Набор заголовков:

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Происхождение профессиональных союзов

Профессиональное движение принадлежит к числу величайших явлений современной общественной жизни. Во всех культурных странах существуют мощные профессиональные союзы, объединяющие в совокупности десятки миллионов рабочих; среди общественных сил, направляющих развитие человечества, профессиональное движение занимает далеко не последнее место. Вполне понятен поэтому интерес, с которым трудящиеся

ВОСЬМОЙ ОТДЕЛ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ НАКОПЛЕНИЕ

ГЛАВА XXVI

Тайна первоначального накопления

I. Отделение производителя от средств производства. — Исторический строй, заменивший феодальный строй капиталистическим. — II. Будучи сначала поработен с помощью грубого насилия, рабочий впоследствии сам подчиняется своей эксплуатации. — III. Образование внутреннего рынка для промышленного капитала.

I. Отделение производителя от средств производства

Мы видели, как деньги превращаются в капитал, как капитал делается источником прибавочной ценности, и как прибавочная ценность делается источником нового капитала. Но накопление капитала предполагает прибавочную ценность, а эта последняя предполагает капиталистический способ производства, который, в свою очередь, зависит от совершившегося уже накопления, т. е. от сосредоточения довольно значительных капиталов в руках товаропроизводителей. Все это движение

Набор заголовков:

Приложение I

Краткий очерк фурьеризма во Франции и Соед. Штатах Сев. Америки

Фурьеризм во Франции

В противоположность сен-симонистам, фурьеристы ничего не прибавили к доктрине своего учителя. Эта доктрина целиком дана в произведениях Фурье, и единственное, что сделано в теоретической области его последователями, заключается в ее популяризации, ибо, как нами указано в своем месте, своеобразие и трудность изложения делали произведения Фурье недоступными для широких кругов читателей. Кроме популяризации, учениками Фурье произведены следующие две поправки при изложении теории учителя: во-первых, выброшена

Отдел первый

Англия

I

ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИОННЫЙ

Еще около 200 лет тому назад (приблизительно до начала XVIII в.) Англия была страной, главным образом, земледельческой. Промышленность носила преимущественно кустарный характер, т. е. изготовление из сырья разных продуктов производилось на дому земледельцем ручным способом в свободное от полевых работ время, а рабочие специалисты, каковы прядильщики, ткачи, рабочие по металлу, в свободные от занятий часы обрабатывали каждый небольшой земельный участок, свой собственный или арендуемый.

Набор заголовков:

КНИГА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Коммерсанты

ОТДЕЛ I

Общие положения

Ст. 6. Коммерсантами считаются лица, которые по профессии совершают торговые операции от своего лица, а не только в составе торгового товарищества. Члены товарищества с ограниченной ответственностью по одному этому не являются коммерсантами.

Ст. 7. Лица, занимающиеся без товарищей какой-либо промышленностью или торговлей в масштабе, не превышающем границ ремесла или мелкой торговли, как, например, ходячие перепро-

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

ГЛАВА V

Ранний английский социализм

Промышленный переворот в Англии, с его противоположностью социальных последствий для господствующих и трудящихся классов населения, должен был получить и получить двойное отражение в общественной мысли того времени. В зависимости от того, чьи классовые интересы — господствующих или угнетаемых — отражали те или иные течения в общественной мысли, они различным образом подходили к оценке последствий промышленного переворота: одни выдвигали на первый план рост производительных сил и общественного богатства, другие — рост нищеты и несправедливости трудящихся масс. Мы видели, как классическая экономия отра-

то первая строка начинается без отступа, а последняя строка выключается посередине. Каждое законченное предложение конспекта отделяется от следующего знаком тире (—). Конспект набирается жирным или обыкновенным шрифтом более мелкого кегля, чем тот, каким набирается текст. Следует избегать широких жирных шрифтов, которые слишком резко нарушают общую картину страницы.

Выключка заголовков в красную строку, однако, вовсе не является обязательной. В последнее время все чаще и чаще применяется выключка заголовков в правую или левую сторону приблизительно на три четверти формата. Иногда выключенный в сторону заголовок подбивается полутупой или тонкой линейкой в зависимости от характера шрифта. Для боковых заголовков я рекомендовал бы светлые шрифты. Красивы заголовки, набранные прописным курсивом. Но многострочные заголовки выключать в сторону не следует, иначе получится некрасивое многоэтажное нагромождение. Иногда мелкие заголовки ставятся в самом тексте, с левой стороны, и обираются справа, как рисунок, при чем под боковым заголовком непременно должна быть полная строка, еще лучше — две. К сожалению, многие авторы с этим не считаются и ставят боковой заголовок в коротком абзаце, не дающем возможности выгнать полную конечную строку. Набранные таким способом заголовки в некоторых типографиях называются „фонариками“. Пробел сверху и снизу делается так, чтобы линия окружающего текста, по возможности, образовала правильный квадрат. Слова, занимающие место уже формата „фонарика“, выключаются посередине в красную строку.

Так как боковые заголовки („фонарики“ или „уголки“) набираются, обыкновенно, на очень узкий ($1 - 1\frac{1}{2}$ квадрата) формат, то понятно, что с правилами разбивки и переносов здесь приходится считаться очень условно. Нужно только стараться сохранить логическую правильность расположения строк, и лучше дать лишнюю строку, чем допустить логически неправильное деление строк. При узких форматах следует

избегать боковых заголовков. Точно так же недопустимы очень длинные боковые заголовки. Боковой заголовок не должен занимать больше пяти строк.

Эпиграф. Эпиграф ставится непосредственно над текстом и выключается с отступом слева в зависимости от ширины формата, но во всяком случае эпиграф не должен занимать более двух третей ширины формата текста. Что касается правой стороны эпиграфа, то некоторые настаивают на том, что справа отступ делать не следует и что окончание строк эпиграфа должно по вертикали равняться по строкам текста. Другие, наоборот, полагают, что эпиграф должен набираться с отступом справа на круглый и в некоторых отдельных случаях даже больше. Второй способ я считаю более правильным. При наборе без отступа, особенно при компактных форматах и мелких шрифтах, эпиграф сольется с текстом.

Эпиграф всегда набирается шрифтом на несколько пунктов мельче основного шрифта, которым набирается текст. Некоторые почему-то набирают эпиграфы курсивом, но обыкновенный шрифт более подходит для набора эпиграфа. Если под эпиграфом стоит подпись, указывающая, из чьего произведения или из чьей речи взята цитата для эпиграфа, то подпись набирается курсивом или в разрядку. Если формат эпиграфа очень узок, а подпись длинная, то непопасающий конец подписи может выдаваться вправо за эпиграф, но не влево. Коломнин советует, если эпиграф на иностранном языке, а под ним русский перевод, набирать эпиграф курсивом, а перевод обыкновенным. Против этого нельзя возразить, но и нельзя считать обязательным: и иностранный эпиграф может быть набран обыкновенным шрифтом. Если эпиграф заключает несколько цитат, — то они отделяются друг от друга пробелом.

Эпиграф на отдельной странице набирается более мелким шрифтом, чем текст, и выключается вправо и вверх. Эпиграфы, помещаемые на отдельной странице, можно набирать светлым курсивом или рукописным.

Набор эпитафий:

Завод—отец. Ячейка—дом.
Семьища—книга, труд, ребята.
Мы в Комсомолки живем—
Стране великой и богатой.

А. Безыменский.

...У Безыменского свое художественное мировосприятие, глубоко индивидуальное и в то же время впитавшее в себя короткий—но какой со-

Основная задача всякого предприятия заключается в том, чтобы дать потребителю дешевый товар хорошего качества.

М. Сорокин. „Наглядный учет в производстве“.

В условиях советского строя проблема удешевления продукции составляет существо „смычки“ города с деревней. Наше социалистическое хозяй-

Die ganze Gesellschaft spaltet sich mehr und mehr in zwei grosse feindliche Lager, in zwei grosse, einander direkt gegenüberstehende Klassen: Bourgeoisie und Proletariat.

К. Маркс и Ф. Энгельс — „Das Kommunistische Manifest“.

Общество раскалывается все больше и больше на два больших враждебных лагеря, на два больших противоположных класса: буржуазию и пролетариат.

К. Маркс и Ф. Энгельс — „Коммунистич. Манифест“.

Первый конгресс Коминтерна поднял знамя коммунизма и сформулировал основные принципы, характеризовавшие его цели и средства к их достижению. Второй конгресс Коминтерна, состояв-

*Wacht auf, Verdammte dieser Erde,
Die stets man noch zum Hungern zwingt!
Das Recht, wie Glut im Kraterherde,
Nun mit Macht zum Durchbruch bringt!
Die Internationale.*

Вставай, проклятем заклейменный
Весь мир голодных и рабов!
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов!
Интернационал.

Развитие капитализма, увеличивая пролетариат, поставило перед ним задачу объединения своих сил для борьбы против буржуазии. Общность инте-

Титул и шмуц-титул. Набор титулов и шмуц-титулов для многих типографий является камнем преткновения. Действительно, не только художественный, но и просто технически правильно выполненный титул приходится встречать не часто. Главное затруднение заключается в том, что в титуле всегда несколько строк, которые приходится набирать шрифтами разного кегля, иногда начиная от квадратного и кончая петитом и даже нонпарелью. Нелегко не только подобрать соответствующие шрифты, но и расположить их красиво, без переносов, без чрезмерно длинных или коротких строк.

Весь титул должен быть обязательно набран шрифтами одного типа. Крупнее всего выделяется название книги, причем желательно, чтобы оно поместилось в одну строку. Это не всегда удается, и дело осложняется тем, что в титуле ничего нельзя сократить. Если название книги включает в себе несколько строк и если нельзя все заглавие набрать одним шрифтом, надо выделить крупнее самые существенные слова. При наборе двух строк можно, если позволяют условия, сделать обе строки равными, или нижнюю строку выключить посередине, или, наконец, прибегнуть к ломаному набору, выключив верхнюю строку несколько влево, а нижнюю — отодвинув вправо.

Фамилия автора ставится наверху посередине страницы (иногда с правой стороны) и ее можно подбить, в зависимости от общего характера работы, тонкой или полутупой линейкой или даже толстой черной чертой до 12 пунктов. В таком случае такая же линейка ставится внизу над фирмой. Если титул включает только короткие строки, то можно сделать весь набор на узкий формат (например, треть полосы) и сдвинуть его вправо, оставив левую сторону страницы свободной от текста.

Никаких рамок и украшений на титуле не следует допускать. Неполные строки не следует заполнять линейками или точками, как это часто делается. Это только загромождает и пестрит набор, тем более, что вовсе не обязательно,

чтобы все строки были ровными. В погоне за симметрией не следует ударяться в крайность и стремиться достигнуть ее во что бы то ни стало. Симметрия не всегда синоним изящества, и, наоборот, асимметричные строки очень часто создают стройное и художественно выполненное целое.

При наборе титула и шмуц-титула следует избегать тяжелых широких жирных шрифтов.

На титуле, как и на обложке, теперь не принято ставить точки в конце строк. Это правильно, потому что назначение точки отделить одно предложение от другого, излагающего другую мысль. Без точки эти предложения слились бы в бессмысленный набор слов. На титуле, состоящем из отдельных слов, в крайнем случае из одного предложения, такой опасности нет и потому точка является лишней. Но если в названии книги есть вводные слова или придаточное предложение, то их обязательно надо отделять запятыми, как требуют правила грамматики. Красота набора не должна идти за счет его грамотности, и совершенно неосновательно в некоторых книгах на титуле не ставят и запятых, хотя грамматически они там должны быть.

Большое искусство требуется для того, чтобы распределить набор на титуле так, чтобы пустые места располагались пропорционально. Но не следует впадать в другую крайность, распределяя пустые места, как по аршину. Короткий титул, можно, например, весь поднять вверх, кроме фирмы. Такие титулы, набранные выдержанными светлыми шрифтами, очень красивы.

Шмуц-титул, по количеству текста, обыкновенно, короче титула и набирается мельче.

Трудно дать более точные и конкретные указания относительно набора титулов и шмуц-титулов. В каждом отдельном случае требуется специальный подход. Можно рекомендовать, прежде чем приступить к набору титула, прикинуть приблизительно, какими шрифтами он будет набираться, и набросать карандашом схему предполагаемой композиции. Такой набросок, сделанный по формату, даст наглядное

Некоторые способы набора титулов:

А. ИВАНОВ

НАЧАТКИ
ПОЛИТГРАМОТЫ
В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. ПЕТРОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

П. Л. ЛАВРОВ

ПАРИЖСКАЯ
КОММУНА
18 МАРТА 1871 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

РАДИО
КАК СПОРТ

ПРАКТИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ
ДЛЯ ПОСТАНОВКИ
ПРИЕМНИКА

СОСТАВИЛ
И. БРЕСТОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
И ОБЩЕСТВА В ЭПОХУ ПРЕ-
ОБЛАДАНИЯ НАТУРАЛЬНОГО
ХОЗЯЙСТВА

СОСТАВИЛ
Г. ТАРАН

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СЕЯТЕЛЬ“

представление о внешнем виде задуманного титула и очень облегчит работу. Весьма полезно ознакомиться с набором титулов старинных книг, поражающих художественностью выполнения. Образцы их можно найти в книге В. Я. Адарюкова: „Библиография русских типографских шрифтов“. Некоторые титулы книг начала и середины XVIII века имеют 15—20 строк и, тем не менее, превосходно выдержаны, несмотря на сложность набора.

Обложка. Как я уже говорил, обложки в настоящее время большей частью печатаются с цинкографских клише,—даже в тех случаях, когда на обложке помещается только текст. Против этого нельзя возразить, так как, конечно, в типографии не может быть такого выбора шрифтов, чтобы удовлетворить всякий запрос. Но нельзя не пожалеть, что типографские шрифтовые обложки очень редко применяются, и искусство обложки падает.

При наборе обложки следует руководствоваться теми же основными правилами, как и при наборе титулов. Надо обращать внимание на выдержанность шрифтов, логическую грамотность деления строк, выделение наиболее важных слов и строк.

Для набора обложек берутся вообще жирные шрифты. Приступая к набору, надо знать, на какой бумаге обложка будет печататься. Например, для белой гляцевитой бумаги можно сделать красивую обложку из светлых шрифтов. Для бумаги темных цветов шрифты надо брать непременно жирные. При наборе обложек можно широко пользоваться украшениями из линеек, орнамента и т. п., но не следует слишком загромождать ими текст.

Предисловие. Предисловие, как правило, набирается тем же шрифтом, как и вся книга. Исключение допускается только тогда, когда предисловию придается особое значение и на него надо обратить специальное внимание читателя, например, если оно написано выдающимся политическим

*Моему другу в жизни
и товарищу в борьбе*

*Михаилу Ивановичу
Лобанову*

*одному из основателей
всероссийского союза рабочих
металлистов*

†Посвящение из книги Б. Колесникова.— „Рабочее профессиональное движение“.

деятелем или знаменитым писателем и т. д. В таком случае предисловие набирается на один кегель крупнее текста книги. Иногда предисловие набирается несколько уже формата основного набора. Остающиеся, благодаря этому, широкие поля, способствуют выделению текста.

Посвящение. Посвящение, если оно заключается в нескольких словах или немногих строках, набирается красивым четким шрифтом,—лучше рукописным,—и занимает отдельную страницу. Если же посвящение длинное, его набирают шрифтом того же кегля, как и текст, или на один кегель крупнее,—но предпочтительно курсивом или рукописным, выдерживающим характер почерка от руки.

Содержание. Содержание (оглавление) книги набирается шрифтом более мелким, чем основной текст, в виде вывода. Очень короткие оглавления следует набирать уже формата текста. Если книга представляет собой сборник статей нескольких авторов, то название статьи набирается обыкновенным, а фамилии авторов курсивом. Если фамилия автора стоит перед названием статьи, то фамилию можно набирать жирным того же кегля или обыкновенным в разрядку. После названия статьи жирных шрифтов лучше не ставить. Курсив можно заменить разрядкой.

Цифры, указывающие нумерацию страниц книги, выключаются вправо вплотную по выбранному формату и соединяются с текстом отточием. Если в содержании попадают очень длинные строки, то нельзя доводить их вплотную до цифр. Если строка не помещается, то надо сделать две, если нужно, даже три строки, но ни в каком случае не доводить их до цифр. Если в содержании встретится несколько таких длинных строк, то по самой длинной строке они выравниваются по вертикальной линии, а последняя выключается, как обыкновенная концевая строка. Если отточие набирается простыми точками, а не специальными, отлитыми на круглый или полукруглый, то точки разбиваются на полукруглый,

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран.
Предисловие Н. Попова (к русскому изданию)	3
Предисловие к английскому изданию	4
Предисловие автора	5
Заметки для учащихся и преподавателей	7
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ.	
Глава I. Человек и его окружение.	
География и история. — Египет и пустыня. — Америка и океаны. — Географическое положение Британии	9
МИРОВАЯ ИСТОРИЯ.	
Глава II. Речные долины.	
Тропический и умеренный пояс. — Условия, благоприятствующие человеческому развитию. — Где началась цивилизация. — Общественное значение орошения. — Река, как фактор объединения	17
Глава III. Внутренние моря.	
„Средиземноморская глава“. — Распространение цивилизации. — Железо вытесняет бронзу. — Объединение Средиземноморья. — Вторжение внешних народов. — Вторая область „внутренних морей“	26
Глава IV. Океан.	
Первые шаги к объединению мира. — Путь в Индию. — Западный путь и „Новый Свет“. — Перемещение центров. — Начало британского превосходства. — Открытие берегов мира	39
Глава V. Сухопутный транспорт.	
Появление жел. дорог. — Открытие обширных пространств земли: 1) Африка, 2) Америка, 3) Азия.	49
Глава VI. Современный мир.	
Мировая экономическая взаимозависимость. — Политические деления. — Группировка государств. — Пять великих групп	59
Глава VII. Америка.	
Новая держава. — Развитие Соединенных Штатов. — Их естественные богатства. — Центральная и Южная Америка. — Панамский канал	68
Оглавление из книги Дж. Ф. Хоррабина: „Экономическая география“.	

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Сущность профессионального движения.

	Стран
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Происхождение профессиональных союзов	3
Ремесленный строй—3. Организации подмастерьев—6. От ремесла к фабрике — 8. Капиталистический строй и социалисты — 10. Борьба классов и рабочее движение —12. Научный коммунизм — 15.	
ГЛАВА ВТОРАЯ. Организация профессиональных союзов	32
Состав профессионального союза — 33. Союз должен быть классовой организацией — 35. От цеховых союзов к производственным—37. Добровольное и принудительное членство — 40. Строение профсоюза — 42.	
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Борьба профессиональных союзов за рабочий договор	60
Цели экономической борьбы — 61. Взаимная помощь — 63. Трудовое посредничество — 65. Стаечная борьба и ее значение — 68. Примирительное разбирательство — 72.	
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Профессиональные союзы и классовая борьба пролетариата	89
„Чистый“ трэд-юнионизм—90. Экономические и исторические корни трэд-юнионизма—92. Неизбежный крах трэд-юнионизма — 94. Синдикалистское движение — 96. Условия успеха синдикализма—98. Ошибки синдикалистского учения — 100. Общественные задачи союзов по Марксу — 102.	

Часть вторая. Профессиональное движение за границы.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Трэд-юнионистское профессиональное движение	117
Возникновение профдвижения в Англии — 118. Революционный период английского профдвижения — 120. Закон о бедных и чартистское движение—123. Промышленный подъем и рабочий класс — 126.	

Из книги Б. Колесникова: „Рабочее профессиональное движение“.

и первая точка отбивается точно таким же пробелом от предшествующего слова, а последняя — от цифры, к которой ведет отточие.

Иногда в оглавлении перечисляются названия глав или отделов, после которых идут содержащиеся в них заголовки. В таком случае название главы или отдела можно набирать отдельной строкой несколько более крупным шрифтом (можно своим прописным) или жирным и выключить влево. Начальные буквы всех основных строк должны равняться по вертикальной линии слева.

Некоторые типографы набирают содержание сплошь жирными шрифтами. Это неправильно, потому что содержание в книге имеет второстепенное значение, и нет необходимости его выделять. На стр. 101 и 102 приводим два примера набора оглавлений, но ими, конечно, далеко не исчерпываются все способы их набора.

Цифры. В сплошном книжном наборе нередко встречаются выводы и таблицы. Вывод, это — та же таблица, с той разницей, что в выводе графы разделяются вертикальными и горизонтальными пробелами, а не линейками.

Прежде, чем остановиться на этом виде набора, — несколько слов вообще о наборе цифрами. Цифры в пределах сотен не разделяются пробелами и ставятся вплотную одна к другой. Сотни от тысяч отделяются запятой, без пробела, тысячи — от миллионов точкой. В некоторых изданиях вместо этих знаков классы отделяются один от другого двухпунктовой шпацией. Последний способ более удобен.

Числа набираются одним из следующих способов:

147 16,872 32.618,724 61 342 4 147 382

Если цифры встречаются среди сплошного текста, то к ним иногда приставляется буквенное окончание, которому предшествует дефис. Например: 25-го декабря, в 3-ю очередь, в 17-ом году. Я придерживаюсь того мнения, что эти приставки только портят набор и к ним нужно прибегать только тогда,

если без них может исказиться смысл. В приведенных выше примерах, если бы даже в них не было окончаний, никто, конечно, не прочел бы „двадцать пять декабря“ или „в семнадцать году“ вместо „двадцать пятого“ и „в семнадцатом“. Однозначные цифры, особенно порядковые, в тексте лучше набирать словами. Некрасиво, когда в книге встречаются такие выражения: „В 1-й части говорилось“, „3 раза возвращались мы к этому вопросу“, „за 5 лет достигнуты большие успехи“ и т. д. Надо набирать: „В первой части“, „три раза“, „за пять лет“. К римским цифрам окончание не прибавляется (XX век, V съезд, а не XX-й век, V-й съезд). При обозначении каких-нибудь мер, встречающихся в сплошном текстовом наборе, количество их набирается цифрами, если название меры набрано сокращенно. Например: 15 арш. 7 в., но не „пятнадцать арш.“, „семь в.“. В специальных изданиях, как, например, в арифметических задачниках, математических сочинениях числа всегда набираются цифрами, а не словами.

Если числа набираются арабскими цифрами одно под другим в виде столбца, то они выключаются так, чтобы единицы стояли под единицами, десятки под десятками, иначе говоря, класс должен выключаться под классом.

1 756	300 465	1 345 217
22	17 200	9
681	7	1 432

. Десятичные дроби отделяются от целого числа запятой. Если целое число многозначное и при наборе классы разделяются запятой, то цифры, обозначающие дробь, лучше набирать или дробными цифрами, отлитыми на нижнюю линию, или шрифтом более мелкого кегля, выравнивая его по нижней линии. В противном случае дробь сольется с целым числом и иногда это может ввести читателя в заблуждение.

Например, если наберем 100,243, то неясно — надо это читать: сто тысяч двести сорок три или сто целых двести

сорок три тысячных. Этот пример подтверждает правильность разбивки классов шпациями, а не запятыми или точками.

Поэтому правильнее пример набрать: 100,243. Тогда для читателя не может уже возникнуть никаких сомнений.

Выводы. Некоторые руководства рекомендуют набирать выводы на тот же кегель, как и основной текст. Это верно по отношению к мелким шрифтам (петит, боргес), но безусловно неправильно при более крупных шрифтах. Если основной текст набирается шрифтом, имеющим очень широкое очко, можно допустить набор вывода тем же кеглем, но с узким очком. Во всех остальных случаях вывод безусловно надо набирать на более мелкий кегель. Если весь набор идет на шпонах, то и выводы набираются через шпон.

Большей частью выводы не занимают всей ширины страницы, и в таком случае выключаются посередине формата. Нет никакой необходимости, как это часто делают, стараться непременно разогнать вывод во всю ширину формата. Вывод должен занимать в ширину не более места, чем нужно по количеству граф с нормальными пробелами между ними. Только в очень узких выводах пробелы можно несколько увеличить. Надписи в графах, боковой текст и цифры набираются одинаковым кеглем. Если текст идет сбоку, то он соединяется с цифрами отточием с соблюдением правил, указанных для набора содержания. Строка бокового текста не должна подходить к цифрам вплотную. Между столбцами оставляется пробел настолько широкий, чтобы цифры столбцов, стоящих рядом, не сливались. Если в надписях над столбцами много текста и его волей-неволей приходится делать шире столбца цифр, то между надписями делаются равные пробелы, а цифры выключаются посередине каждой надписи так, чтобы по обеим сторонам самого длинного числа, встречающегося в графе, оставались одинаковые пробелы. В многострочной надписи короткие строки выключаются с равными пробелами с обеих сторон (красная строка). Заголовок вывода от надписи в графах и надписи от цифр всегда отбиваются пробелами.

Я полагаю, что при наборе вывода петитом (наиболее часто применяемый для этого шрифт) через двухпунктовый шпон заголовок от граф можно отделять непарельным пробелом, а надписи в графах от цифр — четырехпунктовым. Это указание, конечно, лишь приблизительно, и при верстке, когда метранпаж будет приводить полосы, эти пробелы, — как почти всегда бывает, — могут быть изменены. Не следует в выводах ставить строки заголовков вертикально.

Если в выводах имеются итоги под каждым столбцом, то они отбиваются сплошной итоговой линейкой, сверху и снизу которой закладывается обычный пробел, если набор идет на шпонах, или два пункта, если вывод набран без шпон. Точно так же ставится сплошная итоговая линейка, если столбцы с итогами и без итогов чередуются, при чем под теми столбцами, которые не имеют итога, ставится тире (—). Только в том случае, если итог имеется лишь в последнем столбце или в нескольких последних рядом стоящих столбцах, итоговой линейкой подбиваются лишь те столбцы, под которыми стоят итоги. Итоговую линейку в книжном наборе следует всегда ставить тонкую, а не полутупую.

Вывод всегда ставится поперек страницы и никогда — вдоль. Если вывод так широк, что его нельзя втиснуть по формату, как бы ни уменьшать разбивку, то надо переделать его в поперечную таблицу.

Римские цифры в выводах встречаются редко и применяются преимущественно в первой графе или столбце для обозначения порядкового номера или отделов. Выключка римских цифр, особенно если они стоят перед словами, штука довольно мудреная, благодаря тому, что в них разряды под разрядами и классы под классами не подгонись, и набор с римскими цифрами, стоящими вертикально одна другой, всегда производит плохое впечатление получающимися при наборе уступами.

I	I	I
II	II	II
III	III	III
IV	IV	V
XX	XX	XX
LXI	LXI	LXI

Способы выключки римских цифр.

Набор простого вывода:

ДОХОДЫ

	1913/1914 г.	1924/1925 г.
Таможенные сборы	35.450	101.800
Акции	39.590	135.900
Доход с силовых средств передвижения	—	15.600
Налог на наследства	27.359	56.600
Гербовый сбор	10.000	21.000
Поземельный и квартирный налоги	1.400	1.250
Подоходный и поимущественный налоги	47.201	65.000
Дополнительный налог	—	62.000
Налог на дополнительную прибыль.	—	8.000
Налог на акционерные общества	—	20.000
Различные налоги	6.000	—
Почтовые, телеграфн. и телефон. доходы.	6.200	53.500
Государственные имущества	500	900
Проценты по займам	1.600	12.250
Различные поступления	2.300	40.850
Общая сумма доходов	177.600	794.650

РАСХОДЫ

	1913/14 г.	1924/25 г.
Государственный долг	24.500	350.000
Платежи Ирландии	—	3.500
Фонд на улучшение дорог	1.400	15.000
Расходы на местные органы управления	9.700	13.150
Погашение долгов	1.700	3.190
Армия	28.000	45.000
Флот	48.000	55.800
Воздушный флот	—	14.500
Гражданская служба, учебные заведения, имущества, пенсии престарелым, здравоохранение, пенсии инвалидам войны и проч.	43.700	227.537
Почта, телеграф, телефон	4.400	51.081
Финансы и другие расходы	14.480	11.268
Общая сумма расходов	175.880	791.026

Любой из приведенных на стр. 106 способов выключки римских цифр некрасив, так как дает ломаную линию. При наборе рядом с текстом я рекомендовал бы первый способ, при котором, по крайней мере, выравнивается правая сторона. При втором и третьем способах получаются уступы. Некоторые рекомендуют соединять при втором и третьем способах цифры с текстом отточием, но и это плохо помогает, как видно из следующих примеров:

I. Объединение капиталистов.	I . . . Объединение капиталистов.
II. Банки.	II . . . Банки.
III. Захват источников сырья.	III . . . Захват источников сырья.
XXI. Мировая война.	XXI . . . Мировая война.

I Объединение капиталистов.
II Банки.
III Захват источников сырья.
XXI Мировая война.

Первый способ кажется все-таки лучшим. Если при римских цифрах нет текста, то можно рекомендовать третий способ, при котором каждое число выключается одно под другим посредине.

Таблицы. Табличный набор — едва ли не самый трудный вид работы. Виды таблиц очень разнообразны, и каждый заказчик может принести таблицу, составленную совершенно оригинально, так, как именно ему нужно. В книге при сплошном тексте такие особенно замысловатые таблицы не встречаются, и потому я останавлиюсь на табличном наборе лишь в самой общей форме.

Таблицы, помещаемые среди текста, бывают продольные, поперечные или распашные, в зависимости от расположения их на странице.

Продольными таблицами называются такие, заголовки которых поставлен поперек книги, а линейки, идущие вниз от заголовка и образующие графы,—параллельно корешку. В поперечной таблице заголовок ее приходится в корешке,

а линейки, идущие сверху от заголовка, проходят поперек страницы. Распашной называется таблица, левая половина которой начинается на левой странице, а правая — на правой, а заголовок стоит поперек обеих страниц, пересекая их через корешок. Это — продольная распашная таблица. Бывают распашные таблицы и поперечные, когда заголовок стоит вдоль левой страницы, прилегая к наружному полю, а линейки, образующие графы, идут поперек обеих страниц, начинаясь на левой и кончаясь на правой.

Если при наборе распашной таблицы заранее известно, на каких полосах она будет помещена, то можно делать таблицу одной формой при условии, что она попадет на полосы, при спуске приходящиеся рядом (стр. 14—15 при формате в одну восьмую листа, стр. 18—19 и 22—23 при формате в одну двенадцатую и т. д.). Преимущество одной формы значительно, но такой способ можно применять только в очень тонких брошюрах в один, два листа.

Таблицы среди текста, обыкновенно, делаются по формату. Если таблица очень узка и ее нельзя разогнать по формату без нарушения правильного общего вида страницы, то лучше набирать ее выводом. Если продольная таблица не помещается по формату и в то же время слишком коротка, чтобы превратить ее в поперечную, можно несколько выпустить ее за формат. То же самое относится и к поперечным таблицам, если их ширина окажется больше, чем формат страницы в длину. Во всяком случае, прежде чем приступить к набору таблицы, нужно совершенно точно рассчитать ее формат и ни в каком случае не делать таблицу больше, чем это допускает страница, потому что таблицу нельзя ломать для переноса, как обыкновенный сплошной набор.

Если таблицу никак нельзя втиснуть в формат, тогда по формату набирается часть таблицы, а остальная переносится на другую страницу с повторением всех заголовков и надписей, имеющих над первой половиной сверху и в графах. Под главным заголовком ставится тогда: „Продолжение“. Другой выход заключается в том, чтобы такую таблицу

сделать по формату, которого она требует, и затем печатать ее на отдельном листе, вклеивая при брошюровке. Это, однако, удорожает издание.

Как выше сказано, прежде чем приступить к набору таблицы, надо точно ее рассчитать. Очень часто наборщики делают этот расчет, так сказать, „практически“: заключают верстатку по формату, закладывают материал и начинают разбивать его по числу граф просто „на глаз“. Ничего хорошего в результате не получается, особенно при сложных таблицах с главными и вспомогательными графами, многоэтажным заголовком и сложным „хвостом“, в разных местах прорезываемым линейками. Такой способ расчета на глаз надо считать во всяком случае нерациональным, тем более, что верстатка часто может дать только ширину таблицы, а не длину. А между тем очень важно рассчитать таблицу совершенно точно, потому что ошибка на несколько пунктов, при предельном формате, может повлечь за собой необходимость переделать заново всю работу, а это вещь очень трудная. Это, ведь, не простой набор, где можно вынуть шпоны, вогнать несколько строк и дело поправлено.

Расчет таблицы в ширину производится следующим образом. Сперва высчитывается место, занимаемое цифрами. В каждой графе берется самое большое число, по ширине которого должна делаться графа. Так как цифры отливаются на полукруглый, то ширина каждой цифры равна половине данного кегля: при наборе корпусом—5 пунктам, петитом—4 пунктам и т. д. Если таблица набирается петитом, то берем количество знаков самых больших чисел во всех графах и умножаем его на 4. Полученное произведение показывает, сколько пунктов в ширину займут цифры. Цифры вплотную к продольным линейкам не ставятся, а отделяются пробелом в 2 пункта. Значит, внутри каждой графы надо прибавить по 4 пункта на разбивку. Кроме того, каждая из продольных линеек, разделяющих графы, а также линейки, окаймляющие таблицу, также имеют каждая на кегель 2 пункта. Сюда же надо прибавить разрядку между классами, точки и запятые,

если они встречаются. Точно подсчитываем все эти данные и получаем ширину таблицы в пунктах. Эта сумма, разделенная на 48, покажет в частном число полных квадратов, а остаток — сколько пунктов остается сверх полных квадратов. К этому прибавляется, если имеется, боковой текст, т. е. высчитывается занимаемое им место. Если в результате этого расчета выяснится, что таблица получается несколько уже формата, надо раздвинуть отдельные графы, по возможности, равномерно. Если есть боковой текст, то прежде всего расширяется эта графа, затем раздвигаются узкие графы, т. е. те, в которых стоят самые короткие числа. Если же, наоборот, таблица не помещается по формату, то ее или сжимают, в крайнем случае даже поступаясь заложенными вдоль продольных линеек двухпунктовыми шпонами, или же превращают ее в поперечную.

После расчета ширины таблицы приступают к расчету ее длины, вычисляя точно число строк, занимаемых цифрами, шпонами, поперечными линейками и, наконец, высоту заголовков в графах и общего заголовка. Надо иметь в виду, что внутри граф заголовки не должны ставиться вплотную к верхней и нижней линейкам (горизонтальный заголовок) или к боковым линейкам (вертикальный). Между текстом и линейками должен оставаться пробел не менее двух пунктов. Очень трудно дать практические указания всех способов, как можно сжать или разогнать таблицу в длину или в ширину, чтобы втиснуть ее в формат. В каждом отдельном случае приходится прибегать к различным способам, в зависимости от характера и сложности таблицы, и выше указан лишь простейший способ.

Я еще раз особенно подчеркиваю необходимость правильного и пунктуально точного расчета при выполнении таблиц. Допущенная наборщиком ошибка легко может пройти незамеченной в корректуре, но непременно выяснится при верстке и может остановить всю работу. Поэтому табличный набор надо поручать только очень опытным наборщикам, на которых вполне можно положиться.

Заголовки граф ставятся преимущественно горизонтально, т. е. поперек формата, но в очень узких графах заголовки могут быть поставлены и вертикально, но всегда снизу вверх и верхними концами букв влево. Ширина заголовков внутри граф, по возможности, не должна превышать ширины самого длинного числа, встречающегося в этой же графе. Лучше сделать в заголовках лишнюю строку, чем дать ему такую ширину, что стоящие ниже цифры будут казаться затерянными среди широкого белого поля. Правила переносов и сокращений в табличных заголовках применяются лишь по мере возможности и неправильное сокращение не будет в данном случае ошибкой. Часто случается, что после окончания слова остается свободное место, недостаточное, однако, для начала следующего слова. В таком случае оно берется на разрядку или (лучше) выключается в красную строку.

Цифры в графах должны выключаться посередине граф так, чтобы самое длинное число с обеих сторон имело одинаковые пробелы. Исключение допускается лишь в очень узких графах, вмещающих в ширину одну, две цифры, которые можно выключать в край, если таблицу надо сжать.

Цифры, как всегда, выключаются класс под классом. В том месте графы, где в оригинале нет никакого числа, ставится тире, но ни в каком случае не кавычки.

Боковик (строки текста, помещаемого в первой графе слева) набирается, по возможности, с таким расчетом, чтобы слова доходили вплотную до двухпунктового пробела перед линейкой, отделяющей первую продольную графу. Отточия в боковиках ставить не следует, применяя их лишь в крайнем случае, если почему-либо боковая графа очень широка и текст далеко отстоит от первой графы. Этого большею частью можно избежать, потому что почти всегда от наборщика зависит — разогнать таблицу в других графах или сжать боковик и сделать всю таблицу уже формата. Этого нельзя сделать только в специальных изданиях, состоящих сплошь или преимущественно из таблиц, которые в таком случае все должны быть сделаны по формату.

Следует избегать таблиц с высоким заголовком и очень коротким хвостом, состоящим из одной или двух строк. Такие таблицы лучше набирать выводом, переставив в них графы.

Например, следующую таблицу лучше превратить в вывод: Убой скота по Одессе за октябрь—март 1924/25 г.

	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь	Февраль	Март
В абс. выр.	159 292	133 029	156 641	117 038	109 025	106 627
В процентах	100	83,6	98,7	73,6	68,6	67,3

Та же таблица, набранная выводом, будет иметь такой вид:

Убой скота по Одессе за октябрь—март 1924/25 г.		
	В абс. выр.	В проц.
Октябрь	159 292	100,0
Ноябрь	133 029	83,6
Декабрь	156 641	98,7
Январь	117 038	73,6
Февраль	109 025	68,6
Март	106 627	67,3

Однако, к таким переделкам надо прибегать с большой осторожностью,—лучше предварительно снестись по этому поводу с автором.

Кстати сказать, такие вопросы, в сущности, должны разрешаться во время технического редактирования книги. К сожалению, это почти никогда не делается, и при сдаче в набор оригинала с цифровым материалом очень редко дается указание, что набирать выводом и что—таблицей.

Заголовки внутри граф набираются тем же кеглем, как и цифры, и только при очень сложных многострочных заголовках можно брать шрифт более мелкого кегля.

В верхних заголовках табличных граф (как и в выводах) безусловно не допускается курсив. Следует избегать также применения разрядки, прибегая к ней лишь в том случае,

если графа слишком широка, а заголовок короток. Я не рекомендовал бы также набирать заголовки граф прописными. Лучше уж допустить разрядку. Внутри боковой графы иногда применяются курсив и даже жирные шрифты, если автор считает нужным выделить отдельные строки.

Таблица делается на шпонах или без шпон, в зависимости от того, как набирается основной текст, но не будет грубой ошибкой, при наборе текста через шпон, набрать таблицу без шпон, если иначе нельзя сделать ее правильно по формату. Как правило, разбивка строк во всех таблицах, встречающихся в книге, должна быть одинакова. Но этого не всегда удается достигнуть, потому что при верстке приходится сжимать или разгонять таблицу, чтобы поставить ее в определенном месте, и только незнакомый с типографским делом педант признает такую разбивку неправильной. Но безусловно нужно, чтобы в одной таблице разрядка между строками (шпоны) была везде одинакова, и этого, конечно, всегда можно достигнуть. Набор на шпонах значительно труднее, так как, обыкновенно, продольные линейки проходят через весь хвост таблицы, и наборщику приходится оперировать мелкими шпонами в пределах ширины графы. При расчете таблицы это надо иметь в виду и помнить, что шпоны отливаются на четные части квадрата. Вообще, при наборе таблиц надо работать четным материалом, избегая в графах долей меньше цецеро.

Общий заголовок таблицы ставится сверху окаймляющей ее линейки, набирается жирным или своим в разрядку и выключается в красную строку посредине формата.

Теперь вопрос: какими линейками пользоваться при наборе таблиц и как их располагать в пунктах пересечения и построения разных заголовочных или итоговых клеток? При табличном наборе применяются, обыкновенно, рантовые, полутупые, двойные тонкие и тонкие линейки — все на два пункта. Рамка таблицы делается, обыкновенно, из рантовой или полутупой линейки. Такими же линейками отделяют заголовок таблицы от хвоста. Для продольных граф берутся

тонкие линейки, а для отделения главных граф от подсобных и для итоговой черты берутся опять полутупые линейки. Таков табличный шаблон.

Большой знаток наборного дела и, в частности, табличного набора С. Цорн совершенно справедливо, однако, указывает, что это смешение трех и даже четырех сортов линеек производит неприятное впечатление излишней и ненужной пестроты. Он рекомендует ставить везде тонкие линейки (за исключением рамки, для которой можно брать полутупую линейку), а главные графы от вспомогательных и заголовков от хвоста отделять двойной тонкой линейкой. Приводимые им примеры такого набора как нельзя более наглядно убеждают в правильности рекомендуемого им приема.* Я, с своей стороны, всецело за способ т. Цорна, как очень тонко разработанный и вполне отвечающий всем требованиям, предъявляемым к художественному исполнению табличного набора. Прибавлю к этому, что применение для рамок рантовых и полутупых линеек вовсе не обязательно, и их также с успехом можно заменить двойными тонкими линейками. Красивый вид имеет таблица без боковой рамки с двойными тонкими линейками вверху и внизу. Но нельзя одобрить способ, когда таблица совсем не имеет окаймляющих линеек. Такая таблица всегда производит впечатление незаконченной.

Приводимые на стр. 116 и 117 таблицы набраны по двум указанным выше способам, и даже при беглом взгляде на них видно, что все преимущества на стороне таблицы, сделанной из тонких линеек.

Все указанное относится только к таблицам, встречающимся в книжном наборе. В специальных табличных изданиях (статистические справочники, указатели цен и проч.) применение рантовых и полутупых линеек вполне допустимо.

* С. Цорн. — „Лекции по наборному делу для вечерних курсов“. Екатеринбург. 1921. Его же статья: „О табличном наборе“ в „Екатеринославском Печатнике“, 1923, № 1.

Книжный набор

Таблица из рантовых и полутупых линейек
с отточием в боковой графе:

Наименование трестов	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего за I квартал 1924/25 года
Штаты Донугля	5 770	4 435	4 740	14 945
„ Югостали	1 073	1 009	1 075	3 157
„ Химугля	229	181	167	577
Всего по каменноуголь- ной промышленности	7 072	5 625	5 982	18 679
ЮРТ	558	449	430	1 437
Укр сольтрест	185	131	140	456
Югосталь	9 683	9 359	10 305	29 347
Краматорский завод	1 197	1 377	1 258	3 832
ЮМТ	1 947	2 165	2 352	6 464
Итого по тяжелой индустрии	20 643	19 106	20 467	60 215
Укр трест сельмаш	1 517	1 508	1 622	4 647
Электротрест	445	452	448	1 345
Зав. Интернационал	183	144	183	510
Укр госспирт (спирт)	} 505	} 644	65	65
„ (наливка)			1 053	2 202
Маслотрест	554	494	567	1 615
Табактрест	817	739	845	2 401
Махотрест	315	314	330	959
Химуголь (зав.)	1 119	1 197	1 261	3 577
Коксобензол	321	320	392	1 033
Штеровский завод	145	122	112	379
Слав сольтрест	41	37	30	108
Фарфор-фаянс-стекло	332	336	373	1 041
Укр силикаттрест	273	217	245	735
Каолинов. комб.	20	8	8	36
Бумтрест	227	201	221	649
Текстильтрест	752	617	801	2 170
Кожтрест	1 896	1 651	1 954	5 501
Итого по легкой индустрии	9 462	9 001	10 501	28 964

Книжный набор

Таблица из двойных тонких и тонких линеек
без отточия в боковой графе:

Наименование трестов	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего за I квартал 1924/25 года
Штаты Донугля	5 770	4 435	4 740	14 945
„ Югостали	1 073	1 009	1 075	3 157
„ Химугля	229	181	167	577
Всего по каменноуголь- ной промышленности	7 072	5 625	5 982	18 679
ЮРТ	558	449	430	1 437
Укрсольтрест	185	131	140	456
Югосталь	9 683	9 359	10 305	29 347
Краматорский завод	1 197	1 377	1 258	3 832
ЮМТ	1 947	2 165	2 352	6 464
Итого по тяжелой индустрии	20 643	19 106	20 467	60 215
Укртрестсельмаш	1 517	1 508	1 622	4 647
Электротрест	445	452	448	1 345
Зав. Интернационал	183	144	183	510
Укргосспирт (спирт)	} 505	644	65	65
„ (наливка)			1 053	2 202
Маслотрест	554	494	567	1 615
Табактрест	817	739	845	2 441
Махортрест	315	314	330	959
Химуголь (зав.)	1 119	1 197	1 261	3 577
Коксобензол	321	320	392	1 033
Штеровский завод	145	122	112	379
Славсольтрест	41	37	30	108
Фарфор-фаянс-стекло	332	336	373	1 041
Укрсиликаттрест	273	217	245	735
Каолинов. комб.	20	8	8	36
Бумтрест	227	201	221	649
Текстильтрест	752	617	801	2 170
Кожтрест	1 896	1 651	1 954	5 501
Итого по легкой индустрии	9 462	9 001	10 501	28 964

	Единица меры	Март 1924 г.			Апрель 1924 г.		
		1	11	21	1	11	21
Рожь	пуд.	88	74	72	72	72	69
Пшеница	"	1,78	1,58	1,53	1,43	1,43	1,38
Ячмень	"	1,03	98	98	98	98	98
Мука пшен. 000	"	3,25	3,25	3,05	3,05	2,95	2,95
Мука ржаная обойн. 95 %	"	—	98	98	98	98	98
Масло подсолнечное	"	8,25	7,25	7,00	7,40	6,70	6,25
Масло коровье сливочное	"	31,00	29,00	26,00	22,00	20,00	18,50
Мясо воловье в тушах	"	12,50	10,50	10,50	—	15,00	12,00
Сахар-песок	"	9,25	9,25	9,15	9,15	9,15	9,15
Соль мелкая	"	63	63	63	63	63	63

В специальной литературе много раз обсуждался вопрос о способах пересечения линеек: должны ли продольные линейки пересекать поперечные (итальянский способ) или наоборот. Мне кажется, что вопросу этому придают слишком большое значение, которого он не заслуживает. В конце концов — это совершенно безразлично, если тем или другим способом можно сделать одинаково красивую таблицу. Мне кажется, однако, что заголовок таблицы правильнее и нагляднее, если поперечная черта под заголовком (по способу С. Цорна, двойная тонкая линейка) прорезывает линейки, разделяющие графы, т. е. продольные линейки в таком случае делаются составными и под заголовком перебиваются поперечной. То же самое надо сказать относительно итоговой линейки с той только разницей, что она не делается двойной. Во всех остальных случаях совершенно безразлично, какие линейки пересекают друг друга. Но надо принять за правило: или — или. Или поперечные линейки пересекаются продольными, или — наоборот; смешение двух способов в одной

дольная таблица:

Май 1924 г.			Июнь 1924 г.			Июль 1924 г.			Август 1924 г.		
1	11	21	1	11	21	1	11	21	1	11	21
69	66	61	61	64	74	79	79	84	98	1,08	1,08
1,38	1,38	1,33	1,33	1,33	1,43	1,48	1,48	1,58	1,75	1,85	1,85
93	93	88	88	88	93	93	93	98	1,03	1,03	1,03
2,95	2,85	2,75	2,65	2,75	2,75	2,75	2,75	3,05	3,30	3,40	3,40
98	93	93	88	93	93	98	98	1,08	1,23	1,23	1,33
6,25	6,00	6,00	6,00	6,00	5,75	5,55	5,55	5,55	5,55	5,55	5,55
18,50	17,00	17,00	17,00	17,00	17,00	17,00	17,00	18,50	18,50	23,00	25,00
12,00	11,50	11,00	9,25	9,25	7,00	7,00	7,00	5,00	5,50	5,50	5,50
9,15	9,15	9,15	9,15	9,15	9,15	9,15	9,15	9,15	9,15	9,15	9,15
63	63	63	63	63	63	63	63	63	63	63	63

таблице совершенно недопустимо. Между прочим, именно такой смешанный способ рекомендует М. М. Коган,* который предлагает „некоторые линии от заголовка“ пропускать „целиком через всю таблицу“. Приводимый им пример очень простой таблицы, в которой две продольные линейки прорезывают поперечные, а две другие пересекаются поперечными, по моему мнению, совершенно неправилен.

При наборе распашных таблиц необходимо иметь в виду средник, который разделяет обе половины таблицы (верхнюю и нижнюю или левую и правую) в корешке. В очень тонких книгах (1—2 листа) средник распашной таблицы может быть в 12 пунктов, т. е. по нонпарели на каждой странице, но в более толстых книгах необходимо делать его шире, но не свыше квадрата, или по 24 пункта на каждой странице. При наборе продольных распашных таблиц графа не должна переходить со страницы на страницу. Последняя графа на левой

* М. М. Коган.—„Спутник наборщика“. Харьков. 1919.

странице, как и первая на правой, должны заканчиваться вплотную к среднику, и таким образом вся таблица выпускается за формат страницы в сторону, прилегающую к корешку, как это видно на примере, помещенном на стран. 118—119. Некоторые при этом вдоль средника ставят рантовую или полутупую линейку, составляющую рамку таблицы. Это совершенно неправильно, так как рамка может окаймлять всю таблицу, а не отдельные ее части. У средника должны стоять такие же линейки, какими разделяются все графы, т. е. тонкие и двойные тонкие. Верхняя линейка, составляющая рамку продольной распашной таблицы, в каждой половине должна выступать на несколько пунктов за последнюю графу.

Математический набор. От выводов и таблиц—прямой переход к математическому набору, тоже очень сложному и нередко представляющему многочисленные затруднения. Простейшая форма математического набора—это, конечно, набор арифметический, состоящий из одних цифр, как, например, арифметический задачник. Цифры никогда не набираются в разрядку, за исключением случаев, когда между классами ставятся пробелы вместо запятых и точек. Знаки вычитания ($-$), сложения ($+$), деления ($:$) и умножения (\times) должны держать линию на середину очка цифры, при чем, когда знак умножения обозначается точкой, то следует брать ее из жирного шрифта. Указанные знаки отделяются от прилегающих к ним цифр или формул двухпунктовой шпацией (внутри скобок можно не отделять), но когда число или формулу непременно надо вместить в определенную строку,— а этого нельзя сделать иначе, как вынув шпации,— то это необходимо сделать. Вообще нужно сказать, что при математическом наборе, хотя и желательно соблюдать правила относительно пробелов, переносов и т. п., но часто выполнение их невозможно. Существуют определенные правила очень редко допускаемого переноса математических формул, и так как этих правил, действительно, ни в каком случае нельзя нарушить без риска исказить значение формулы,

Баланс торговли материалами в 1924/25 г. (в куб. саж.).

Губернии	Спрос к лесоторгующим организациям				Покрытие		
	Населения		В том числе:		Наименование организаций	Годичное поступление	
	Села	Города	Всего	Круглого (к/д)			Пилевого (п/д)
Донецкая	—	3 500	3 500	—	Вулл	43 000	3 000 000
Екатеринослав.	28 000	4 500	32 500	—	Украинлес	6 000	4 000 000
Одесская	29 000	6 000	35 000	—	Украинторг	10 000	1 000 000
					Самозагот.	71 000	—
Всего по степи	57 000	14 000	71 000	—	Всего по Укр.	130 000	8 000 000
Харьковская	—	8 000	8 000	—	Гомлес	7 000	1 700 000
Полтавская	7 000	2 200	9 200	—		2 000	600 000
Черниговская	—	1 200	1 200	—	Лесбел	5 000	1 000 000
Киевская	—	9 000	9 000	—	Брянсклес	5 000	1 200 000
Волынская	—	1 600	1 600	—	Пензолес	3 000	1 500 000
Подольская	—	2 000	2 000	—	Ульяновсклес	1 000	1 500 000
Всего по лесост.	7 000	24 000	31 000	—	Всего завоза	23 000	7 500 000
Всего по Укр.	64 000	38 000	102 000	50 000	Всего по Укр.	153 000	15 500 000
Спрос промышленности				120 000	Неучт. орган. (кр. 15%, пил. 1%)	22 000	1 500 000
Итого по Украине				170 000	—	175 000	17 000 000

Поперечная таблица

то для сохранения ее смысла приходится поступаться всеми другими правилами. Таким образом, при математическом наборе имеются в виду не его красота и изящество, а правильность и точность. Например, безусловно и безоговорочно нельзя разделить число так, чтобы часть его осталась в верхней строке, а часть перешла в нижнюю. Нужно допустить какую угодно разбивку, хотя бы вопреки всем принятым правилам, но число должно непременно поместиться на одной строке без переноса. Равным образом встречающиеся в строке сплошного текста числа, между которыми стоит тот или иной арифметический знак, нельзя разделять даже на знаке. Такие числа (часто встречающиеся в арифметических задачниках) должны быть полностью помещены в одной строке или выключены в отдельную красную строку.

Дроби делаются составными из специальных мелких цифр, отливаемых на верхнюю (для числителя) и нижнюю (для знаменателя) линии, и числитель от знаменателя отделяется кривой чертой. Это, так называемые, косые дроби. Прямые дроби отливаются как обыкновенные литеры и применяются в том случае, когда числитель или знаменатель состоят из длинного многозначного числа, и числитель от знаменателя отделяется уже не кривой, а прямой чертой. Так как среди наборщиков едва ли есть математики, то можно рекомендовать при математическом наборе тщательно копировать оригинал, отнюдь не заменяя, по своему усмотрению, один знак другим и т. п.

Между целым числом и дробью пробел не ставится. Если в типографии нет косых дробей, отлитых на верхнюю и нижнюю линии, то приходится брать для них обыкновенный шрифт более мелкого кегля, — например, нонпарель при наборе корпусом. В таких случаях набор значительно затрудняется и осложняется, так как нужно выравнивать разницу кеглей подкладкой и накладкой материала. Это возможно, если в сплошном текстовом наборе случайно встретится несколько дробей, но не годится при наборе специальных математических книг.

При наборе математических формул применяются скобки трех видов $\{$ $[$ $($). За этим надо внимательно следить, и нельзя применять, по усмотрению, одни скобки вместо других, так как это может исказить смысл. Скобки должны ставиться так, чтобы они захватывали верхними и нижними концами верхнюю и нижнюю линии заключенных между ними цифр и букв. Если формула многоступенчатая, то приходится брать скобки значительно большего кегля, чем основной шрифт, вследствие чего получаются неравномерные пробелы между строками. Но с этим считаться не приходится.

Вот пример формулы, заключенной в скобки:

$$7x: \left\{ 16a - 4b \left[11x + \frac{17c^2}{12a} : \left(\frac{a^2}{c^3} + 3b \right) - 16x^3 \right] \right\}$$

Перед скобками коэффициент без знака и знаки отделяются от скобок двухпунктовой шпацией. Внутри скобок пробелы можно не ставить. Для букв, применяемых в формулах, берется курсив (безразлично — прописная или строчная буква обозначена в оригинале) и совершенно неправильно, как делают некоторые, для прописных букв брать прямой шрифт, а для строчных — курсив. Цифра перед буквой (коэффициент) ставится вплотную, без пробела, но если букве предшествует многозначное число, то можно отбивать его двухпунктовой шпацией. Цифры всегда набираются прямым шрифтом, а не курсивом.

Встречающиеся надстрочные и подстрочные знаки всегда набираются вплотную без пробелов:

$$a^2. 3b^4 + c - 17x^3 + c$$

Подстрочные и надстрочные знаки (указатели и показатели) также, обыкновенно, бывают специальной отливки. Если их нет, надо сделать их „домашним способом“ из имеющегося под руками шрифта мелкого кегля, но ни в каком случае нельзя, например, указатель на нижней линии (1) заменять запятой.

Знак радикала ($\sqrt{\quad}$) ставится так, что идущая от него верхняя горизонтальная черта заканчивается аккуратно над последним знаком величины, поставленной под радикалом. Неисполнение этого требования влечет за собой искажение смысла всей формулы.

$$4y \left\{ \frac{\sqrt{2a \cdot 32bc + 17av}}{x} + \left[\sqrt[3]{2} (cd - 3a(a + e^2) - 17x) \cdot \sqrt{9a} \right] \right\}$$

Величина, стоящая под знаком радикала, никогда не переносится в другую строку. Но как же быть, если математическая формула не помещается в строке? Тут приходится прибегать к разным ухищрениям. Прежде всего, надо попробовать, нельзя ли втиснуть формулу, уменьшив пробелы между предшествующими ей словами, вынув пробелы между знаками, наконец, переменяя знаки (+ —) на более узкий шрифт того же кегля, а в крайнем случае — другого, более мелкого, кегля.

Если ни один из этих способов не помогает, то остается только перенести всю формулу в следующую строку, а в предыдущей дать широкую разбивку или даже, — если текста в ней остается мало и разогнать его на всю строку невозможно, — превратить ее в концевую, заполнив остающееся место материалом. В таком случае, — если предыдущая строка оставляется неполной, — следующая за ней формула выключается в красную строку. Но бывают такие трагические случаи, когда и это не помогает: формула оказывается длиннее формата. Если ее нельзя втиснуть, уменьшив пробелы, то можно прибегнуть к выпуску ее за формат, но очень незначительно, — не более как по Цицеро с каждой стороны. Когда и это не спасает положения, приходится прибегать к переносу. Тут требуется, чтобы перенос был правилен не только технически, но и математически.

Переносы математических формул допускаются только на знаках сложения (+), вычитания (—) и равенства (=), при чем знак, которым заканчивается предыдущая строка,

обязательно повторяется в начале следующей строки. Если вторая, перенесенная, строка оказывается короче первой, то она выключается посредине формата. Точно так же в красную строку выключается и первая строка формулы, если она короче формата. Ни в каком случае нельзя ломать формулу среди скобок, т. е. так, чтобы первая скобка с частью формулы оставалась в одной строке, а вторая часть формулы с заключительной скобкой переходила в другую строку.

Вот примеры правильно перенесенных формул:

$$\begin{aligned}
 OK &= \frac{M \cdot l}{2} \cdot \frac{1}{3} + \frac{M' \cdot l}{2} \cdot \frac{2l}{3} + o \cdot m = \\
 &= \frac{l^2}{6} (M + 2M') + O \cdot m. \\
 \frac{1}{6} [Ml + 2M'(l + l) + M''l] + \left(\frac{om}{l} + \frac{om'}{l} \right) &= \\
 &= El \left(\frac{F}{l} + \frac{F'}{l} \right)
 \end{aligned}$$

Те же формулы, неправильно перенесенные:

$$\begin{aligned}
 OK &= \frac{M \cdot l}{2} \cdot \frac{1}{3} + \frac{M' \cdot l}{2} \cdot \frac{2}{3}l + o \cdot m = \frac{l^2}{6} (M + \\
 &+ 2M') + O \cdot m. \\
 \frac{1}{6} [Ml + 2M'(l + l) + M''l] + \left(\frac{om}{l} + \right. & \\
 \left. + \frac{om'}{l} \right) &= El \left(\frac{F}{l} + \frac{F'}{l} \right)
 \end{aligned}$$

Нужно оговориться, что даже сделанные по этому способу переносы могут не всегда оказаться математически правильными. Поэтому в очень сложных и затруднительных случаях лучше обратиться за указанием к автору.

Иногда формулы прерываются словами или даже целыми фразами, связывающими их между собой. Такие формулы выключаются в красную строку.

Выключка формул:

Так как у нас все грани треугольные и каждое ребро принадлежит двум граням, то будет

$$3F = 2P$$

следовательно, вставляя в предыдущее уравнение, получим:

$$B = \frac{P}{3} + 2$$

или

$$P = 3B - 6$$

Выключка формул с применением знака интеграла:

Разрежем площадь S на элементарные площадки $q dS$. Вес каждой площадки $q dS$, где q — вес единицы поверхности. Знаменатель основной формулы:

$\sum P = \int q dS = \iint q dx dy = qS = Q$ — весу всей площадки S .

Числитель по той же формуле

$$\sum Jx = \int q x dS = \iint q x dx dy$$

при чем интегрирование производится по всей площади S .

Окончательно:

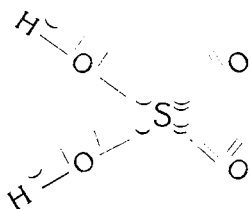
$$x_c = \frac{1}{Q} \iint q x dx dy; \quad y_c = \frac{1}{Q} \iint q y dx dy$$

Химические формулы в типографиях тоже считаются математическим набором, но так как они очень разнообразны, то и невозможно дать определенного указания относительно

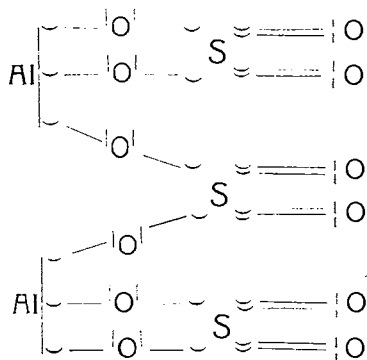
их набора, кроме одного: наборщик должен скопировать формулу совершенно точно, сделав ее именно так, как она изображена в оригинале. Фантазия в этом случае или стремление сделать набор „красивее оригинала“ может привести к печальному результату: „красиво набранная“ формула теряет значение и превратится в бессмысленный подбор знаков, линий, букв.

Привожу несколько примеров набора химических формул.

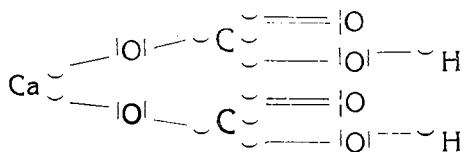
Формула строения серной кислоты:

Формула строения средней алюминиевой соли серной кислоты:

Формула строения кислой кальциевой соли угольной кислоты:

Формулы, выключенные в красную строку, отделяются от текста сверху и снизу пробелом, равным кеглю основного шрифта с прибавлением шпона, если набор идет через шпон.

Для набора букв в математических формулах применяется, обыкновенно, латинский шрифт, реже — греческий и совсем редко — немецкий и русский.

Тригонометрические величины обозначаются начальными буквами их названий прямым латинским шрифтом: \sin , \cos , \tan , \cot , cosec .

Перечисленные краткие указания далеко не исчерпывают всех особенностей и затруднений математического набора. Формулы и характер их построения так разнообразны, что порой даже самого опытного наборщика могут поставить в тупик, и так как ни для типографских рабочих, ни для управляющих или инструкторов, конечно, совсем необязательно знание математики, то, понятно, что в таких случаях может помочь только автор, и его указаниям следует беспрекословно подчиниться, хотя бы они и казались противоречащими правилам типографской техники.

Набор многэтажных и сложных математических формул является чисто мозаичной работой, так как его приходится составлять из шрифтов и материалов различного кегля, подкладывать и накладывать материал то сверху, то снизу, то с боков и не всегда в горизонтальном направлении, как идет строка набора, а часто вкось. Такая работа требует очень большого внимания и напряжения. Сложная математическая формула должна быть выключена и заключена с абсолютной точностью, иначе она развалится еще на гранке, а если даже и уцелеет случайно, то в машине наверное разъедется и скосит всю полосу.

Стихи. Не столь сложным, как математический, но все же значительно труднее простого сплошного набора, является набор стихотворений и драматических произведений.

До начала XX века, когда в русском стихосложении употреблялись только известные определенные размеры,

зависящие от числа слогов в строке и от падающего на них ударения (хорей, ямб, дактиль, амфибрахий, анапест), при наборе можно было руководствоваться определенными правилами в отношении расположения строк. Но потом символисты, декаденты, футуристы ввели в употребление стих произвольного размера, а поэты новейших направлений часто совсем не считаются с размером, и в их произведениях встречаются строки и целые строфы в самых неожиданных сочетаниях. Перечислить их нет решительно никакой возможности, и в каждом отдельном случае приходится соображать, как изящнее и красивее расположить строки данного стихотворения.

Но все-таки существуют некоторые общие правила, без соблюдения которых нельзя правильно набрать стихотворение. Обыкновенно, стихотворения набираются на формат, более узкий, чем формат страницы, и, таким образом, по бокам остаются широкие поля. Нужно, следовательно, так расположить набор, чтобы стихотворение стояло правильно посередине страницы и не казалось слишком сдвинутым вправо или влево. Некоторые определяют формат по самой длинной строке, встречающейся в стихотворении. Другие определяют формат по строке средней величины, т. е. ни по самой длинной, ни по самой короткой. Правильнее первый способ, потому что второй делает неизбежным переносы более длинных строк, а переносов при наборе стихотворений следует всячески избегать. Но если, как это иногда бывает, в стихотворении только одна или две длинных строки, то не следует брать их для определения формата, так как в этом случае все короткие строки окажутся сдвинутыми в сторону.

Перенос в стихотворном наборе допускается лишь в том случае, если одна строка получается исключительно длинной и потому, не соответствуя остальному набору, портит общий вид страницы. Но если такого несоответствия нет, и длинной строкой стильность страницы не нарушается, то, даже если строка не помещается по формату, лучше выпустить ее за

Кроме этой формы переносов, в изданиях, требующих особенной сжатости и компактности набора, допускается иногда перенос в конец следующей или даже предшествующей строки, при чем перенесенные слоги или слова отделяются прямой скобкой.

Например:

Но страшись, грозный царь, мы не будем,
Безответно сносить свое горе. [как встарь,
За волну волна поднялася от сна —
Люд рабочий бушует, как море.

Или так:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем грядущего ключи. [молот,
Вздымайся выше, наш тяжкий
В стальную грудь сильней стучи.

Такие переносы безусловно некрасивы и иногда даже затруднительны для чтения (не сразу сообразишь, к какой строке относится отделенный скобкой перенос) и прибегать к ним следует лишь в исключительных случаях, когда нет другого исхода.

Если в стихотворении равномерно чередуются длинные и короткие строки, то короткие строки можно выключать с одинаковым отступом слева.

Например:

Роскошны вы, хлеба заповедные
Родимых нив,—
Растут, цветут колосья наливные,
А я чуть жив.

Если в стихотворении встречается разговорная речь, то слово каждого действующего лица можно начинать с новой строки, с отступом, продолжающим предыдущую неполную строку, чтобы получилась полная строка стиха:

— Государь мой, куда вы бежите?

— „В канцелярию, что за вопрос!

Я не знаю вас!“

— Трите же, трите

Поскорей, бога ради, ваш нос!

Побелел!

— „А! Весьма благодарен!“

— Ну, а мой-то?

— „Да ваш лучезарен!“

— То-то, принял я меры...

— „Чего-с?“ ...

Наконец, есть стихи „безразмерные“, не подходящие ни под какие правила стихосложения. В этом случае наборщику приходится проявлять свою инициативу.

Привожу отрывок из стихотворения А. Жарова: „На смерть Ленина“ в том виде, как оно было напечатано:

Не кипучий смерч землетрясений
Мир хлестнул неустойчивым шквалом,—
Это — весть о том,
Что умер Ленин.
Весть о том,
Что Ленина не стало!
Солнце, стой!

Набор в таком виде скорее напоминает фельетон в прозе, чем стихи, и правильнее было бы набрать эти строки так:

Не кипучий смерч землетрясений
Мир хлестнул неустойчивым шквалом,—
Это — весть о том,
 Что умер Ленин.
Весть о том,
 Что Ленина не стало!
Солнце, стой!

В таком расположении строки приобретают больше выразительности и ярче выделяют слова, в которых главный

смысл стихотворения. Наконец, в этом же стихотворении все короткие строки, начиная от слов „Это—весть“ и до конца, можно выключить одну под другой посередине формата:

Не кипучий смерч землетрясений
Мир хлестнул неудержимым шквалом,—
 Это—весть о том,
 Что умер Ленин.
 Весть о том,
 Что Ленина не стало!
 Солнце, стой!

Как правило, в стихотворениях каждая новая строка начинается с прописной буквы. Но некоторые современные поэты этого правила не придерживаются и ставят прописные буквы, как в прозе, только после точки.

Например:

Чуть ночь превратится в рассвет,
 вижу каждый день я:
 кто в глав,
 кто в ком,
 кто в полит,
 кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.
Обдают дождем дела бумажные,
чуть войдешь в здание...

Конечно, в таких случаях типографии приходится считаться с автором, но нужно сказать, что стихи, набранные без прописных букв в начале строки, менее красивы.

Несколько слов о кавычках в начале строки в стихах. Если кавычки стоят в начале строки, то линия получается неровная, уступами.

„Сюда!“, — прикрикнул барин гневно.
Земной поклон ему мужик
И говорит ему плачевно:
„Отсохни, барин, мой язык“ ...

В этом примере прописные буквы образуют в начале строк ломаную линию, и правильнее было бы набрать их одним из следующих способов:

1

„Сюда!“, — прикрикнул барин гневно.
Земной поклон ему мужик
И говорит ему плачевно:
„Отсохни, барин, мой язык“ ...

2

„Сюда!“, — прикрикнул барин гневно.
Земной поклон ему мужик
И говорит ему плачевно:
„Отсохни, барин, мой язык“ ...

Мы должны ограничиться этими краткими общими указаниями относительно набора стихов, потому что теперешнее разнообразие их форм не позволяет предусмотреть все возможности, встречающиеся при их наборе. Но работа наборщика тем и характерна, что почти никогда не укладывается в рамки застывшего шаблона, и из многих существующих правил ему приходится выбирать то, которое наиболее подходит к данному случаю, а иногда самому устанавливать новые „законы“ набора.

Драматические произведения. Некоторыми значительными особенностями от обычного сплошного набора отличается набор драматических произведений. Драматические произведения набираются текстовыми шрифтами, обыкновенно, на кегель 10 или 12, редко— крупнее и почти никогда— мельче. Набор всегда идет смешанными шрифтами, часто различных кеглей, иногда одного кегля, но разного очка, как например: корпус обыкновенный, корпус жирный и курсив.

Обыкновенно, драматические произведения начинаются списком действующих лиц.

При наборе всего текста корпусом (далее, говоря о наборе драматических произведений, я везде предполагаю, что

набор основного текста производится корпусом) в списке действующих лиц их имена или фамилии набираются корпусом обыкновенным в разбивку, капителью или корпусом жирным. Если рядом с наименованием действующего лица стоит его характеристика, то последнюю набирают петитом.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Белозеров, Петр Григорьевич, врач, 40 лет.
Ольга Павловна, его жена.
Тавлинова, Варвара Павловна, сестра Ольги.
Тавлинов, Павел Алексеевич, отец их, 50 л.
Синицын, Федор Михайлович, ассистент Белозерова.

Действие в университетском городе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Белозеров, Петр Григорьевич, врач, 40 лет.
Ольга Павловна, его жена.
Тавлинова, Варвара Павловна, сестра Ольги.
Тавлинов, Павел Алексеевич, отец их, 50 л.
Синицын, Федор Михайлович, ассистент Белозерова.

Действие в университетском городе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

БЕЛОЗЕРОВ, Петр Григорьевич, врач, 40 лет.
ОЛЬГА ПАВЛОВНА, его жена.
ТАВЛИНОВА, Варвара Павловна, сестра Ольги.
ТАВЛИНОВ, Павел Алексеевич, отец их, 50 л.
СИНИЦЫН, Федор Михайлович, ассистент Белозерова.

Пьесы разделяются, обыкновенно, на действия или акты, или картины, а те, в свою очередь, на сцены или явления. Впрочем, последнее делается не всегда, и некоторые авторы

к такому делению не прибегают. Название действий следует набирать прописными обыкновенного шрифта (можно более крупного кегля), а сцены и явления — строчными в разрядку или корпусом прописным, если название действия набрано прописным цецеро. Если после названия действия имеется описание того, что представляет собою сцена, то это описание набирается петитом без отступа, и последняя строка выключается посредине формата. Если описание занимает только одну короткую строку, то она выключается посредине.

ДЕЙСТВИЕ I.

Берег Волги. Налево на первом плане фасад летнего ресторана. Перед ним столы и стулья. Справа — дорожка, ведущая к выходу.

ЯВЛЕНИЕ I.

ДЕЙСТВИЕ II.

Сцена I.

Зал в замке Макбета.

Если среди описания сцены встречаются имена или фамилии действующих лиц, то эти слова набираются тем же шрифтом, как и далее в основном тексте.

Между строками, обозначающими действие и явление, и описанием сцены должен быть пробел, не менее кегля основного шрифта.

Имена действующих лиц в тексте набираются или корпусом обыкновенным в разрядку, или капителью. Можно также взять прописные более мелкого шрифта, например, нонпарель при наборе корпусом. Набирают также имена и жирным корпусом, но это нельзя считать удачным, потому что при таком наборе страница пестрит черными пятнами. Обыкновенный шрифт здесь более уместен.

Имена действующих лиц в тексте набираются в подбор рядом с речью или выключаются в красную строку. Если

рядом с именем имеется ремарка, то она набирается или курсивом того же кегля, каким набирается основной текст, или петитом обыкновенным, или даже иногда нонпарелью. Набор прямым шрифтом предпочтительнее, так как курсив среди текста пестрит. Ремарки набираются двумя способами: справа от имен действующих лиц или под ними, при чем в последнем случае выключаются в красную строку. Если ремарка набирается непосредственно рядом с именем, но не помещается по формату, то перенос делается так, чтобы перенесенная строка начиналась под началом ремарки и не закрывала имени, к которому относится.

Иногда, если рядом с именем стоит ремарка, всю строку выключают посредине формата. Это неправильно, и такая неправильность непременно бросится в глаза, если ремарка длинная и ее придется переносить в другую строку. Лучше выключать в красную строку только имя действующего лица. Большей частью принято заключать ремарки в скобки, но в этом нет необходимости, если только ремарка не набирается тем же шрифтом, как и основной текст, а этого не следует делать.

По другому способу имена действующих лиц ставятся в начале строки, которой начинается речь действующего лица (это допускается только в пьесах, написанных прозой; в пьесах, написанных стихами, имена действующих лиц всегда выключаются сверху в красную строку). В этом случае имена можно набирать жирным шрифтом. Ставить между именем действующего лица и первым произносимым им словом знак тире (—) нет необходимости.

Ремарки, встречающиеся в тексте среди слов действующего лица, заключаются в скобки и набираются петитом или нонпарелью обыкновенными или же курсивом корпуса (первое — лучше).

Случается, что текст прерывается длинной ремаркой, не относящейся к тому или иному действующему лицу в отдельности, а характеризующей или общее настроение, или положение действующих лиц, или описывающей какую-нибудь

Набор драматического произведения:

ЯВЛЕНИЕ I.

Входят осторожно, почти на цыпочках: Аммос Федорович, Артемий Филиппович, почтмейстер, Лука Лукич, Добчинский и Бобчинский, в полном параде и мундирах. Вся сцена происходит вполголоса.

Аммос Федорович (строит всех полукружием). Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит, и государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут. (Оба Петра Ивановича забегают на цыпочках).

Артемий Филиппович. Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

Аммос Федорович. А что именно?

Артемий Филиппович. Ну, известно что.

Аммос Федорович. Подсунуть?

Артемий Филиппович. Ну, да хоть и подсунуть.

Аммос Федорович. Опасно, чорт возьми! раскричится: государственный человек. А разве в виде приношенья со стороны дворянства на какой-нибудь памятник.

Почтмейстер. Или же: „Вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие“.

Артемий Филиппович. Смотрите, чтоб он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела не так делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует,—чтобы и уши не слышали! Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Набор драматического произведения:

Судья, высовывая вперед сжатый кулак. В сторону.

Господи боже! Не знаю, где сию! Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков.

Что это у вас в руке?

Аммос Федорович, потерявшись ироня на пол ассигнации.

Ничего-с!

Хлестаков.

Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович, дрожа всем телом.

Никак нет-с! (В сторону). О, Боже! Вот уж я и под

Неправильный набор драматического произведения:

Судья. (Высовывая вперед сжатый кулак. В сторону).

Господи боже! Не знаю, где сию! Точно горячие угли под тобою.

Хлестаков.

Что это у вас в руке?

Аммос Федорович. (Потерявшись ироня на пол ассигнации).

Ничего-с!

Хлестаков.

Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Аммос Федорович. (Дрожа всем телом).

Никак нет-с! (В сторону). О, боже! Вот уж я и под

Набор драматического сочинения в стихах:

ИОАНН.

Сдается нам, мы не совсем еще
Играть забыли! Наш недуг у нас
Еще не вовсе отнял разуменье!
Кириллин день! Вишь выдумали что!
Проклятые! Куда пропал Борис?
Что он нейдет с ответом?

Бельский берет царского слона. Иоанн хочет
взять его ферязь царем и роняет его на пол.

ШУТ — бросаясь подымать.

Ай, ай, ай!

Царь шлепнулся!

ИОАНН — вспыхнув.

Шут! Ври, да меру знай!

К Бельскому.

Тебе ходить!

Игра продолжается. Годунов показывается
в дверях.

ГОДУНОВ — тихо, указывая на Иоанна
одному боярину, стоящему
позади других.

Каков он?

БОЯРИН — тихо к Годунову.

Больно гневен!

Уж раза два сердиться начинал!

Годунов подходит и становится напротив
Иоанна.

ИОАНН — подняв голову.

Ты здесь? Ну, что? Ты видел чародеев?
Каков их был ответ? Зачем молчишь ты?
Что-ж ты не говоришь?

новую перемену декорации или обстановки на сцене. Такая ремарка набирается с новой строки без отступа, и последняя строка, если она не полная, выключается посередине формата. Если последняя строка получается очень короткая, например, одно слово или даже неполное слово, то всю ремарку можно набрать несколько короче формата, чтобы получить более полную последнюю строку.

Когда имена действующих лиц выключены в красную строку, то пробел между ними и текстом сверху и снизу должен быть не меньше кегля шрифта основного текста, при чем, если рядом с именем идет ремарка в две или более строк, то пробел рассчитывается от последней строки ремарки. Если позволяет место, имя действующего лица должно стоять ближе к его словам, отделяясь от предыдущих слов более широким пробелом.

На страницах 138 и 139 приводим несколько примеров набора драматических произведений, написанных прозой.

При наборе драматических произведений, написанных стихами, соблюдаются общие правила стихотворного набора с разговорной речью. Ремарки среди текста не ставятся, а выключаются в отдельную строку.

На странице 140 приводим пример очень красивого набора отрывка из трагедии Алексея Толстого: „Смерть Иоанна Грозного“.

Специальные и технические издания. В так называемых специальных и технических изданиях красота и изящество внешности книги, обыкновенно, являются задачей второстепенной, а главное внимание обращается на компактность издания и совершенно точную передачу тех особенностей, которые могут встретиться в оригинале. Так, например, можно поступить правильно с пробелами, отделяющими заголовки от текста, допустить некоторые отступления от общепринятых правил при оборке рисунков и т. д. Но, разумеется, все эти нарушения правил типографской техники разрешаются только в том случае, если без этого нельзя

выполнить какое-нибудь обязательное требование оригинала, например, поместить чертеж, рисунок или таблицу непременно в определенном месте и т. д.

Энциклопедические словари набираются большею частью в два столбца убористым мелким шрифтом без шпон. Объяснение каждого слова набирается вкруговую. Абзац делается только в начале каждой статьи перед словом, объяснение которого далее следует. Если объясняемое слово повторяется в тексте, то, для экономии места, его обозначают только начальной прописной буквой того же шрифта, которым производится весь набор. Например, в статье „Аэроплан“, если в тексте встречается слово „аэроплан“, его не надо набирать полностью, а ставить лишь букву **А**. Слово, начинающее статью и являющееся как бы ее заглавием, набирается жирным шрифтом того же кегля, как и основной текст, но крупного и четкого очка, чтобы читатель, перелистывая книгу, мог легко и быстро найти нужное слово.

Точно так же набираются и словари иностранных слов. Если какое-нибудь слово повторяется с другим окончанием или в другой форме, придающими ему другое значение, то неизменяемая часть слова заменяется тире (—) или дефисом (-) и от предыдущего значения отделяется двумя вертикальными черточками (||). Переводимые слова набираются жирным шрифтом, т. е. в немецко-русском словаре жирным шрифтом набираются немецкие слова, а в русско-немецком — русские. При замене неизменяемой части слова дефисом окончание его набирается также жирным шрифтом.

Простой объяснительный словарь без иностранных слов набирается обыкновенным шрифтом, преимущественно, петитом, при чем объясняемые слова выделяются жирным. Такие словари редко выпускаются отдельными изданиями и, обыкновенно, печатаются в конце книги, как приложение, для объяснения встречающихся в ней слов. Иногда такие словари набираются без отступа, со втяжкой второй и последующих строк на 1 — 1½ круглых, но такой способ нельзя рекомендовать. Правильнее набирать с обыкновенного абзаца, как

сплошной текст. Объяснение от объясняемого слова можно отделять знаком тире.

В больших изданиях в конце книги иногда прилагается указатель имен, событий, предметов, встречающихся в книге, с целью помочь читателю быстро найти в книге нужное место. Такие указатели всегда набираются петитом в два столбца. Первая строка набирается без отступа, вторая и следующие — с отступом на 1 — 1¹/₂ круглых. Первую букву первого слова, начинающего новую букву, лучше брать из жирного шрифта.

На стран. 144 и 145 приводим примеры набора словарей в различных вариантах.

При наборе словарей, — всегда на очень узкий формат, — не приходится особенно считаться с правилами переносов и разбивки между словами, так как здесь главное — точная передача всех особенностей оригинала. Необходимо быть чрезвычайно внимательным и осторожным и отнюдь не допускать никаких сокращений против оригинала, так как неправильное или неуместное сокращение может совершенно исказить смысл.

Встречаются иногда оригиналы исключительно трудные и сложные, как, например, набор железнодорожных справочников с расписанием поездов. В таких справочниках почти каждая страница состоит из сложной комбинации продольных и поперечных таблиц, набираемых различными шрифтами одновременно (обыкновенный, жирный, курсив), и нередко испещренных самыми разнообразными условными знаками. Такой набор требует от наборщика исключительного искусства и очень больших специальных знаний. К большому сожалению, я не имею возможности остановиться на этом подробно, а вкратце эту работу объяснить нельзя.

Иностранный набор. Книжному наборщику нередко приходится иметь дело с оригиналом, написанным на иностранном языке. Наборщики, знающие хотя бы один иностранный язык, насчитываются единицами. Понятно поэтому,

Столбец набора русско-го энциклопедического словаря.

Танжер (араб. *Танджа*, древн. *Тингис*), укрепленный порт в Марокко у Гибралтарского прол., оживленная торговля; 20000 жит.

Танжур, гор. презид. Мадрас; древне-инд. учености; 54745 жит.

Танкред, герой 1 крестового похода, род. в 1078 г. Приняв вместе с своим кузеном Бозмундом Тарентским участие в 1 крестовом походе, Т. в 1099 году первый водрузил свое знамя на стенах Иерусалима, отличился затем в целом ряде битв и во время отсутствия Бозмунда управлял Антиохией, а затем Эдессой. Ум. в 1112 г. Торквато Тассо воспел его подвиги в „Освобожденном Иерусалиме“, но слишком его идеализировал.

Танненберг, деревня окр. Кенигсберг, 247 жит.; здесь в 1410 г. Тевтонский орден потерпел непоправимое поражение от поляков и литовцев.

Танну-ола, южн. ветвь Алтая, в Монголии.

Танрековые, Centetidae, сем. из отр. насекомоядных, мадагаскарские ежи, отличаются от наших большими клыками, более острыми резцами и разделением берцовых костей. У *танрека*. *Centetescaudatus*, тело несвертывается, хвоста нет.

Тансимат, см. *Турция*, история.

Танта, гл. гор. египетск. пров. Гарбие, на дельте Нила, важный ярмарочный пункт; 33750 жит.

Танта́л, в греч. мифол., царь Фригии или Лидии, отец Пелопса и Ниобы. Первоначально он пользовался великой милостью богов, но слишком возгордился и задумал испытать всеведение небожителей, подав им вместо обычных яств тело Пелопса. За это преступление Зевс осудил Т-а стоять в аду по-горло в воде и постоянно томиться жаждой,

Столбец набора францужезско-русского словаря.

Coteau, *sm.* 2. косогор; || холм, бугор.

Côtelé,-ée, *adj.* ребристый.

Côtelette, *sf.* котлета, котлетка.

Cotepalis, *sm.* Ком. легкая ткань из шелка и козьего пуха.

Coter, *va.* нумеровать; || отмечать цену (*чего*), назначать цену (*чему*); || Ком. котировать. Юр. — *procureur*, избирать стряпчего для ведения дела. **Cote,-ée**, *part. p.* *La rente a été-ée au pair*, процентные бумаги котировались на бирже альпари или сто за сто.

Coterie, *sf.* партия; котерия. *Faire — avec qn.* стакнуться с кем.

Côte-rôtie, *sm.* отличный сорт старого бургонского вина.

Cothurne, *sm.* котурн (*обувь у древних греков*). *Chausser le —*, см. **Chausser**.

Cotice, *sf.* Герал. узкий пояс.

Cotiché,-ée, *adj.* Герал. с узкими поясами.

Côtidal,-ale, *adj.* *Courbe-ale*, линия высоты прилива в различных местах в одно и то же время.

Côtier,-ère, *adj.* Мор. *Pilote —*, прибрежный лоцман. *Navigations-ère*, каботажное плавание.

Côtière, *sf.* Мор. поморье; || *Cad.* садовая гряда.

Cotignac, *sm.* (-nia) айвовое варенье.

Cotillon, *sm.* юбка; || котильон (*танец*). *et pop. Aimer le —*, любить женщин.

Cotin, *sm.* дикое оливковое дерево; || красильный желтник.

Cotinga, *sm.* котинга (*птица*).

Cotir, *va.* помять, побить (*плоды градом*).

Cotisation, *sf.* раскладка; || складчина, доля, часть; *J'ai donné tant pour ta —*, я дал столько-то на свою долю.

Cotiser, *va.* налагать подать (*на кого*). *On l'a-sé à dix roubles*, на него наложили десять рублей.

|| **Se —**, *v. pr.* складываться, сложиться. || **Cotisé,-ée**, *part. p.*

Столбец набора объяснительного словаря:

Калькуляция. — Точный учет себестоимости товара для определения его продажной цены.

Камень преткновения. — Препятствие, лежащее на пути какого-либо действия; вообще, препятствие, затрудняющее исполнение.

Канада. — Республика в Северной Америке, подчинена Англии.

Кандидат. — Лицо, готовящееся, желающее занять какое-либо место, должность; лицо, намечаемое к назначению на должность, место.

Капитуляция. — Сдача армии, города, крепости неприятелю; присвоение сильным государством права в чужом слабом государстве иметь свой суд, почту, контролировать финансы и пр. До войны, напр., существовала капитуляция для европейских государств в Турции.

Карлик. — Человек неестественно маленького роста; карликовый — очень маленький, крошечный.

Катастрофа. — Внезапное несчастье с тяжелыми последствиями.

Категорически. — Безусловно.

Категория. — Разряд, определенная группа.

Квантун. — Полуостров на восточном побережье Азии.

Квартал. — Три месяца, четвертая часть года.

Километр. — Французская мера длины около версты (469 саж.).

Киао-Чао. — Город в Китае.

Кинталь. — Деревня в Швейцарии.

Китайская стена. — Много веков тому назад вокруг всего Китая было сооружение, так называемая „великая стена“, имевшая целью не допускать в страну иностранцев. Эта стена не спасла Китай от порабощения его Европой. В переносном смысле — оговориться китайской стеной, зна-

Столбец набора алфавитного указателя:

Предпринимательские союзы вообще — 83; в Германии — 181; в Англии — 197

Прибавочная стоимость — 16
Прием в союз — 35

Примирительное разбирательство вообще — 72; в России — 363

Принудительное членство вообще — 41; в Англии — 133; в Америке — 141; в России — 328

Производственные союзы вообще — 39; в Германии — 183; в Англии — 202; в России — 315, 322, 329, 361

Промышленный переворот — 10

Профессиональный союз, его общие свойства — 28; общее собрание его членов — 42; его типы — 113; как школа коммунизма — 104

Профинтерн — 228

Рабочая кооперация — 396

Рабочее законодательство вообще — 81; в Англии — 120, 128, 134, 187; во Франции — 151, 155, 161, в Германии — 177, 187; в России — 268, 371, 377

Рабочие дома в Англии — 124

Рабочие клубы — 370—371

Рабочие конгрессы во Франции — 154

Рабочие секретариаты вообще — 65; в Германии — 187

Рабочий день в экономической борьбе — 62

Рабочий контроль — 319—321

Разделение труда — 8

Размежевание союзов — 40

Разрушители машин — 13

Раскол профдвижения во Франции — 162

Раскол РСДРП — 294

Революционное профдвижение — 110

Революция в Германии — 192

Ремесленный строй — 3, 24

Репарационный вопрос — 223

Реформизм вообще — 106; причины его развития — 216; после войны — 109, 227

что набор на иностранном языке всегда очень затруднителен. Во многих руководствах по типографскому делу даются краткие грамматические правила языков, с которыми приходится сталкиваться в типографской практике. Я считаю это совершенно бесполезным: в нескольких строках языку научить нельзя, нельзя даже дать о нем хотя бы приблизительное представление.

Наборщик, которому придется набирать с оригинала на незнакомом языке, прекрасно сделает, если, не мудрствуя лукаво, будет точно его копировать.

Правила набора на всех европейских языках одинаковы: нужно набирать технически грамотно, соблюдая равномерную разрядку между словами, правильно выключая концевые строки и т. д. Некоторые особенности приемов работы зарубежных типографий не связаны со свойствами языка. Так, за последние годы в английских и французских изданиях для заголовков и надписей применяются почти исключительно светлые шрифты. Почти выходят из употребления линейки, отделяющие от текста подстрочные примечания. Все эти и подобные им особенности вовсе необязательны для русских типографий и нет необходимости их непременно копировать.

Из особенностей, действительно заслуживающих внимания, отметим следующие. Немецкий текст набирается шрифтами двух родов: фрактур (готический) и антиква (обыкновенный французский или латинский шрифт). Фрактур не имеет курсива, а потому подчеркнутые слова надо выделять в разрядку. Выделение слов жирными шрифтами в немецком наборе также не принято. Фрактур имеет лигатуры (буквы, отлитые вместе в известных комбинациях).

Все имена существительные в немецком языке пишутся (и, следовательно, набираются) с прописной буквы. Отличительным признаком существительного может служить стоящий перед ним член (*der, die, das*), но иногда член ставится перед прилагательным, если оно предшествует существительному (*der grosse Knabe*), так что на этот признак особенно полагаться не приходится.

На остальных европейских языках набор производится исключительно латинским (французским) шрифтом. Встречающиеся в нем надстрочные знаки (é, à, û) отливаются вместе с литерами, занимающими отдельные гнезда в кассе.

При переносах слов в иностранном наборе надо руководствоваться грамматическими правилами, разделяя слово по слогам. В большинстве случаев это можно определить на глаз, но иногда возможны ошибки, так как, например, во французском языке не отделяется последний слог, состоящий из согласной и немой (непроизносимой) гласной (peti-te — маленькая). Далее не следует оставлять в конце строки член, перенося слово, к которому он относится (между прочим, это правило не всегда соблюдается даже в заграничных изданиях). Как и в русском языке, не переносятся две буквы и не делается перенос в концевую строку.

С греческим языком русскому наборщику теперь едва ли придется встретиться. В крайнем случае, может быть, случится набрать несколько слов или строк какой-нибудь цитаты. Особых знаний для этого не требуется. Надо только внимательно копировать оригинал, ставя литеры непременно с указанными в оригинале надстрочными знаками (придыхания и ударения). Греческий шрифт ничем не отличается от рукописи, и это облегчает набор. Специального курсива в греческом языке нет, потому что греческий шрифт, в сущности, весь курсивный, т. е. подражающий по рисунку очка рукописному.

Очень трудный набор на церковно-славянском языке теперь не встречается, так как он применялся исключительно для набора церковных книг.

Украинский набор. Набор на украинском языке, с точки зрения типографской, лишь с большой натяжкой может быть отнесен к иностранному набору. В смысле выполнения — он не отличается от русского набора, и наборщик может встретить затруднения только в непривычных сочетаниях некоторых букв.

Привожу некоторые сведения, которые в типографской практике могут быть полезны для наборщика, не знающего украинского языка.*

В украинском языке 33 буквы. Произношение и начертание букв такое же, как и в русском языке, за исключением некоторых.

Так, например, украинская буква *і* произносится как русское *и* (*мі́й, ді́ло*), *и* — приблизительно как *ы* (*син, товариш*), *ї* — как *йі* (*їхати, країна, гаї*). Нередко смешивают украинское *ї* с русским *й*. Буква *й* есть в украинском языке и соответствует тому же звуку в русском языке (*гай, гарний*). *Е* произносится как русское *э* (*цей, треба*), *є* — как русское *е* (*єдиний, своєчасний, моє*), *г* — как латинское или немецкое *g* (*гава, гудзик*), *г* — как латинское или немецкое *h* (*голова*).

Некоторые звуки, неизвестные русскому языку, обозначаются двумя буквами: *дж, дз* (*відродження, дзвін*). Звуки *дж* и *дз* надо отличать от случайных сочетаний (*підживитись, надзвичайний*); в первом случае при переносе *дж* и *дз* не разделяются. Звук, приближающийся к русскому *ё*, передается в начале слова и после гласных через *йо* (*його, мойого*), а после согласных букв — через *ьо* (*синього*). В некоторых словах пишется *йо* и после твердых согласных (*Воробйов, Соловйов, курйоз, серйозний*). При переносах *йо* и *ьо* не разделяются.

Апостроф употребляется после губных звуков *б, в, п, м*, перед гласными *я, є, ї, ю*, (*б'ю, в'єш, п'ять*). Если перед упомянутыми гласными стоят две или больше согласных, апострофа не ставят: *звязок, но — в'язати*. После твердого *р* перед *я, є, ї, ю* ставят апостроф (*бур'ян, подвір'я, но — рясно, рябий*). После приставки перед гласными *я, є, ї, ю*, ставят апостроф (*з'їзд*).

* Сведения эти составлены преподавателем украинского языка в харьковской школе печатного дела Г. М. Федоровским и, с любезного разрешения автора, заимствованы мною из книги А. М. Соколова „Справочная книжка наборщика“.

После шипящих мягкий знак в украинском языке не пишется вовсе. То же самое относится к букве **р**, когда она стоит в конце слога (Харків, тюрма, календар, но — трьох, чотирьох, вигорьований).

В причастиях никогда не пишут **нн** (друкований), в прилагательных **нн** пишется (осінній, здоровенний). В третьем лице глаголов после **т** пишется **ь** (стоїть, сміється).

Некоторые правила переносов: окончания — **ський, цький, зький, ство, цтво**, не разделяются (україн-ський, німе-цький, францу-зький, сиріт-ство, коза-цтво), сочетания **бл, пл, мл, вл, фл**, а также звуки **дж** и **дз** не разделяются (лю-блю, тер-плю, зе-мля, крі-влею, хо-джу, гу-дзик). Если **дж** и **дз** выговариваются как два звука **д** и **ж**, **д** и **з** (**д** относится к приставке, а **ж** или **з** — к корню), тогда **д** остается, а **ж** и **з** переносятся на следующую строку. Не следует разделять приставок (піді-брати, а не пі-дібрати). В чужих словах не разделяются: **кс, пс, ав** (Оле-ксандер, катале-псія).

Подстрочный набор. Наконец, есть еще один вид набора, правда, очень редко встречающийся, подстрочный, когда один и тот же текст набирается одновременно на двух языках. В этом случае перевод набирается непосредственно под основным текстом с таким расчетом, чтобы каждое переведенное слово выключалось посередине под словом переводимым. Понятно, что при этой форме набора не может быть правильной разбивки между словами, и пробелы зависят исключительно от того, как размещаются находящиеся в нижней строке слова. Если строка основного текста и следующая за ним строка перевода шпоном не разделяются, то после строки перевода перед следующей за ней строкой основного текста закладывается шпон, и, таким образом, две строки текста и перевода рассматриваются как одна строка. При подстрочном наборе ни в коем случае нельзя делать переносов, хотя бы для этого пришлось допустить самую неправильную разбивку между словами. Переносы нельзя делать потому, что набранное в нижней строке слово является

переводом стоящего над ним, и вполне понятно, что нельзя перевести половину слова, тем более, что часто двухсложное или многосложное иностранное слово переводится односложным русским (например, *le maison*—дом, *der Garten*—сад). Так как односложные слова не переносятся, то, если перенести иностранное слово, перевод окажется лишь под одной его частью, что может ввести в заблуждение читателя.

Пример подстрочного набора:

<i>Au sommet</i>	<i>de la troisième</i>	<i>colline,</i>	<i>dans les bosquets</i>
На вершине	третьего	холма	в рощах
<i>d'ifs et d'aliziers</i>	<i>attendant à cette</i>	<i>mosquée</i>	
тиса и боярышника	возле	этой мечети	
<i>Suleïmanié,</i>	<i>que les turcs nomment</i>	<i>„la Splendeur</i>	
Сулеймана,	которую турки	называют	„Великолепие
<i>et la Joie“,</i>	<i>nous trouverons la tombe du sultan</i>		
и Радость“,	мы найдем	могилу	султана
<i>législateur,</i>	<i>meurtrier de ses fils.</i>	<i>Il faut donner</i>	
законодателя,	убийцы своих сыновей.	Надо дать	
<i>cinq piastres</i>	<i>au gardien pour entrer chez le magnifique</i>		
пять пиастров	сторожу,	чтобы войти	к великолепному
<i>seigneur.</i>	<i>Il n'est pas seul dans son large</i>		
государю.	Он не один	в своем обширном	
<i>kiosque de marbre rouge et blanc.</i>	<i>D'obscurs</i>		
павильоне из мрамора	красного и белого.	Безвестные	
<i>successeurs lui font</i>	<i>société et quelques</i>		
преемники ему	составляют	компанию	и несколько

Нотный набор. В технике наборного дела нотный набор занимает исключительное положение, и я не думаю, чтобы на тысячу наборчиков нашелся один, не только знающий технику нотного набора, но хотя бы знакомый с расположением нотной кассы, имеющей около 450 отделений. В типографской практике печатание нот с набора применяется исключительно редко. Большой частью ноты печатают литографским способом или с цинкографских клише. Оба эти

способа,— особенно первый,— значительно дешевле набора и совершенно гарантируют от опечаток. Поэтому с нотным набором знакомы лишь немногие отдельные наборщики — виртуозы техники. Работа эта чрезвычайно трудная и кропотливая, а еще труднее — правка корректуры. Изучение этой работы нельзя считать обязательным для наборщиков, и я не считаю нужным останавливаться на ней, так как в этом нет практической необходимости. Интересующиеся нотным набором могут найти ценные указания в „Справочной книжке наборщика“ А. М. Соколова,— насколько мне известно единственным новом руководстве, останавливающимся на этой детали наборного дела. Из старых руководств укажу на „Краткие сведения по типографскому делу“ П. Коломина, но этой книги давно уже нет в продаже и ее можно достать только в немногих библиотеках.

Машинный набор. Все, что говорится в настоящей главе о наборе, имеет в виду ручной набор, но изложенные выше правила применимы и к машинному набору. Однако, машины можно считать пригодными лишь для набора сплошного текста одним или, в крайнем случае, двумя шрифтами. Более сложный набор, — несколькими шрифтами, математический, сложные выводы, таблицы, — на наборных машинах уже выполнить нельзя. Правда, фабрики наборных машин, рекламируя свои изделия, демонстрируют целые картины, набранные на машинах, но это просто типографский фокус, не имеющий практического значения.

Наборные машины очень полезны и выгодны для газетного набора, при котором, главным образом, преследуются цели быстроты, а не изящества и правильности, и допускаются грубые нарушения требований типографской техники. Что же касается книжного дела, то практичность применения в нем наборных машин пока сомнительна, так как сложность правки корректуры не компенсируется быстротой набора: из-за одной ошибки, исправление которой в ручном наборе потребует только изменения разрядки, на машине

приходится перебирать (переливать) несколько строк. Да и самая быстрота машинного книжного набора, при котором уже необходимо считаться с правилами типографской техники, значительно ниже газетного набора на тех же машинах. Наконец, машинный набор не дает такого чистого оттиска, как ручной, а некоторые машины (например, Монолейн) и совсем непригодны для книжного дела, так как отлитые на них строки не держат линии. Таким образом, приходится констатировать, что при современном состоянии наборных машин настоящим художником книги все еще остается ручной наборщик, и только ручным набором можно сделать технически правильную и художественную книгу.

КНИЖНАЯ ВЕРСТКА

Исправленный после корректуры набор переходит в руки метранпажа. Чтобы метранпаж мог сверстать книгу правильно и красиво, надо, чтобы он получил правильно и красиво сделанный набор. Плохо дело, если ошибки набора,—неправильные переносы, неверные концевые строки, неверная выключка и закрючка строк,—замечаются только во время верстки. Все это должно быть замечено и исправлено раньше, в процессе работы наборщика и корректора. Нужно принять за правило, что во время верстки не должно быть никакой правки, кроме той, которая может потребоваться в самом процессе работы, когда, например, надо вогнуть или выгнуть полосу, обогнуть рисунки и т. п. К сожалению, это основное правило далеко не всегда выполняется, и нередко приходится слышать в ответ на указание о необходимости исправить ту или другую погрешность: „Это исправим в полосах“ или „сделаем при верстке“. Такое отношение к делу, во-первых, затрудняет и замедляет работу метранпажа, а, во-вторых, не всякую ошибку можно исправить в полосах без риска переверстки нескольких полос, а иногда и листов.

План верстки. Приступая к верстке, метранпаж должен иметь план работы. Плох тот метранпаж, который принимается за работу, не зная, сколько листов в книге, сколько глав, шмуц-титолов, рисунков и т. д. При такой системе,—вернее, бессистемности,—книга не может выйти в приличном виде. Если книга верстается без плана, то, случается, вдруг концевая полоса получается неправильной. Чтобы ее исправить, надо вернуться на несколько полос назад, а эти полосы оказываются на предыдущем листе, который уже спущен в машину и печатается.

Работа метранпажа в буквальном и в переносном смысле слова должна быть пунктуальна: в буквальном — потому, что весь материал должен быть высчитан точно, до одного типографского пункта, иначе не будет правильной приводки строк, в переносном — потому, что только самая щепетильная и точная аккуратность расчета гарантирует от ошибок и неприятных сюрпризов.

Перед версткой метранпаж должен внимательно ознакомиться с материалом, не полагаясь на те общие указания, которые, обыкновенно, даются при сдаче оригинала в набор: верстать вкруговую или каждую главу с новой страницы без пустых и т. д. Такие указания хорошему метранпажу, — художнику книги и типографскому технику, — ничего не дают, а иногда и мешают. Если метранпаж видит, что данные указания не соответствуют характеру книги, он должен против них возразить и предложить свою систему верстки, более, по его мнению, подходящую.

Расчет набора. Решив вопрос о системе верстки, — с шмуц-титулами или без них, где начинать новые главы, как верстать начальные полосы и пр., — метранпаж должен, если возможно, рассчитать текст до ближайшей концевой полосы, т. е., не приступая к верстке, знать, как придется ближайшая концевая полоса. Этот расчет, к сожалению, почти никогда не делается, и потому в большинстве случаев концевые полосы так безобразны: то полная, то вдруг останутся только 2 — 3 строки. А между тем, заранее рассчитав набор до первой концевой полосы, учтя разбивку заголовков, отступы, рисунки, метранпаж может распорядиться так, чтобы концевая полоса была совершенно правильной.

Титул и шмуц-титулы. О наборе титулов и шмуц-титулов я говорил в предыдущей главе о наборе, и метранпажу, в сущности, делать с ними нечего до спуска в машину. Ему только надо знать, сколько шмуц-титулов перед текстом, и как они расположены, чтобы знать, как вести пагинацию (счет страниц).

Шмуц-титул большей частью ставится после титула на нечетной странице, при чем оборот остается пустым, но это необязательно. Французские типографы, например, ставят шмуц-титул перед титулом на второй странице, оставляя первую пустой. Можно также, поставив шмуц-титул на третьей странице, повторить его на четвертой, чтобы не оставалось пустой полосы. Наконец, иногда шмуц-титул ставят на обороте титула. Вообще говоря, пустых полос следует избегать, ибо их изобилие только портит внешность книги. Пустые полосы допустимы только, как неизбежное зло, когда этого почему-нибудь нельзя избежать, или тогда, когда надо, в силу каких-нибудь соображений, увеличить число листов в книге, не прибавляя текста.

Колон-цифры. Пагинацию надо вести, начиная со страницы, на которой есть хоть одна строка набора. Если книга, как это иногда бывает, начинается чистой долей (пустая страница с пустым оборотом), то эта доля в счет страниц не входит, но дальше в счет идут все страницы подряд, начиная с первой, хотя бы и пустые, не исключая и тех, на которых есть текст, но почему-либо нет колон-цифр.

Колон-цифры не ставятся на пустых страницах, титуле, шмуц-титule, на страницах с посвящением и эпиграфом, если они не занимают полной полосы, на страницах, сплошь занятых рисунком, картой или диаграммой. Колон-цифры не ставятся также вверху на начальных полосах с отступом или хотя бы и без отступа, но если полоса начинается заставкой, и внизу — на неполных концевых полосах. Колон-цифры не ставятся также на отпечатанных отдельно и вклеиваемых страницах, и такие страницы в пагинацию не входят.

Спорным является вопрос о колон-цифрах на страницах, сплошь занятых таблицами. Мне кажется правильным — на странице, занятой продольной таблицей, ставить колон-цифру вверху, а внизу только в том случае, если таблица заключена в рамку. Что касается поперечных таблиц, то колон-цифры вверху или внизу, безразлично, ставятся только в том

случае, если таблица окаймлена рамкою по сторонам. Без рамки колон-цифры будут сливаться с цифрами набора.

Колон-цифры можно ставить вверх или вниз, посередине или по краям полосы, при чем в последнем случае четные колон-цифры ставятся с левой, а нечетные — с правой стороны полосы с отступом от формата на круглый или вплотную по формату. Для колон-цифр берутся шрифты кегля основного шрифта, но если верстка идет с колон-титулами и колон-цифры ставятся наверху, то для последних берется шрифт того кегля, каким набирается колон-титул. Однако, колон-цифра в одной строке с колон-титулом делает последний тяжелым, и если верстка идет с колон-титулами, то колон-цифры лучше ставить вниз. Вообще колон-цифры вниз предпочтительнее; наверху, чтобы закрыть страницу, можно ставить линейки или орнамент. Если колон-цифры ставятся посередине полосы, можно ставить их между тонкими линеечками или подбивать их тонкой линеечкой снизу. Ни в каком случае не следует, — хотя это иногда делается, — ставить колон-цифру в скобках. Скобки, как знак, имеют определенное грамматическое значение, и заключать в них колон-цифру — просто бессмыслица.

Для колон-цифр надо всегда брать арабские цифры. Совершенно неправильно, как это делают некоторые, на страницах с предисловием ставить римские цифры. К ним можно прибегать только в том случае, если предисловие печатается отдельно сборным листом. Тогда пагинация арабскими цифрами идет с первой страницы текста, а римскими — считая с титула. Смещение же на одном листе римских и арабских колон-цифр ведет к путанице сигнатуры и сбивает с толку брошюровщика.

Колон-титул. Колон-титул оправдывает себя только в том случае, если облегчает, при перелистывании книги, найти нужное место. Колон-титул безусловно необходим в справочных изданиях, в словарях, книгах, разбитых на главы или отделы, но нет никакого смысла проводить один колон-титул

Книжная верстка

Набор колон-цифр:

— 130 —

125

235

14

25

27

13

Набор колон-титолов:

Техника книги

ТЕХНИКА КНИГИ

ТЕХНИКА КНИГИ

Техника книги

Техника книги

20

ТЕХНИКА КНИГИ

через всю книгу. Точно так же, думаю, нет смысла повторять в колон-тителе фамилию автора, если его перу принадлежит вся книга. Правильно, когда колон-тител передает название содержащейся на данной странице статьи или главы, причем, если новая статья или глава начинаются с середины страницы, то на этой странице надо ставить новый колон-тител. На начальных полосах с отступом колон-тител не ставится. Колон-тител набирается капителью того же кегля, как и основной текст, или обыкновенными строчными мелкого кегля в разрядку. Капитель можно заменить прописной непарелью. Колон-тителы выключаются или в красную строку, или влево (на четных) и вправо (на нечетных страницах). Колон-тител не должен быть очень длинным, и так как он непременно должен поместиться в одной строке, то, если название, которое должно быть в колон-тителе, очень длинно, надо войти в соглашение с автором о его сокращении. Но сокращена должна быть фраза, т. е. уменьшено число слов, а не отдельные слова. Сокращенных слов в колон-тителе ставить нельзя.

При верстке словарей колон-тител ставится обязательно, при чем над левым столбцом ставится слово, которым начинается страница, а над правым — слово, которым страница кончается. Иногда эти два слова выключаются наверху страницы посредине формата и в таком случае разделяются знаком тире.

Колон-тител можно ставить между двумя тонкими или волнистыми линейками или отбивать его от текста одной тонкой или двойной линейкой. Наконец, можно совсем не ставить линеек, дав пробел между колон-тителом и текстом.

Если колон-тител выключается вправо и влево, то оставшийся пробел в той же строке можно заполнить линейками или украшениями, но тогда ни внизу, ни сверху колон-титела линейки не ставятся.

Если верстка идет без колон-тителов, то вверху каждой полосы, кроме начальной, можно ставить тонкую, двойную, рантовую или полутупую линейку или легкие украшения

из материала или стильного орнамента. Можно не доводить их до формата, оставив место для колон-цифры по бокам. Эти украшения придают полосе законченный вид.

Этим не исчерпываются все возможности украшения верхушки страницы. Они разнообразны, и изобретательности метранпажа здесь открывается широкое поле.

На странице 157 приводим несколько примеров набора колон-титолов, линеек и украшений сверху страницы.

Сигнатура и норма. Неприятной вещью в каждой книге являются сигнатура и норма. Для читателя они не нужны и непонятны. Их специальное назначение — облегчить переплетчику подборку листов для брошюровки и обеспечить его от возможности вложить в книгу лист другого издания. Преследуя такие специально технические цели, сигнатура и норма должны быть как можно незаметнее. Поэтому для них следует выбирать самый мелкий шрифт, не крупнее нонпарели. Сигнатура без нормы ставится внизу с правой стороны первой полосы каждого листа и повторяется со звездочкой на третьей полосе каждого листа также с правой стороны, в обоих случаях с отступом от формата. Если колон-цифры стоят внизу полосы, то сигнатура ставится с левой стороны.

Норма набирается на тот же кегель, как и сигнатура, и ставится внизу с левой стороны на первой полосе каждого листа. В таком случае сигнатура ставится рядом с нормой. Нет необходимости ставить в норме фамилию автора и полное название книги, как почти всегда делается. Достаточно поставить одну фамилию или сокращенное название, хотя бы даже одними начальными буквами, — лишь бы переплетчик понял и знал, к какой книге данный лист относится. Нет ничего безобразнее, когда норма растягивается на целую строку. И, ведь, это обезображение книги делается только для одного человека, который будет подбирать листы. Больше никому сигнатура и норма не нужны. Ясно, что практическое удобство одного человека нельзя оплачивать

такой дорогой ценой, как порча внешности всей книги. Вообще, если возможно, сигнатуру и норму лучше совсем не ставить.

После того, как метранпаж составил план верстки, рассчитал набор, приготовил колон-титулы, колон-цифры, линейки и украшения, нормы и сигнатуры, и выставил их около себя на уголке или гранке, он приступает к верстке.

Посвящение и эпиграф. Если в книге есть посвящение, то его следует ставить перед титулом, хотя почти всегда ставят его перед текстом. Первый способ правильнее, потому что посвящается весь труд, а потому и название его (титул) должно идти после посвящения. Исключение допускается лишь в том случае, если посвящение очень длинно — больше полосы.

Эпиграф, если он относится ко всей книге и занимает отдельную страницу, ставится после титула. Если эпиграф относится только к главе, отделу, статье, то он набирается и заверстывается непосредственно над текстом на той же странице, но если эпиграфы есть перед каждой главой или отделом, то их можно заверстывать на отдельных полосах и ставить в виде шмуц-титулов.

Начальная полоса. Традиция требует, чтобы оборот шмуц-титула оставался пустым и чтобы текст начинался непременно на правой нечетной странице. Точно так же, если основному тексту предшествует предисловие, и если оно кончается на нечетной странице, то следующая четная (оборот) оставляется пустой, и текст опять начинается на нечетной. Однако, в последнее время начинают отступать от этой традиции, и во многих книгах основной текст начинается на обороте шмуц-титула, т. е. на четной странице, прямо сверху полосы без отступа. Такая система верстки, несомненно, имеет хорошие стороны: отсутствуют пустые страницы, обилие которых едва ли способствует украшению книги, а это, в свою очередь, влечет за собой сокращение

расхода бумаги, иногда очень значительное, если в книге, например, 30—40 листов при большом тираже. Однако, начиная верстку текста на четной странице на обороте шмуц-титула, без отступа, следует вверху полосы ставить заставку. Желательно начинать первую строку инициалом, хотя бы даже просто жирной буквой шрифта крупного кегля. Следует оговориться, что при печати на плохой бумаге, если отпечатанный текст просвечивает, оборот шмуц-титула лучше оставлять пустым.

При верстке обычным порядком первая полоса начинается с отступом приблизительно на треть страницы, считая от верхней белой строки до первой строки текста. В этой верхней части страницы располагается заголовок. При отсутствии заголовков отступ можно уменьшить. Наоборот, если заголовков много, один над другим, то отступ надо увеличить, но во всяком случае текст должен начинаться непременно выше половины страницы.

Приводка. При верстке заголовков (а также встречающихся рисунков, таблиц, диаграмм и пр.) надо их тщательно привести, т. е. точно рассчитать, чтобы они вместе с пробелами занимали точное число строк основного текста. Таким образом, если набор идет корпусом через двухпунктовый шпон, заголовки с пробелами должны рассчитываться по 12 пунктам, т. е. должны занимать место 12 пунктов, 24, 36, 48 и т. д., потому что при несоблюдении этого правила приводка не будет достигнута, и при печати наоборот строки не будут совпадать со строками полос, отпечатанных набело.

Точность приводки — необходимое условие правильной верстки. Поэтому никогда не следует допускать применяемый некоторыми метранпажами прием увеличения пробелов между абзацами, чтобы выровнять полосу. Полоса выравнивается другими способами, — вгонкой и разгонкой строк, но число строк на полных полосах всегда должно быть одинаково, как должны быть одинаковы и все пробелы между строками. Увеличение пробелов между абзацами нарушает приводку,

строки оборота не совпадают, а это, в свою очередь, мешает правильной брошюровке, потому что отпечатанные листы должны фальцоваться таким образом, чтобы каждая строка четной полосы падала на соответствующую строку нечетной.

Переносы. При верстке надо внимательно следить за переносами. Не допускаются переносы слов с одной страницы на другую, а также в первой верхней строке. Желательно, чтобы не было переносов и в первой строке абзаца. Не следует оставлять в конце нижней строки предлоги, союзы и односложные местоимения. Этого всегда можно избежать, вогнав или разогнав предыдущие или следующие строки, а между тем очень некрасиво, если нижняя строка на странице заканчивается, например, местоимением **я** или союзом **но**, особенно после точки.

Внизу полосы не оставляется одна строка, начинающаяся с абзаца, и равным образом не переносится на следующую страницу одна концевая строка (висячая) хотя бы и полная. Я даже считаю, что правильно сверстанная полоса должна иметь сверху до первого абзаца, по крайней мере, две полные строки. Если набор идет с боковыми заголовками в тексте („фонарики“), то под заголовком внизу полосы должно быть не менее двух строк.

Верстка с боковыми заголовками (в тексте или на полях) представляет много затруднений, когда заголовок приходится внизу полосы и либо не помещается полностью, либо под ним не помещаются две строки текста. Если нельзя вогнать две предыдущие концевые строки, то надо перенести весь заголовок с прилегающим к нему текстом на следующую страницу. Получившуюся вследствие этого неправильную полосу не следует разбивать увеличением пробелов между абзацами или, тем менее, при наборе через двухпунктовый шпон, разбивать строки через три пункта. В таких случаях надо или разогнать полные концевые строки, или сделать два, три абзаца, что почти всегда возможно. Указать, где сделать абзац — дело редактора или выпускающего.

Если часть текста отделяется звездочками *.* и последние оказываются на переносе, то они ставятся внизу полосы, после текста, предшествующего звездочкам, а не наверху следующей полосы. Это понятно: звездочки в данном случае заменяют концовку или концевую линейку, а последние, ведь, не ставятся вверху полосы. Только в том случае, если звездочки заменяют заголовок (например, в стихах), они ставятся вверху полосы.

Концевая полоса. Концевая полоса, чтобы считаться совершенно правильной, должна оканчиваться на таком расстоянии от верхней белой строки, какое взято для отступа на начальной полосе. Но достигнуть этого можно очень редко. Поэтому, концевую полосу можно считать правильной, если на нее переходит 6—8 строк. Если на концевую полосу переходит меньше шести строк, то их надо вогнуть в предыдущие полосы или разогнать предыдущие полные концевые строки, чтобы прибавилось число строк на концевой полосе. Полная концевая полоса также нежелательна; в ней должно быть, по крайней мере, на 6—8 строк меньше формата. Само собою разумеется, что ни в каком случае нельзя допустить, чтобы концевая полоса, — как и вообще всякая другая полоса, — была на одну, две строки длиннее формата. К сожалению, такую „передержку“ метранпажи иногда делают, а корректора... не замечают. Равным образом нельзя выпускать за формат концовку. Вот почему важно, как сказано выше, заранее рассчитать набор до ближайшей концевой полосы во избежание таких неприятных сюрпризов.

Оригинальный вид имеет концевая полоса треугольником. Можно спорить, насколько такая полоса целесообразна, но нельзя не признать, что она оживляет внешность книги. Набор перебирается треугольником, по возможности, с последнего абзаца, при чем в первой строке делается отступ справа, равный отступу абзаца, и затем каждая следующая строка укорачивается с обеих сторон на такой же пробел.

Таким образом, если набор идет с отступом в абзаце на круглый, то первая строка выключается с отступом на круглый с обеих сторон, вторая — на два круглых, третья — на три и т. д.: каждая следующая строка — на круглый короче предыдущей с каждой стороны. Во всем „треугольнике“ не должно быть ни одного абзаца и все отступы должны один за другим равномерно увеличиваться.

Отступы. Очень некрасиво, когда текст, набранный с отступом (втяжка) против формата, переходит на другую страницу, особенно если переход небольшой: две, три строки. В таком случае эти строки производят впечатление неправильно выключенных. Этого следует избегать, хотя, понятно, этого не всегда можно добиться. Точно так же некрасиво, если целая страница или несколько страниц подряд идут с отступом. При верстке от этого уже спастись нельзя, — тут ничего не поделаешь, — но при сдаче оригинала в набор, если встречается много длинных периодов с отступом, лучше намечать эти места к набору шрифтом более мелкого кегля (петитом при наборе основного текста корпусом), но на полный формат без отступа.

Концовки. Ставить или не ставить на концевой полосе концовки? Это — дело вкуса. При короткой концевой полосе концовка очень уместна, хотя бы в виде тонкой линейки, но при длинной концевой полосе она мешает. Так или иначе, но, во всяком случае, все концевые полосы должны верстаться одинаково: или с концовками, или без концовок. Все концовки должны отстоять от последней строки текста на одинаковом расстоянии.

Примечания. Много затруднений при верстке доставляют подстрочные примечания, и часто приходится встречать их неправильную расстановку. Примечание всегда должно стоять или хотя бы начинаться на той же странице, на которой стоит относящийся к нему знак выноски, и такой же знак

Концевая полоса треугольником:

Особенно важное значение приобрела рабочая кооперация с весны 1924 года, в связи с реформой нашего денежного обращения. Перевод ставок заработной платы на червонное исчисление поставил заработную плату в тесную зависимость от колебаний рыночных цен; в отличие от того периода, когда система „товарного рубля“ более или менее предохраняла реальную заработную плату от понижения, в настоящее время всякий рост дороговизны крайне болезненно отражается на материальном положении рабочих. Поэтому, как в интересах кооперированных рабочих, так и в интересах успеха денежной реформы, рабочая кооперация должна была принять все меры для борьбы с стремлениями частных торговцев взвинчивать рыночные цены. Эту задачу рабочая кооперация разрешила, опираясь на свою хозяйственную мощь и на поддержку профессионального рабочего движения.

должен стоять в абзаце примечания. Строка, в которой имеется знак выноски, по возможности, не должна быть последней в полосе, т. е. подстрочное примечание не должно стоять непосредственно под строкой с выноской.

Подстрочное примечание отделяется от текста небольшой тонкой линейкой приблизительно на одну пятую ширины формата. Некоторые типографы отделяют примечание от текста пробелом или сплошной линейкой.

Ширина пробела, отделяющего примечание от текста,— с линейкой или без линейки, безразлично,— не может быть определенной постоянной величиной. Правило определения пробелов сводится все к тому же основному правилу верстки — приводке, и его можно формулировать так: число строк примечания, набранного мелким шрифтом, вместе с пробелом должно равняться полному числу строк основного текста.

Поясню примером. Набор текста идет корпусом через двухпунктовый шпон, в примечании одна строка. Строка петита держит на кегель 8 пунктов; закладываем над ней двухпунктовый шпон и ставим тонкую двухпунктовую линейку. Получаем 12 пунктов. Приводка соблюдена правильно. Если примечание заверстывается без линейки, то закладываем над ним четыре пункта, и получаем те же 12 пунктов, но пробел между текстом и строкой петита равняется уже непарели, так как два пункта занимает шпон, заложенный после последней строки корпуса.

Другой пример. Набор идет теми же шрифтами, примечание занимает пять строк, т. е. 40 пунктов и четыре шпона между ними—8 пунктов,—всего 48 пунктов. Если верстка идет без линейки, то можно ограничиться двухпунктовым пробелом после корпусной строки. Если же надо поставить линейку, то прибавляется еще два пункта, и нам надо выровнять полосу на 10 пунктов. Их можно распределить так: между примечанием и линейкой закладывают четыре пункта и над линейкой—шесть пунктов. Таким образом, пробел между текстом и линейкой в данном случае составит уже восемь пунктов, т. е. строку петита. Исходя из этого расчета,

и устанавливается норма пробелов, при чем, если нужно увеличить разбивку, пробел делается шире между текстом и линейкой и уже между линейкой и примечанием.

Длинные примечания, не помещающиеся целиком на той странице, на которой стоит знак выноски, переносятся на следующую полосу и опять отделяются от текста тонкой линейкой или пробелом. Если на следующей странице опять встречается новое примечание, то оно заверстывается под тем, которое перешло с предыдущей страницы. Очень длинные примечания могут быть разверстаны на несколько полос, но при условии, чтобы на каждую полосу переходило одинаковое количество строк.

Различно решается вопрос, как заверстывать очень длинные подстрочные примечания, если знак выноски стоит в первых строках полосы. Некоторые типографы полагают, что достаточно оставить в начале полосы две строки основного текста, после которых подверстывают примечание, перенося конец его,— если оно не помещается целиком,— на следующую или на следующие страницы. Мне кажется, такой способ верстки нельзя одобрить, особенно если примечание переходит на другую страницу. В этом случае, если примечание нельзя выровнять, получаются некрасивые уступы из комбинации шрифтов разного кегля (особенно на смежных полосах на развороте). Если же оно выравнивается, то получаются курьезные страницы, на которых торчат по две строки основного текста. Целесообразнее начинать подстрочные примечания не выше середины страницы, хотя бы их и пришлось разверстывать на несколько полос. Как исключение, может встретиться случай, когда после длинного примечания, не помещающегося на полосе, на той же странице текста есть второй знак выноски. Тут положение получается безвыходное, потому что нельзя второе примечание заверстать в середине первого, переходящего на следующую полосу. Такие случаи надо предусмотреть заранее и войти в соглашение с автором, указав ему на полную невозможность исполнить указанное в оригинале. Вообще же необходимо сказать, что

подстрочные примечания неизбежно портят внешность книги и как их ни разверстывать, книга красивее не будет.

Подстрочные примечания на неполной концевой полосе подверстываются не внизу полосы, а непосредственно под концевой строкой. Нет оснований делать исключение из этого правила, если на концевой полосе стоит концовка или концевая линейка.

Рисунки. Рисунки, встречающиеся в тексте, заверстываются различными способами. Если клише уже формата менее, чем на один квадрат, то такой рисунок выключают посередине, оставляя больше места для текста внизу полосы и меньше сверху. Текст в этом случае переходит через рисунок. Желательно заверстывать рисунок после концевой строки, но если этого нельзя добиться, то он ставится во всяком случае после строки без переноса. Текст до и после рисунка надо рассматривать, с точки зрения верстки, как самостоятельные полосы, т. е. нельзя оставить над рисунком одну начальную строку или под рисунком — одну концевую строку, хотя бы и полную.

Если, кроме рисунка, на странице может поместиться только три, четыре строки текста, то лучше текста совсем не ставить, а отвести полосу под рисунок целиком. Рисунок, не помещающийся поперек формата, ставят вдоль полосы, при чем верх его должен стоять всегда к корешку книги, а надпись под ним — к внешнему полю страницы. Рисунок, поставленный боком, может стоять лишь на полосе без текста. Рисунки уже формата более, чем на один квадрат, ставятся с левой стороны на четных страницах и с правой — на нечетных вплотную к краю формата и обираются в корешок. Сверху и по сторонам клише закладывается пробел, равный кеглю основного шрифта. О способах оборки рисунков я уже говорил в главе о наборе.

Подписи под рисунками набираются обыкновенным шрифтом более мелкого кегля, чем текст, и указанный выше пробел закладывается под нижней строкой подписи. Если

нет обязательных указаний, в каком месте должен быть поставлен данный рисунок, то рисунки предпочтительнее ставить на нечетных страницах, открывающихся в неразрезанной книге, т. е. при формате в восьмую долю листа надо заверстывать рисунки на страницах 9, 17, 25, 33 и т. д.

Таблицы. Продольные таблицы, если они уже формата, выключаются, обыкновенно, посредине полосы, но, в сущности говоря, небольшие таблицы можно выключать и к краю полосы, обирая их текстом с той или другой стороны и располагая их так же, как указано относительно рисунков. Правда, так не делается, но нет решительно никаких оснований утверждать, что так нельзя делать. Между тем в специальных изданиях, изобилующих таблицами, такая система постановки таблиц может дать большую экономию места, а, следовательно, и бумаги.

При переходе текста через таблицу соблюдаются те же правила, что и при верстке текста с рисунками. Таблица, обираемая текстом, должна быть заключена в рамку.

Поперечные таблицы ставятся заголовком к корешку, но если две поперечные таблицы стоят на двух смежных полосах (например, 14 и 15), то правильнее ставить их заголовками в одну сторону: на четной странице — заголовком к внешнему полю, а на нечетной — в корешок (способ П. Коломнаина). Таким образом, читатель, повернув книгу, видит сразу две таблицы, и ему не нужно переворачивать ее еще раз. Это удобство особенно важно, если смежные таблицы приходится сравнивать. Поэтому такой способ постановки смежных поперечных таблиц, — почти никогда не применяемый, — можно усердно рекомендовать, как очень практичный и удобный.

Поперечные распашные таблицы ставятся заголовком к внешнему полю четной полосы.

Верстка текста с таблицами — одна из наиболее трудных задач в сложном процессе производства книги. Нередко оказывается, что совершенно правильно сделанную таблицу

Оборка таблицы:

На VIII съезде советов в конце 1920 г. вопрос о сельском хозяйстве и роли государственной власти в налаживании его был поставлен во всей широте. Прежде всего, был принят закон о необходимости планового засева полей, расширения площади запашки, улучшения обработки земли. Для этого повсеместно образованы были посевкомы, в состав которых входили председатели исполкомов и заведующие земельными и продовольственными отделениями. Посевкомы должны были организовываться при губернских, уездных и волостных исполкомах, а одновременно с ними в селах — селькомы, избираемые сельскими обществами в числе 5—15 человек местных крестьян. И селькомы, и посевкомы должны были заниматься исключительно вопросами восстановления сельского хозяйства, делая доклады на собраниях крестьян и съездах, вовлекая в работу и заинтересовывая возможно больше крестьян, доказывая им, в первую очередь, необходимость расширения посевной площади, принимая меры по борьбе с недосевом. В связи с этим, наряду с агитацией, посевкомы должны были заботиться о заготовке семян, об обеспечении крестьян необходимым инвентарем и т. д. Закон „о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства“ намечает целый ряд практических указаний для посевкомов и исполкомов по укреплению хозяйства. Но для нас не столько важно подробно рассматривать эти мероприятия, сколько подчеркнуть основную мысль и сущность всей политики по земельному вопросу за этот период.

Основная мысль сводилась к тому, что государство считает необходимым вмешаться в самую

Табл. № 16

Годы	Площадь обработанной земли в Европейской России	Процентное отношение к 1913 г.
1913	49,4	100,0
1916	45,9	92,9
1920	30,5	61,7

Полоса в рамке:

ПАРТСЪЕЗД

Чумазые (сыны чумазых),
Станковые (сыны станков),
Несем мы в жизнь десятки разных
Невиданных, чумазых слов.

Их корень в наше сердце вкован
(А корни сердца — в РКП),
Они пришли к нам с миром новым,
Рождающимся
 В борьбе.

Для нас теперь понятней всех пословиц:
„Эмка не выдаст, учраспред не съест“.
Миры живут в словах — „рабфак“,
А мир миров [„свердловец“
 Есть в слове —
 „Партсъезд“.

Свердлорабфачье общежитье.
Громоподобны голоса.
Народищу — что зерен в жите:
Все комнарод или комса.

Что речь — снаряд, что слово — порох,
Стреляют пачками гурьбой.
Где спорят двое — там три спора,
Где лишь один — там „спор с собой“.

Мир — за окном, раскрытым настезь,
Мир занят маем и весной,
А здесь бузилы разной масти
Кипят предсъездовской войной.

(Но все-таки весну не сгладишь...
Бывает: вздрогнет разговор,
И вздрогнет мысль при быстром взгляде
На зеленью расцветший двор...)

невозможно поставить на предназначенном для нее месте. Понятно, таблицы нельзя произвольно переставлять с места на место, как иногда любят делать метранпажи. Приходится изыскивать другие способы. Прежде всего, если таблица не помещается на странице, надо рассчитать, можно ли ее сжать, вынув шпоны, сократив слова в боковой графе и тем самым уменьшив количество строк, перебрав заголовки граф более мелким шрифтом, превратив вертикальные заголовки в горизонтальные и т. п. Большею частью этим способом удается добиться нужных результатов. Если же все эти приемы не помогают, приходится таблицу ломать, перенося ее конец на следующую страницу и повторяя все заголовки, как это указано в главе о наборе. Но бывают такие случаи, когда таблица приходится так неудачно, что внизу полосы может поместиться только ее заголовок. Тогда всю таблицу надо перенести на следующую страницу, а остающееся пустым место надо заполнить текстом, выгнав несколько строк на предыдущих полосах. Это очень трудная работа, но неизбежная, если автор или редактор не укажут, куда можно перенести таблицу, не искажая смысла.

Внизу полосы нельзя оставлять строку, заканчивающуюся двоеточием, после которого следуют таблица или вывод, переходящие на другую страницу.

Верстка в рамке. Верстка в рамке применяется редко, а в последние годы этот прием почти вышел из употребления. Почему-то раньше в рамки заключались страницы так называемых „роскошных“ изданий. О вкусах, конечно, не спорят, но мне кажется, что рамка особенной красоты странице не придает. Правильно набранная и правильно сверстанная страница в естественной рамке белых полей несколько не хуже, чем страница, окаймленная рамкой из линеек, — а, может быть, и лучше. Для рамок применяются тонкие или узорные линейки с фигурными уголками. Рамка отделяется от текста пробелами, при чем верхний и нижний пробелы должны быть шире боковых. Верхний пробел

должен быть равен нижнему, а боковые равны между собой. Впрочем, при верстке стихов эту пропорцию не всегда можно сохранить. На полосах в рамке колон-цифры ставятся внизу внутри рамки или под рамкой. Иногда нижнюю строку рамки посередине разрывают и колон-цифру ставят в пробеле между концами линеек. Колон-тителы на полосах в рамках не ставятся, а сигнатура и норма ставятся на обычных местах под рамкой. Подстрочные примечания заверстываются всегда внутри рамки. На странице 171 дан пример полосы стихотворения в рамке.

Боковые выноски. Боковые выноски (заголовки) ставятся всегда на внешнем поле страницы, т. е. на четной — слева и на нечетной — справа, набираются шрифтом мельче основного текста, лучше обыкновенным, чем жирным, и выравниваются по нижней линии прилегающих строк (см. стр. 175). Боковые выноски, в сущности, очень некрасивы и, выходя за формат, портят ровную вертикальную линию страницы.

Двухстолбцовая верстка. Верстка двухстолбцовых изданий имеет некоторые особенности сравнительно с обыкновенной. Если верстка идет с колон-тителами, то последние ставятся над обоими столбцами только в том случае, если колон-тител идет общий для всей книги или если верстаются длинные статьи и отделы. В противном случае колон-тител или вовсе не ставится или ставится отдельно над каждым столбцом. В словарях колон-тител ставится обязательно, при чем над левым столбцом в колон-тителе ставится первое, а над правым столбцом последнее слово, которым начинается и кончается столбец. При верстке с колон-тителами колон-цифры ставятся посередине формата внизу, но можно вести пагинацию и по столбцам, и в таком случае колон-цифры ставят над или под каждым столбцом, рассматривая каждый столбец, как отдельную страницу. Но если пагинация идет по столбцам, а не по страницам, то тител, шмуц-тителы и пустые полосы в счет столбцов не

входят, и пагинация начинается непосредственно с первого столбца текста колон-цифрой „1“.

Если в двухстолбцовом издании идут длинные статьи или отделы под самостоятельными заголовками, то последние можно ставить над обоими столбцами, но так, чтобы заголовок был несколько уже формата всей страницы. Так как в два столбца верстаются, обыкновенно, компактные издания, преследующие цели выигрыша места, т. е. экономию бумаги, то верстка идет круговая, и новую статью или новый отдел нужно начинать на той же полосе, где кончаются предыдущие отдел или статья. Отступ делается только на первой полосе, хотя даже и здесь необязателен. Конец статьи или отдела разверстывается на два столбца по одинаковому количеству строк в каждом столбце, и под ними можно ставить общую концовку или линейку, выключенную посредине формата полосы. Точно так же верстается и концевая полоса. Если приходится делить нечетное количество строк, то в разделяемом тексте надо непременно выгнать лишнюю строку, чтобы получить четное число строк. При узком формате, каким, обыкновенно, набираются двухстолбцовые издания, это всегда возможно.

Строки смежных столбцов должны быть точно приведены одна против другой, и число строк в каждом столбце должно быть совершенно одинаково. В отношении начальных и концевых строк каждый столбец рассматривается, как самостоятельная полоса, т. е. нельзя кончать столбец начальной строкой (с абзацем) или начинать столбец концевой. Подстрочные примечания подверстываются под тем столбцом, в котором стоит знак выноски. Если примечание не помещается целиком в одном столбце, то оно переносится в следующий столбец или в следующие столбцы по одинаковому количеству строк. Вообще при верстке примечаний в отношении каждого столбца применяются те же правила, что и при верстке отдельных страниц. Столбцы разделяются тонкой линейкой, которая идет от верхней до нижней строки, равняясь по нижней линии последней.

Полоса с боковыми заголовками:

В комиссии по просвещению делегат Вальян Просвещение. создал комиссию, которой поручено было организовать низшее и профессиональное образование. Подумывали о реорганизации национальной библиотеки и об открытии музеев. Делегация не дала торжественного изложения принципов в области просвещения.

И, конечно, не этот пробел привел к поражению Коммуны. Но наряду с слабыми сторонами теории и практики были крупные неуспехи в существенных пунктах. Охрана всеобщей безопасности неспособна была вырвать с корнем внутреннего врага; делегация для внешних сношений не сумела поднять Францию против Версаля; для защиты изолированной Коммуны военной делегации не удавалось прочно организовать военный фронт, последнюю надежду Революции.

Задача всеобщей безопасности была чрезвычайно трудна. С этой Коммуной, влюбленной в принципы и благоговеющей перед индивидуальной свободой, невозможно было играть роль полицейского.

В самом деле, надо было терроризировать предателей, которые кишели в атакованном городе, не посягая на их неотъемлемые права.

Один молодой фанатик был как бы предназначен для этой задачи. Ибо, если Люлье был при империи „шпагой Революции“, Риго считался полицейским Республики, „тонкой ищейкой, основательно знающей персонал Иерусалимской улицы“. Это он в республиканской пивной на улице Сен-Северн выслеживал шпионов и руководил их торжественным изгнанием. Лишь только возникла Республика, после 4 сентября, Риго был призван в префектуру полиции; выйдя в отставку 31 октября, он вернулся с основанием Коммуны в качестве заместителя Дюваля, затем один, после смерти Дюваля. Между Риго и полицейскими империи существовало в некотором роде профессиональное соперничество; вступая в префектуру полиции, Риго думал, главным

Если столбцы прерываются заголовком, таблицей или же рисунком, то вместе с ними прерывается и линейка, оканчиваясь на уровне нижней строки и начинаясь после перерыва текста. Вместо линейки можно просто закладывать между столбцами пробел от 6 до 12 пунктов, учитывая ширину формата и кегель шрифта.

Двухстолбцовый текст набирается, обыкновенно, на узкий формат не шире $3\frac{1}{2}$ —4 квадратов. Поэтому при изготовлении клише рисунков для таких изданий нужно заранее иметь в виду затруднения, которые могут возникнуть при верстке. Лучше всего, если рисунки подогнаны так, чтобы их можно было ставить в один столбец без оборки или в ширину двух столбцов на весь формат страницы. Рисунок, занимающий ширину столбца, ставится среди текста, с соответствующим пробелом сверху и снизу, и текст переходит под рисунок. Если же рисунок уже столбца и размер его допускает оборку, то он выключается в сторону ближайшего поля, т. е. на левом столбце влево, а на правом — вправо, но не в сторону линейки, разделяющей столбцы. Если рисунок шире столбца, но недостаточно широк, чтобы его можно было выключить посередине формата всей страницы, так как останутся слишком широкие пробелы по бокам, то он ставится так, чтобы большая его часть приходилась под тем столбцом, к которому рисунок относится, а меньшая, прерывая линейку, выходит в смежный столбец и здесь обирается. Наконец, последний случай, когда рисунок занимает ширину всей страницы или достаточно широк, чтобы его можно было выключить посередине формата полосы с небольшими пробелами с обеих сторон: в таком случае текст левого столбца доходит до рисунка, переходит через него в том же столбце, поднимается на правый столбец и опять после этого спускается вниз, прерываясь рисунком.

В отношении таблиц двухстолбцовый набор и верстка также имеют некоторые особенности. Если продольная таблица помещается в формате столбца, то она так и завершается. В противном случае надо попытаться превратить

ее в поперечную, при чем столбец рассматривается, как самостоятельная полоса, и таблица ставится заголовком к линейке, разделяющей столбцы. Если поперечная таблица не помещается в длину, т. е. хвост ее заходит в соседний столбец, то приходится ставить ее, как распашную продольную таблицу на оба столбца, с той, конечно, разницей, что в этом случае средника делать не надо. Переход текста через таблицы делается так же, как и через рисунки, и я не вижу никаких оснований для возражений против того, чтобы помещающуюся по формату столбца таблицу, продольную или поперечную, выпустить в соседний столбец и там обработать. Единственный аргумент, который могут выдвинуть против этого способа: „Так не делается“. Но это еще не значит, что так нельзя делать. Вообще, не следует смешивать правила типографского искусства с типографской рутинной. Первые выработаны опытом десятков и сотен лет и преследуют цели красоты и изящества книги, вторая тяжелым грузом висит на полиграфическом производстве и мешает его развитию и совершенствованию.

Параллельные тексты. Иногда надо заверстать два параллельных текста, приводимых для сравнения, или когда один текст является переводом другого. Такие параллельные тексты для удобства сравнения верстаются в два столбца параллельно с таким расчетом, чтобы первые строки каждого абзаца параллельных текстов были точно приведены одна против другой. Почти всегда оказывается, что число строк в абзацах параллельных текстов не совпадает. В таком случае после более короткого текста закладывается материал и опять приводятся одна против другой первые строки следующих абзацев. Если точно выясняется, что один из текстов определенно и равномерно (по абзацам) короче другого, то короткий текст набирают на более узкий формат, и этим достигается более точное совпадение текстов без лишних пустых мест. При верстке параллельных текстов не следует допускать переход текста одного абзаца

на другую полосу в то время, как другой остается целиком на предыдущей странице. Два абзаца параллельных текстов должны заканчиваться на одной странице, хотя бы ценою неправильных пробелов между ними.

При верстке подстрочного набора нельзя переносить на другую полосу перевод предыдущей строки.

Верстка стихов. Стихи, если из них состоит вся книга и если не преследуется цель компактности издания и удешевления расходов на бумагу, верстаются, обыкновенно, так, что каждое стихотворение начинается с новой страницы. При этом приемы отступа вверху страницы бывают различны. Можно делать одинаковый отступ на всех полосах, приблизительно на треть или четверть страницы, верстают даже с отступом на полстраницы, но в таком случае рекомендуется ставить вверху полосы колон-титул, линейку или какое-нибудь украшение. Если книга состоит из коротких стихотворений, то можно каждое стихотворение заканчивать внизу полосы вплотную по формату. Разумеется, отступы сверху будут тогда неодинаковы. При оригинальных форматах такая верстка довольно красива.

Еще сравнительно недавно при верстке стихотворений считалось недопустимым „ломать рифму“, т. е. переносить на другую страницу строку, рифма к которой остается на предыдущей полосе. Теперь этого правила придерживаются не очень строго, хотя оно имеет достаточно серьезные основания с точки зрения как технической, так и литературной. Я думаю, что в длинных стихотворениях ломка рифмы в отдельных случаях допустима, в коротких же ее следует избегать, как и вообще, по возможности, надо избегать ломки строф. Гораздо красивее, если строфа кончается внизу полосы и следующая начинается наверху. На концевую полосу, во всяком случае, не следует допускать переход неполной строфы, если стихотворение разбито на строфы, или менее четырех рифмованных строк, если стихотворение не разделено на строфы.

Верстка параллельных текстов:

Производительные силы.	Хозяйственный строй.
1. Всекие орудия и инструменты отсутствуют. Человек добывает себе все необходимое только при помощи своих органов.	Первобытный родовой коммунизм. Частной собственности нет. Люди живут небольшими самостоятельными группами, не имеющими связей друг с другом. Разделения труда нет. Все делают одну и ту же работу сообща.
2. Человек приручает животных, и скотоводство становится главным источником существования.	Патриархальная родовая община. Размеры общественных групп расширились. Появляется обмен между общинами и общинная собственность. Образ жизни кочевой.
3. Земледелие становится основным источником существования, скотоводство — побочным.	Феодальная община. Размеры групп сильно расширились. Общинная собственность отчасти сохранилась, но наряду с ней появляется семейная собственность и начинает зарождаться частная. Обмен между общинами принимает правильные формы и расширяется.
4. Небольшие ручные станки (прялка, ткацкий станок) и небольшие предприятия (кузница, мельница, пекарня).	Ремесленный строй. Частная собственность широко развилась. Торговля пускает глубокие корни, и выделяется специальный класс купцов. Организация производства похожа на артель наших кустарей. Рост городов.
5. Механические станки, приводимые в движение паром.	Капиталистический строй. Наемный труд. Создание огромных современных государств с их колониями.

Верстка стихов представляет большие трудности потому, что в этом случае нельзя регулировать страницу разгонкой или вгонкой строк, как это практикуется при верстке прозы. Количество строф в стихах нельзя ни уменьшить, ни увеличить. Приходится поэтому, чтобы выровнять полосу или избежать неправильного переноса, комбинировать разбивку пробелов между строфами. Как правило, эти пробелы должны равняться определенному числу кеглей основного шрифта, т. е. при наборе корпусом через двухпунктовый шпон должны составлять 12 или 24 пункта, редко больше. Но, если в полосе остается лишняя строка и ее никак нельзя перенести на следующую страницу, приходится поступиться правильностью разбивки; равномерно уменьшая каждый пробел. Если, наоборот, на полосе не хватает одной строки, приходится соответственно увеличить пробелы. Хуже, если стихотворение не разбито на строфы. В этом случае приходится делать разбивку между строками, стараясь разделить их на группы, связанные логически, придавая им характер строф.

Специальные издания. Верстка специальных изданий, с математическим набором или многочисленными чертежами, таблицами, диаграммами (как, например, учебники) часто требует отступления от общепринятых правил, чтобы сохранить правильность какой-либо формулы или добиться постановки диаграммы, чертежа, таблицы и пр. на определенном месте. Например, математическую формулу, хотя бы и перенесенную в следующую строку, нельзя разделить, оставив первую строку на одной странице, а вторую перенести на другую. Такую формулу непременно надо поместить целиком на одной странице, соответственно увеличив или уменьшив разбивку между строками. Точно так же никогда не разделяются многоэтажные формулы. В этих случаях приходится сознательно поступаться правильностью разбивки, потому что главной задачей тут является забота о том, чтобы не была искажена формула. Если встречается целый ряд длинных и сложных формул, которые, по мнению автора,

должны быть непременно помещены на одной странице, в определенном месте, и если этого никакими способами нельзя добиться (например, формулы занимают больше места, чем имеется на странице), то такие страницы сверстываются отдельно, печатаются отдельной формой и затем вклеиваются на определенном месте. В этом случае в тексте делается соответствующая ссылка, чтобы читатель сразу мог найти страницу с нужными формулами и вычислениями.

Драматические произведения. Верстка драматических произведений мало чем отличается от верстки обыкновенного сплошного текста, но некоторые особенности все-таки имеются. Так, например, если имена персонажей (действующих лиц) выключены в красную строку, то нельзя оставить в конце полосы имя персонажа, а его слова перенести на следующую страницу. Точно так же не допускается переход на другую полосу ремарки, относящейся к словам действующего лица, если они закончились в конце предыдущей страницы. Каждая полоса непременно должна начинаться основным текстом с именем или без имени действующего лица, но ни в каком случае не ремаркой. На концевую полосу не должна переходить одна ремарка без основного текста. Исключения допускаются в тех редких случаях, когда заключительная ремарка очень длинна и включает в себе 20—30 и даже более строк.

Последняя полоса. Желательно, чтобы последняя полоса текста заканчивалась на четной странице. На смежной нечетной начинается содержание. Если текст кончился на нечетной странице, то оборот лучше оставлять пустым и содержание завершивать на следующей нечетной. Однако, если содержание короткое и занимает не более одной страницы, я советовал бы ставить содержание на обороте последней полосы текста, оставляя две страницы пустыми в виде форзаца. Конечно, если пустых долей вообще не остается, об этом не может быть речи.

Формы для нескольких красок. В несколько красок текст печатается теперь редко. Но в так называемых „роскошных“ изданиях текст иногда печатается черной краской, но в цветной рамке. К этому же способу прибегают иногда при печатании рекламных каталогов и прейс-курантов, выходящих в две и даже три краски. Понятно, что в таком случае для каждой краски делается отдельная форма, и все формы должны быть точно приведены между собой.

* * *

В руках метранпажа — окончательная отделка книги, потому что плохо и неумело сверстанную книгу не спасет уже никакая художественная печать. Как бы ни старался печатник с приправкой, на какой бы роскошной бумаге ее ни печатали, плохо сверстанная книга остается испорченной, и мы знаем немало „роскошных“ изданий довоенного времени, в которых действительно роскошного только и есть, что бумага да печать. Но ни та, ни другая еще не делают книги. Наоборот, даже на бумаге среднего качества, с печатью краской невысокого сорта, можно выпустить красивое и изящное издание. Поэтому метранпаж должен помнить, что его ошибки непоправимы. Прежде, чем выбрать способ разрешения затруднительного случая, метранпаж должен тщательно обдумать, какой из способов лучший, и представить себе, какой вид данное место будет иметь в отпечатанной книге. Практический опыт, знание и художественное чутье должны подсказать метранпажу, как поступить в случаях, не предусмотренных никакими правилами, руководствами или пособиями.

Спускание полос. Спускание полос, в сущности, не относится к верстке, и скорее входит в обязанность печатника, чем метранпажа. Но я думаю, что не только печатники и метранпажи, но и наборщики, корректора и выпускающие должны знать спуски разных форматов. Поэтому привожу ниже спуски некоторых форматов.

Книжная верстка

Спуск листа в $\frac{1}{6}$ долю:

3	10	9	4
9	7	8	5
1	12	11	2

При фальцовке при первом сгибе колон-цифра 4 падает на 5, при втором сгибе — 3 на 2, при третьем — 6 на 7.

Спуск листа в $\frac{1}{12}$ долю:

5	20	17	8	7	18	19	6
12	13	16	9	10	15	14	11
1	24	21	4	3	22	23	2

При фальцовке при первом сгибе колон-цифра 3 падает на 2, при втором сгибе — 8 на 9, при третьем — 5 на 4, при четвертом — 13 на 12.

Тот же спуск по другому способу:

22	3	10	15	16	9	4	21
19	6	7	18	17	8	5	20
24	1	12	13	14	11	2	23

При первом сгибе колон-цифра 16 падает на 17, при втором сгибе — 15 на 14, при третьем сгибе — 18 на 19, при четвертом — 12 на 13.

Спуск листа в $\frac{1}{18}$ долю:

23	22	19	1	4	5
14	51	18	36	33	32
11	01	7	25	81	29
26	22	30	12	6	8
35	43	31	13	91	17
2	3	6	24	12	20

При первом сгибе колон-цифра 20 падает на 21, при втором — в противоположную сторону, — 23 на 22, при третьем — 19 на 18, при четвертом — 13 на 12, при пятом — 24 на 25, при шестом — 31 на 30, при седьмом — 6 на 7.

Тот же спуск по другому способу:

27	10	15	22	33	4
29	11	14	23	32	5
29	8	17	20	35	2
30	7	18	61	36	1
25	12	13	24	31	6
28	6	19	21	34	3

При первом сгибе колон-цифра 4 падает на 5, при втором — 3 на 2, при третьем — 25 на 24, при четвертом — 6 на 7, при пятом — 18 на 19.

Спуск листа в $\frac{1}{20}$ долю:

17	24	21	20	19	22	23	18
4	37	40	1	2	39	38	3
13	28	25	91	15	26	17	14
8	33	36	5	6	35	34	7
6	32	29	12	11	30	31	10

По отпечатании наоборот лист фальцуется так: при первом сгибе цифра 10 падает на 11, при втором сгибе — 9 на 8, при третьем сгибе — 12 на 13, при четвертом сгибе — 5 на 4, при пятом сгибе — 16 на 17 и при шестом сгибе — 20 на 21. Очень красивый (почти квадратный) формат получается в $\frac{1}{20}$ рояльного листа. Четырехпочтовый лист в $\frac{1}{20}$ дает такой же формат, как $\frac{1}{32}$ рояльного. Неудобство заключается в сложности фальцовки (шесть сгибов).

При таком формате книгу лучше выпускать обрезанной со всех сторон, так как, вследствие сложной комбинации различных сгибов, ее очень неудобно разрезать ножом.

Другой способ спуска листа в $\frac{1}{20}$ долю с отрезом:

10	11	23	29	30	31	12	9
4	17	38	23	24	37	18	3
5	16	35	29	25	36	15	9
8	13	34	27	28	33	14	7
1	20	36	22	12	40	61	2

Лист разрезывается по линии пунктира. Полулисты фальцуются каждый отдельно. Большой отрез сгибается пополам, и колон-цифра 3 падает на 2, при втором сгибе — 5 на 4, при третьем — 8 на 13. Маленький отрезок складывается пополам (колон-цифра 10 падает на 11) и вкладывается в середину большого отрезка. Получается полулист в 20 страниц. Так же фальцуется и другой полулист.

Иногда, в небольших брошюрах, листы вкладываются один в середину сгиба другого. Больше двух листов так не брошюруют. Для такой специальной брошюровки спуск применяется другой, а именно: сперва одной формой печатаются первый полулист первого листа и второй полулист второго листа. Затем печатаются вместе второй полулист

первого листа и первый полулист второго листа. Так, при формате в восьмую долю в первой форме спускаются полосы 1—8 и 25—32, а во второй форме—9—24, при чем обе формы спускаются, как обыкновенный лист, т. е. в первой форме страницы 25—32 занимают место, какое должны были бы занимать страницы 9—16; во второй форме девятая страница занимает место первой, страница десятая занимает место второй и т. д. до конца, т. е. страница двадцать четвертая занимает место шестнадцатой.

КОРРЕКТУРА

Хороший, „способный и добросовестный корректор, это — настоящее сокровище для типографии. Поэтому каждый владелец типографии должен не только прилагать все усилия для отыскания такового, но и вознаграждать его по заслугам. Такой корректор, если он основательно знаком с типографским делом, оставляет позади всех просто образованных корректоров, которые, не будучи специалистами, пропускают незамеченными много важных и второстепенных ошибок наборщика, считая их несущественными“.

Эти слова написаны более ста лет тому назад немецким типографом Тейбелем в его руководстве для печатников, но и до сих пор не потеряли своего значения.

В процессе производства книги корректор является одним из важных работников и, хотя не стоит у станка или машины, принимает в производстве непосредственное участие. К сожалению, это значение корректоров в полиграфическом производстве далеко не всеми создается. Правда, с другой стороны, не очень много,—или, может быть, вернее, очень немного,—и корректоров, которые всесторонне знают типографское дело так, как его должен знать настоящий квалифицированный книжный корректор. Чтобы читать книжную корректуру, мало быть грамотным человеком и исправлять буквенные ошибки,—нужно быть еще технически образованным в типографском отношении. Такие корректора встречаются редко. В большинстве случаев книжный корректор только следит за буквенными ошибками и санкционирует своей подписью все технические промахи набора и верстки. Поэтому так часто даже из хороших типографий выходят плохие, в смысле технического выполнения, книги.

Справедливость требует сказать, что, в большинстве случаев, работа корректоров поставлена в отвратительные

условия. Есть, например, большие типографии с сотнями рабочих и несколькими десятками машин, где нет отдельных корректорских, и корректура иногда читается в наборном, а то и в машинном, отделении под стук и грохот машин. При таких условиях работы не трудно пропустить ошибку.

Корректура — работа очень ответственная и трудная. Каждому типографскому работнику известны десятки анекдотов о самых необыкновенных корректурных ошибках, и каждый такой анекдот не заключает в себе ничего неправдоподобного. Нет ничего легче, как пропустить ошибку незамеченной, но нет ничего труднее, как выпустить книгу без ошибок. Нужно, следовательно, поставить корректуру в такие условия, чтобы, если не исключить возможность ошибок, то довести их до ничтожного минимума.

Сколько должно быть корректур? В настоящее время очень часто книги выпускаются с двух корректур: первая читается с оригиналом в гранках, вторая — в сверстанных полосах. Последняя сводка с машины по чистому листу далеко не всегда проходит через руки корректора, и нередко эту сводку делают наборщик или печатник, а иногда кто-нибудь из служащих конторы, с более чем ограниченными познаниями в типографском деле.

Это безусловно недостаточно. Чтобы быть более или менее уверенным в том, что все ошибки исправлены, надо, чтобы корректура два раза прочитывалась в гранках и третья, подписная, — в сверстанных полосах. Это — минимум. Как правило, последняя корректура должна подписываться к печати только тогда, когда в ней так мало ошибок, что можно быть уверенным, что при исправлении не появятся новые ошибки вследствие переборки, переверстки и т. д. Лист, требующий хотя бы незначительной переверстки, ни в каком случае не должен подписываться к печати.

Первую корректуру надо читать непременно с подчитчиком. Работа без подчитчика протекает очень медленно и даже при самом внимательном чтении нельзя ручаться, что не остался незамеченным какой-нибудь пропуск. Вслух должен

читать корректор, а не подчитчик. Указание, что, следя за оригиналом, подчитчик может, по рассеянности, „потерять слово“, и пропуск останется незамеченным, — неосновательно. Это — просто вопрос добросовестности. Ведь, и корректор читая корректуру про себя и слушая читаемый вслух оригинал, точно так же может не заметить пропуска, но, по многолетнему опыту, я знаю, что замечать и исправлять ошибки легче, читая вслух, чем слушая оригинал.

Спорным является вопрос, что целесообразнее: чтобы все корректуры читались одним корректором или чтобы первая и вторая, — ответственная, — корректуры читались разными лицами. В пользу первой системы выдвигают то соображение, что при чтении всех корректур одним корректором достигается единство правки, так как, дескать, у каждого корректора своя „система“, и при каждой следующей корректуре другой корректор будет вносить новые исправления, путая и сбивая с толку наборщиков. До известной степени это правильно. Но, с другой стороны, читая второй раз ту же корректуру, корректор невольно полагается на свою первую корректуру и часто оставляет неисправленной ошибку, которую непременно заметил бы другой корректор. Мне кажется, что соображение о единстве „системы“ недостаточно основательно. В чем могут быть разногласия? В спорном правописании нескольких слов, в расстановке знаков препинания? Эти разногласия легко согласовать в процессе работы. Что же касается наблюдения за технической правильностью набора и верстки, то основные правила неизменны, а детали, прежде всего, сводятся к тому, чтобы раз примененный прием применялся везде одинаково. Во избежание разнобоя в процессе работы весьма желательно, — я сказал бы, необходимо, — перед сдачей оригинала в набор, а затем перед началом верстки непременно согласовать с корректором спорные и сомнительные места, допускающие различное техническое разрешение. При соблюдении такого порядка отпадет опасность непроизводительной работы по переделке уже однажды сделанных исправлений

и, следовательно, отпадет единственный серьезный аргумент против чтения корректур разными лицами. Но чего, действительно, нельзя допускать ни в каком случае — это чтения одной книги разными корректорами. Каждую книгу должен прочитать один корректор от первой до последней строки, т. е. каждая корректура вся сплошь читается одним корректором. Несоблюдение этого правила может привести к большим недоразумениям и затруднениям в работе.

Нередко приходится видеть книги, в которых при общей правильной верстке и правильном наборе бросается в глаза несоблюдение единства этих правил — например, в отступах, способе оборки рисунков, применении заголовочных шрифтов и т. п. Эти грубые ошибки объясняются, — не оправдываются, а объясняются, — очень просто: либо корректура читалась разными корректорами, либо, — если ее читал один корректор, — он забыл, как правил в предыдущих листах. Это тоже понятно, так как корректора всегда завалены массой работы.

Корректура читается частями, — очень часто, и даже большей частью, — не в порядке оригинала, а середина раньше начала, конец раньше середины. Если при этом принять во внимание, что в течение рабочего дня корректор читает отдельными отрывками несколько различных книг, переходя от учебника по органической химии к роману, от романа к брошюре о травосеянии, а от травосеяния к философии, в перерывах успевая просмотреть десяток мелких акцидентных дел, то понятно, что нет никакой возможности удержать в памяти все технические подробности прочитанного. Выход из этого положения только один: все большие дела, которые читаются в корректуре в несколько приемов, должны тискаться для корректора обязательно в двух экземплярах. Один, прочитанный, возвращается в наборную для исправления, другой остается у корректора для справок при дальнейшей работе на случай, если возникнет сомнение, как набирались в предыдущих гранках или листах заголовки, как делались надписи под рисунками и т. д. На этом втором

оттиске корректор должен отмечать все наиболее важные правки, которые он делает в корректуре: перемена шрифтов, изменение разбивки, изменение колон-цифр, нумерации глав, таблиц и т. д. Если этого не делать, корректор непременно запутается. Это, повторяю, единственный способ обеспечить техническую правильность издания, и очень жаль, что он редко применяется.

Таковы общие предварительные условия, без соблюдения которых нельзя добиться чистой корректуры. Детали этой работы сводятся к следующему.

Прежде всего, — как общее правило, — все ошибки должны исправляться при помощи общеупотребительных правильных корректурных знаков (корректурные оттиски должны делаться на бумаге с достаточно широкими полями, а не с узенькой белой полоской по бокам, на которую и одну букву нельзя вписать). Знаки выносятся на одну сторону гранки или полосы, по возможности, против той строки, в которой исправляется ошибка. Исключение можно допускать только при больших пропусках, которые нельзя вписать иначе, как на верхнем или нижнем поле, или при очень большой корректуре, если все ошибки не помещаются на одном поле. Ни в каком случае не следует допускать излюбленного некоторыми корректорами приема, когда, вместо корректурного знака, от намеченной ошибки проводится на поле гранки или полосы черта, в конце которой ставится нужная буква или вписываются пропущенное слово или фраза. Исправленная таким примитивным способом гранка, испещренная во всех направлениях перекрещивающимися линиями, скорее напоминает карту железнодорожных путей сообщений, чем корректуру. Такая корректура очень затрудняет работу наборщика, которому немало приходится ломать голову прежде, чем он поймет, куда ведет какая-нибудь черта. Поэтому употребление правильных корректурных знаков — непременное условие технически правильной корректуры. При обозначении пропущенной буквы не следует вставлять корректурный знак на место пропуска, между двумя буквами.

Это, при недостаточной четкости, может повлечь за собой новую ошибку. Лучше зачеркнуть букву, стоящую перед пропуском, и на полях повторить ее рядом с буквой, которую надо вставить. В слове, в котором есть одна или две ошибки, надо исправлять именно эти ошибки, а не зачеркивать все слово, выписывая его на полях. Это только затрудняет работу. Некоторые корректора делают на гранках длинные надписи, объясняя наборщикам, как нужно исправить то или другое место. К этому можно прибегать лишь в крайних случаях, когда нужное исправление нельзя пояснить определенным корректурным знаком. Бывает это редко, лишь в исключительно сложных случаях, и тогда написанное пояснение надо обвести кругом чернилами или карандашом. Это показывает наборщику, что написанное набирать не надо, а то бывают случаи, когда наборщик добросовестно набирает и вставляет в текст примечание корректора.

Первая корректура всегда должна даваться корректору в гранках, а не в сверстанных полосах. Оттиск должен быть совершенно четкий и ясный, и корректор не только имеет право, но обязан не принимать неразборчивого оттиска. Верстать без первой корректуры, значит — всегда рисковать переверсткой, потому что никогда нельзя ручаться, что наборщик случайно не сделал пропуска, иногда очень большого. По опыту знаю, что это правило далеко не всегда соблюдается. Особенно при спешной работе первая корректура часто дается в сверстанном виде. Это большая ошибка, и она приводит к замедлению работы вместо ускорения, так как из-за пропуска приходится переверстывать несколько листов.

Обязанность первого корректора — следить за тем, чтобы набор точно соответствовал оригиналу. Никаких правок, по существу, никакой перестановки слов в первой корректуре не допускается, разве только за исключением тех случаев, когда в оригинале явная описка.

Прежде, чем приступать к чтению корректуры, следует внимательно просмотреть заголовки и подзаголовки, сверить, одинаковыми ли шрифтами они набраны, обратить внимание

на отступы в абзацах, цифры, встречающиеся в заголовках, на выключку красных строк и т. д. Все заголовки рекомендуется внимательно прочитывать два раза. Каждый корректор знает, что нет ничего легче, как пропустить ошибку именно в крупном шрифте. Неправильные пробелы между заголовками и текстом в первой корректуре отмечать бесполезно. Они будут исправлены при верстке, когда метранпаж будет приводить строки.

При чтении текста, кроме исправления буквенных ошибок, корректор обязан исправить все технические ошибки. Корректорский глаз должен заметить всякую „чужую“ букву, хотя бы того же кегля, но другого очка, например, букву из узкого шрифта при наборе обыкновенным и т. п. Очень опытный корректор (таких немного) заметит даже „чужую“ запятую, для чего требуется верный, наметанный глаз. Далее корректор должен внимательно следить за разбивкой между словами, требуя исправления всех пробелов, слишком уклоняющихся от нормального пробела, принятого при данном наборе. Концевые строки также должны остановить на себе внимание корректора. При этом корректор должен быстро сообразить, есть ли техническая возможность исправить неправильную концевую строку и, если есть, как это сделать. Нет ничего легче, как пометить: уничтожить перенос в концевой строке. Сделать это наборщику гораздо труднее. Нужно, следовательно, сообразить, можно ли вогнать перенесенное слово в предыдущие строки или, наоборот, разогнать их так, чтобы не впасть в другую ошибку и не допустить бросающейся в глаза неправильной разбивки, которую опять придется исправлять при второй корректуре. Если в ближайших строках есть слово, которое можно сократить (например, сделать вместо „год“—„г.“, вместо „тов.“—„т.“ и пр.), или, наоборот, если есть сокращенное слово, которое можно набрать полностью, и если это облегчает исправление концевой строки, то надо непременно сделать такую поправку. Этого же правила надо придерживаться при исправлении переносов вообще.

При смешанном наборе разными шрифтами надо обращать внимание, чтобы шрифты были не только одного кегля, но и одного характера, и чтобы правильно держали линию.

При чтении корректуры специальных изданий особенное внимание корректора должно быть обращено на полное соответствие набора оригиналу. Корректору приходится корректировать книги и по высшей математике, и по сравнительному языковедению, и по вопросам искусства, и исследования о древних египетских памятниках. Понятно, корректор не может быть энциклопедистом, не может обладать исчерпывающими знаниями по всем вопросам, о которых ему приходится читать, корректируя научные сочинения. Между тем, такие издания требуют особо внимательной корректуры, и этого можно достигнуть только тщательным сличением с оригиналом. Необходимо, чтобы в корректорской были под руками различные справочные издания или хотя бы большой энциклопедический словарь.

При корректуре табличного набора надо обращать внимание на правильность прографки, на однообразие продольных и поперечных линеек и на правильное их применение. С правкой в этих случаях надо быть очень осторожным и менять линейки только в том случае, если они поставлены безусловно неправильно, потому что правка корректуры в табличном наборе чрезвычайно сложна и трудна. Таким образом, если, например, по мнению корректора, было бы лучше в той или иной графе поставить двойную тонкую линейку вместо полутупой, но в допущенной постановке линеек нет бесспорной ошибки, то лучше такой замены не делать и оставить так, как набрано. Далее, при чтении табличного набора надо внимательно следить, одинакового ли кегля взяты линейки, и непременно требовать замены линеек другого кегля. Правда, для этого требуется очень опытный глаз, и не всякий корректор заметит ошибку на 1—2 пункта.

Чтение корректуры машинного набора, в сущности, ничем не отличается от корректуры ручного набора, но при правке следует иметь в виду, что исправление хотя бы одного знака

препинания влечет за собой переборку (переливку) строки. Поэтому, если, без ущерба для грамотности и правильности набора, можно оставить неисправленным какой-нибудь мелкий дефект, — например, не совсем правильную разбивку между словами, — то лучше его не исправлять, чтобы не осложнять правки на машине, что всегда влечет за собой опасность появления новых ошибок.

Вторая корректура читается или в гранках, или в сверстных полосах. Вторую корректуру можно читать без оригинала, но корректору всегда должна даваться для сверки первая корректура, и прежде, чем приступить к чтению, надо сделать сверку и убедиться, что все правки, помеченные первым корректором, исправлены наборщиком. Каждую строку, в которой была правка в первой корректуре, надо непременно прочитать всю. Почему-то думают, что это обязательно только при машинном строкоотливном наборе, когда вся строка перебирается заново. Такое мнение ошибочно. Строку надо перечитать и в ручном наборе. Очень часто случается, что при беглой сверке корректор видит, что ошибка осталась неисправленной, например, не выброшено отрицание „не“, и, только прочтя всю строку, корректор заметит, что отрицание выброшено, но в другом месте. Такие случаи очень часты. Если после первой корректуры была переборка, вследствие выбросок или вставок, необходимо внимательно прочитать все перебранные строки.

Если вторая корректура читается в сверстных полосах, то после сверки, до чтения, надо внимательно прочитать все колон-тителы, колон-цифры, заголовки и подзаголовки, обратить внимание на постановку линеек в колон-тителах, заставок, рисунков, проверить приводку заголовков и всех перерывов между текстом (у корректора всегда должен быть под рукой строкомер), проверить правильность отступов на начальных полосах, концевые полосы, таблицы и пр. Короче говоря, прежде, чем приступить к чтению, корректор должен убедиться, правильно ли сверстаны поданные ему полосы. Если при этом окажется, что есть грубые ошибки,

требующие переверстки, например, неверно заверстаны рисунки, неправильно сделана оборка, пропущены заголовки, то нет смысла читать корректуру до переверстки, особенно связанной с переборкой строк, потому что после переверстки опять придется читать все заново, так как всегда возможны новые ошибки, пропуск строк, „заверстка“ и т. д. Лучше, указав замеченные ошибки, отдать переверстать лист и читать уже после переверстки.

Подписывать корректуру к печати можно только в том случае, если корректура чистая, т. е. правок немного, нет больших пропусков или выбросок, влекущих за собой переборку,— словом, если можно быть уверенным, что при сводке не потребуются большой корректуры в машине. Если же этой уверенности нет, то надо потребовать корректуру на сверку еще раз. При этом надо иметь в виду, что наличие подписной авторской или редакторской корректуры, в сущности, вовсе не избавляет корректора от ответственности за встречающиеся ошибки. Авторы вовсе не обязаны знать,— и в большинстве случаев не знают,—все тонкости типографского дела. Смотреть за технической правильностью набора и верстки—дело корректоров.

Если одновременно с корректором вторая корректура посылается и автору, то не следует отдавать в правку корректорскую корректуру до получения корректуры от автора. Легко может быть, что автор внесет некоторые изменения или сделает правку, противоречащую правке корректора. В таком случае для наборщиков создается лишняя непроизводительная работа. Самое лучшее,— подождать получения авторской корректуры, перевести правку автора на свою корректуру и в таком уже виде отдавать ее в наборную для исправления. Это гораздо целесообразнее и даст большую экономию времени и труда.

Авторы — обыкновенно, злейшие „враги“ типографии, и авторская корректура для наборщиков — что-то вроде одной из казней египетских. К сожалению, приходится признать, что в этой вековой борьбе между типографиями

и авторами в огромном большинстве случаев вина на стороне авторов. Немногие авторы знакомы даже с общепринятыми корректурными знаками, а типографское дело знают, вероятно, лишь отдельные единицы. Поэтому-то авторская корректура зачастую представляет собой нечто совершенно фантастическое, способное привести всю типографию в отчаяние. С злоупотреблениями авторской корректурой надо вести энергичную борьбу.

В главе о подготовке рукописи к печати я говорил о необходимости тщательно редактировать оригинал до сдачи его в набор. Здесь мне остается лишь повторить, что это — необходимейшее условие, без выполнения которого нельзя выпустить книгу в приличном виде. Нужно настойчиво требовать от авторов, чтобы в авторской корректуре не было никакой ломки, никакой правки против оригинала, не вызываемых безусловной необходимостью. Отделять стиль, „наводить красоту“ слога нужно до сдачи рукописи в набор, а не в последней корректуре, когда на книгу затрачено уже столько трудов, когда выброска или вставка нескольких строк могут повлечь за собой переверстку нескольких листов. Этого нельзя допускать. Было бы очень полезно, если бы авторы почаще заглядывали в типографию и знакомились поближе с тем сложным процессом, в результате которого появляется в свет книга.

После того, как все корректуры прочитаны и исправлены, лист сдается в машину. Из машины чистый лист опять дается корректору на сводку. При сводке корректор прежде всего проверяет правильность спуска, внимательно прочитывает титул, шмуц-титулы, крупные заголовки, проверяет колон-титулы и колон-цифры, а затем сверяет лист с подписной корректурой. В машине допускаются лишь такие исправления, без которых никак нельзя обойтись. Нужно принять за правило: если при сводке замечена хоть одна ошибка, которую пришлось исправлять в машине, чистый лист после исправления опять дается корректору. Это очень важно, потому что правка в машине очень трудна, и даже самый

аккуратный и добросовестный наборщик при правке может задеть другую строку, случайно вытащить не ту букву, вытянуть шпацию и т. д. Каждой из этих легко возможных ошибок достаточно, чтобы испортить лист, а, следовательно, и книгу. Только когда корректор убедится, что все ошибки исправлены, лист окончательно утверждается к печати.

* * *

Мы рассмотрели технику производства книги от момента подготовки рукописи к набору до приступа к печатанию. На этом процесс производства еще не заканчивается. Печатание, это — целая наука, а после машинного отделения книга проходит еще ряд операций в переплетной. Но все это уже не входит в задачу настоящей работы.

ОСНОВНЫЕ ПРАВИЛА ТИПОГРАФСКОГО ИСКУССТВА *

1. Обе полосы двух смежных страниц должны производить впечатление единства; в них должна проявляться закономерная связь. Большое и вовсе не легкое искусство—создать простое, ясное и удобозримое расположение набора.

2. Касательно взаимных пропорций марзанов, а следовательно, полей бумаги у корешка, сверху, у наружного края и снизу, существуют традиционные законы:

	Внутреннее поле	Верхнее поле	Наружное поле	Нижнее поле
I	2	3	4	6
II	2	3	5	6
III	2	3	4	5

Первое из приведенных отношений следует применять в изданиях обыкновенных, второе — в роскошных, третье — в компактных и особенно в квартных форматах. Полоса в квартных форматах должна иметь отношение три к четырем.

3. Наиболее удобочитаемыми кеглями шрифта являются в книжном наборе петит (восемь пунктов), корпус (десять пунктов) и цигеро (двенадцать пунктов); наиболее удобная длина строки—девять сантиметров.

4. Верхняя строка (за исключением красной строки) должна всегда иметь полную длину (не должна быть висячей).

Отступы (абзацы) должны делаться не более круглого.

При наборе различными кеглями должен соблюдаться отступ, соответствующий основному кеглю.

В промежутках между словами вместо принятого полукруглого употребляют: при петите — трехпунктовую шпацию, при корпусе — трехпунктовую или третнюю шпацию ($3\frac{1}{3}$) и при цигеро — четырехпунктовую.

Перед знаками . , — ' шпация не ставится; перед ; ! ? ставится тонкая шпация; после точки с запятой, восклицательного и вопросительного знаков желательно несколько увеличить пробел.

Набор должен представляться глазу равномерным. Если этого нельзя достичь иными средствами, следует увеличивать, — а лучше уменьшать промежутки: в первую очередь — после запятой, затем — перед большими

* Эти правила составлены М. И. Щелкуновым и приняты комиссией по изучению искусства книги при ГИЗ'е.

буквами, потом у остальных „мясистых“ букв. При знаках препинания, особенно в конце фразы, по возможности, не надо вынимать.

Вместо общераспространенных кавычек „ “ лучше употреблять кавычки « », остающиеся в пределах высоты. Строчки заголовочные, состоящие из прописных букв, всегда должны выравниваться шпациями и разбиваться шпонами, в зависимости от общего вида.

Тире желательно делать несколько жирнее и короче применяемых обыкновенно (примерно, в $\frac{2}{3}$ круглого).

5. Строки должны четко отделяться одна от другой; не должны возникать ни светлые коридоры, вследствие чрезмерных промежутков между словами, ни темные — вследствие слияния над и подстрочных частей букв при компактном наборе.

6. В случае, если инициал берется наборный (увеличенного кегля), а не рисованный художником, необходимо держать линию, особенно внизу.

Вторую строку при инициале не следует делать короче первой.

7. Отточия в оглавлениях следует делать не с слишком широкими промежутками.

Ритмические группировки отточий допустимы лишь при короткой строке.

8. При наборе равномерной сжатости переносы слов неизбежны; они разрешаются почти после каждого слога. Однако, опытный наборщик сумеет предупредить слишком частые появления переносов. Последняя строка полосы никогда не должна кончаться переносом. Короткие двухсложные слова не разделяются. Совершенно воспрещены такие разделения, как, например, Э. Р. || Вейсс, Мр. || Джонстон, Эдуард || VII.

9. Выделение жирными шрифтами редко дает хороший вид странице.

10. В титуле следует стремиться к тому, чтобы строки (в своей совокупности) имели спокойное замкнутое очертание.

Знаки препинания в конце строк на титульных листах обычно не ставятся.

Художественная задача состоит в том, чтобы найти простейшую, наиболее понятную форму, наиболее спокойные очертания.

Если против титульного листа стоит фронтиспис, то титул можно только в том случае обвести рамкой (размера полосы текста), если и фронтиспис имеет ту же величину, или если он настолько меньше, что его можно заключить в равновеликую рамку. Во всяком случае недопустимы на двух смежных страницах два прямоугольника разного размера.

11. Предисловие и введение (если они не очень длинны) могут быть набраны более крупным кеглем или курсивом, или на широких шпонах. Пагинацию их римскими цифрами можно рекомендовать только при небольшом числе страниц; в противном случае, можно пользоваться курсивными цифрами или цифрами в скобках.

12. Живые (проходящие) колон-тителы могут или свободно стоять над полосой или отделяться от нее чертой. Можно также ограничить их линиями снизу и сверху. Употребляемые в книге линии не должны быть слишком тонкими или слишком толстыми.

При наличии живых (проходящих) колон-тителов, колон-цифра ставится наверху (к внешнему краю). В противном случае, она должна находиться посередине.

Начальные полосы со спуском остаются без колон-тителов; колон-цифра может быть поставлена внизу посередине.

13. Для примечания под строкой или на полях, когда на одной странице оказывается несколько примечаний, следует помещать в тексте свободно стоящие маленькие цифры.

При небольшом количестве примечаний вместо цифры можно пользоваться звездочкой.

Маргиналии (боковушки) в несколько строк выравниваются на срединах, или же их примыкают к полосе со свободно оканчивающимися к краю бумаги строками.

14. Большинство книг обезображены подробной нормой, набранной мельчайшими кеглями. Для избежания недоразумений при брошюровке достаточно выставлять начальную букву имени автора или титула.

15. В титулах, печатаемых прописными буквами, следует изолировать год издания, выделяя его в особую строку.

Другие числа следует печатать буквами (напр.: „с шестьюдесятью четырьмя иллюстрациями“).

ГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

1400. Родился Иоганн Гутенберг.
1436. Изобретение книгопечатания Иоганном Гутенбергом.
1468. Умер Иоганн Гутенберг.
1490. Родился Франциск Скорина.
1520. Родился первый русский книгопечатник Иван Федоров в селе Николы Гостуни, Лихвинского уезда, Калужской губ.
1563. 19 апреля открыта первая типография на Руси — Печатный Двор.
1564. 15 марта Иван Федоров и Петр Мстиславец окончили печатанием „Апостол“ в Москве.
1583. 5 декабря Иван Федоров скончался во Львове.
1633. В Москве напечатана первая учебная книга — „Азбука“ Бурцева.
1694. В Амстердаме открыта русская типография Якова Тессинга.
1703. 2 января в Москве вышел первый номер „Ведомостей о военных и иных делах“.
1708. В С.-Петербурге напечатана „Геометрия“, —первенец русской гражданской печати.
1710. Утверждение Петром I новой гражданской азбуки.
1737. Парижский словолитчик Фурнье установил основную единицу меры — типографский пункт.
1771. В С.-Петербурге открылась первая частная типография Гартунга.
1810. Фридрих Кениг сооружает первую скоропечатную машину.
1851. Х. Зерензен построил наборную машину „Торн“, впоследствии усовершенствованную и для разбора.
1853. Выход первого „Руководства для наборщиков типографского искусства“ на русском языке составлен. А. Серковым.
1867. 1 июля в С.-Петербурге начинает выходить на двух языках (русском и немецком) первый графический журнал под названием „Типографский журнал“, издаваемый Р. К. Шнейдером, прекратившийся 15 августа 1869 г.
1884. Открытие первой школы печатного дела в Петербурге.
— О. Мергенталером изобретена наборная строкоотливная машина „Линотип“.
1895. Первая всероссийская выставка печатного дела в Петербурге.
1914. Международная выставка графики и печатного дела в Лейпциге.
-

КРАТКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

- Адарюков В. Я.— Очерк по истории литографии в России. СПб. 1912.
- Адарюков В. Я.— Библиография русских типографских шрифтов. 1924.
- Анисимов В. И.— Акциденция (краткий исторический обзор ее развития и компановка работ). Пгр. 1916.
- Анисимов В. И.— Типографская скоропечатная машина нормальной конструкции. Пгр. 1916.
- Анисимов В. И.— Краски в акцидентных работах. Пгр. 1916.
- Анисимов В. И.— Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России. Пгр. 1920.
- Анисимов В. И.— Краткий конспект по печатанию с плоских стереотипов. Петроград. 1921.
- Анисимов В. И.— Спускание полос и установка формата. Пгр. 1922.
- Анисимов В. И.— Гравирование цветных офортов и эстампов. Пгр. 1922.
- Анисимов В. И.— Основы книжного набора. Пгр. 1922.
- Анисимов В. И.— Основы и рисование печатного шрифта. Пгр. 1922.
- Анисимов В. И.— Стереотипное дело. Пгр. 1922.
- Анисимов В. И.— Графические искусства. Пгр. 1923.
- Анисимов В. И.— Трех и четырехкрасочная печать. Москва. 1924.
- Анисимов В. И.— Типографская печать и материалы печатного дела. Лнгр. 1924.
- Бауэр Ф.— Руководство для наборщиков. СПб. 1911.
- Бауэр Ф.— Книга, как создание печатника. Москва. 1926.
- Белый М.— Цветные краски и применение их в печатном деле. Пгр. 1916.
- Богомолов Б.— Как и из чего делается бумага. СПб. 1909.
- Богданов И.— Наборно-типографское дело. СПб. 1912.
- Булгаков Ф. И.— Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. СПб. 1889.
- Вальдов А.— Учение об акцидентном наборе. Харьков. 1900.
- Вержбицкий Н.— Труд и книга. М. 1924.
- Выставка эстампа в развитии его техники. Харьков. 1924.
- Газетный и книжный мир. Справочная книга.
- Галактионов И. Д.— Иван Федоров. СПб. 1913.
- Галактионов И. Д.— Как создавалась книга. СПб. 1914.
- Галактионов И. Д.— Журналы печатного дела с 1867 по 1914 г. СПб. 1914.

- Галактионов И. Д.—Первая школа печатного дела (к ее 35-летию). СПБ. 1914.
- Галактионов И. Д.—Международная выставка графики и печатного дела в Лейпциге в 1914 г. СПБ. 1914.
- Галактионов И. Д.—Ученичество в печатных заведениях. Материалы по вопросу об улучшении обучения печатному искусству. Пгр. 1915.
- Галактионов И. Д.—Книгопечатание. (История.—Техника.—Быт) Пгр. 1917.
- Галактионов И. Д.—Беседы наборщика. Лнгр. 1925.
- Гаух А.—Приправка. Москва. 1924.
- Государственное издательство за пять лет. Москва. 1924.
- Дрессен В. Ф.—Расценка корректуры. СПБ. 1914.
- Дульский П.—Книга и ее художественная внешность. Киев. 1921.
- Дымарев Ф.—Руководство для наборщика на машине „Линотип“. Москва. 1922.
- Евдокимов А. А.—Трехкрасочная типографская печать и ее техника СПБ. 1914.
- Каплан Л.—Корректурa. Харьков. 1924.
- Каплан Л.—Полиграфическое производство. Под ред. Н. Самокатова. Харьков. 1925.
- Карулин П.—Техника литографии. Москва. 1923.
- Кербач.—Пособие при наборе еврейских сочинений. СПБ. 1891.
- Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и типографской компании. Гос. Изд. Пгр. 1921.
- Книга в России. Русская книга от начала письменности до 1800 г. Москва. 1924.
- Коган М. М.—Набор и печать. (Основания для исчисления себестоимости и определения меновой цены). Харьков. 1916.
- Коган М. М.—Спутник наборщика. Харьков. 1919.
- Коломнин П.—Краткие сведения по типографскому делу. СПБ. 1899.
- Коломнин П.—Беседы о наборе титулов и еще кое о чем другом. СПБ. 1914.
- Кон Л. Н. Спутник типографа. Настольная книга для каждой типографии и крупного потребителя печатного материала. Москва. 1914.
- Койранский Б.—Санитарные условия труда в полиграфическом производстве. Москва. 1923.
- Краткое руководство для обслуживающих типографской машины. СПБ. 1909.
- Кругляков И. и Шаров Д.—Альбом эскизов, титулов и обложек. Харьков. 1924.
- Кузнецов М. И. проф.—Производство бумаги и исследование ее. Харьков. 1922.

- Ларченко А. С.—Краткое руководство к расценке типографских, переплетных и линеважных работ. Сумы. 1914.
- Леман И. И.—Искусство в книге и плакате. СПб. 1911.
- Леман И.—Гравюра и литография. СПб. 1913.
- Ловягин А. М.—Основы книговедения. Москва. 1926.
- Маковский С.—Современная русская графика. Петроград. 1917.
- Марашки и способ их устранения. Москва. 1924.
- Мариев К.—Справочник наборщика на 1916 г. Пгр. 1916.
- Марксон А.—Каталог изданий по печатному делу. Пгр. 1915.
- Михайлов П. А.—Описание производства букв для набора.
- Михайлов П. А.—О стереотипном деле.
- Мисюлевич А.—Цветная и иллюстрационная печать. Пгр. 1915.
- Недостатки типографской печати. Москва. 1924.
- Образовательные письма к наборщикам. Правила набора таблиц. СПб.
- Осецкий и Михайлов.—Элементарный курс техники наборного дела. Пгр. 1920.
- Осецкий и Михайлов.—Стереотипное дело. Пгр. 1920.
- Пакуль Н. М.—Книга. Исторический очерк. 1923.
- Покровский А. А.—Печатный Московский Двор в первой половине XVII века. Москва. 1913.
- Правдобов В. А.—История письма. Москва. 1924.
- Пресс С.—Охрана труда в полиграфических производствах. Пгр. 1922.
- Промышленность и техника, т. X.
- Проект устройства и программа школы печатного дела в Москве. Москва. 1919.
- Проскурин Н. П.—Изобретение книгопечатания и начало его в России. Ростов н/Д. 1918.
- Пулята А. Д.—Математические знаки и формулы. Руководство для наборщиков. СПб. 1895.
- Реннер П.—Книгопечатание, как искусство. Ленинград—Москва. 1925.
- Рудометов М.—Опыт систематического курса по графическим искусствам. СПб.
- Сидоров А. А.—Русская графика за годы революции. Москва. 1923.
- Сидоров А. А. проф.—Искусство книги. Москва. 1924.
- Соколов А.—Альбом наглядных таблиц по наборному делу. Харьков. 1923.
- Соколов А.—Карманный технический календарь полиграфического производства на 1925 год. Харьков.
- Соколов А.—Справочная книжка наборщика. Харьков. 1925.
- Соколов А.—Альбом наглядных таблиц по печатному делу. Харьков. 1925.
- Тихонов А.—Всероссийский союз рабочих полиграфического производства. Москва. 1924.

Краткий указатель литературы

- Типографский карманный календарь на 1914 г. Изд. А. Марксон. СПб. 1913.
- Типографский календарь на 1922 г.
- Ферре А. Цинкография и литография. СПб. 1911.
- Франк-Каменецкий И. Г., проф.— Как научились читать египетские письмена. Москва. 1922.
- Цорн С.— Лекции по наборному делу для вечерних курсов. Екатеринослав. 1921.
- Шапиро Б.— Организация типографий. Москва. 1924.
- Шульц.— Художественные печатные формы. Лнгр. 1924.
- Шульц.— Основы полиграфического производства. Москва. 1925.
- Щелкунов М. И.— Искусство книгопечатания в его историческом развитии. Москва. 1923.
- Щелкунов М. И.— История, техника, искусство книгопечатания. Москва. 1926.
- XXV заседаний комиссии по изучению искусства книги. Москва. 1924.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стран.
Из предисловия к первому изданию	III
Предисловие ко второму изданию	VII
Очерк истории книгопечатания	1
Зарождение письменности.— 1. Египетские иероглифы — 2. Узловое письмо. Фонетическое письмо. Древнейшие памятники письменности — 3. Папирус. Пергамент — 4. Бумага. Другие материалы для письма. Древняя печать — 5. Рукописные книги. Внешность рукописной книги — 7. Роль монастырей. Печатание до Гутенберга—8. Гутенберг—9. Изобретение книгопечатания. Первые работы Гутенберга — 10. Распространение типографского искусства — 11. Книгопечатание в России. Эволюция шрифта — 12. Типографский пункт — 14. Скоропечатные машины — 15. Ротационные машины, Стереотип — 16. Наборные машины — 17.	
Подготовка рукописи к печати	19
Техническая редакция — 19. Отделы и главы — 20. Однообразии орфографии—21. Заголовки—22. Подчеркнутые места—23. Иностранные слова—24. Выноски и примечания—25. Разметка рисунков — 26. Таблицы и выводы. Литературная обработка—28. Повторные издания—29.	
Монтаж книги	31
Искусство книги в России — 31. Форматы — 33. Выбор бумаги — 37. Выбор шрифта—40. Заголовки. Некоторые особенности монтажа — 44. Украшение книги—48. Монтаж обложки — 49.	
Книжный набор	51
Способы ускорения набора — 51. Абзац — 54. Концевая строка — 56. Пробелы — 57. Знаки препинания — 60. Тире и дефис — 61. Скобки — 63. Кавычки — 65. Апостроф — 66. Переносы — 67. Смешанный набор — 70. Капитель. Отступы — 73. Примечания и выноски — 75. Инициалы — 80.	

Оборка рисунков—82. Сокращения—83. Составные шпоны. Связывание гранки — 86. Заголовки — 87. Эпиграф — 93. Титул и шмуц-титул — 95. Обложка. Предисловие—98. Посвящение. Содержание — 100. Цифры — 103. Выводы — 105. Таблицы — 108. Математический набор — 120, Стихи — 128. Драматические произведения — 134. Специальные и технические издания — 141. Иностраный набор — 143. Украинский набор — 147. Подстрочный набор — 149. Нотный набор — 150. Машинный набор — 151.

Книжная верстка 153

План верстки—153. Расчет набора. Титул и шмуц-титул—154. Колон-цифры—155. Колон-титул—156. Сигнатура и норма—159. Посвящение и эпиграф. Начальная полоса — 160. Приводка — 161. Переносы — 162. Концевая полоса — 163. Отступы. Концовки. Примечания—164. Рисунки—168. Таблицы—169. Верстка в рамке — 172. Боковые выноски. Двухстолбцовая верстка — 173. Параллельные тексты — 177. Верстка стихов — 178. Специальные издания — 180. Драматические произведения. Последняя полоса—181. Формы для нескольких красок. Спускание полос — 182.

Корректурa 189

Приложение.

Основные правила типографского искусства — 201. Графическая хроника — 204. Краткий указатель литературы—205.

УКАЗАТЕЛЬ ПРИМЕРОВ

- Шрифты различного рисунка
очка 41—42
- Отступы (абзацы) при различных форматах 55
- Выключка строк 59
- Применение парантэсов 64
- Неправильные переносы 69
- Смешанный набор 72
- Набор с отступом 74
- Правильная и неправильная выключка звездочек 77
- Набор подстрочных примечаний 78—79
- Набор с инициалами 81
- Разные способы оборки рисунков 84—85
- Правильные и неправильные сокращения 86
- Цифры при наборе прописными литерами 87
- Набор заголовков 89—91
- Набор эпитафий 94
- Набор титулов 97
- Посвящение на отдельной странице 99
- Набор оглавления 101—102
- Выключка цифр 104
- Выключка римских цифр 106
- Набор простого вывода 107
- Преобразование таблицы в вывод 113
- Таблица из рантовых и полутупых линеек 116
- Таблица из двойных тонких и тонких линеек 117
- Распашная продольная таблица 118—119
- Поперечная таблица 121
- Математические формулы 123—125
- Выключка формул 126
- Набор химических формул 127
- Набор стихов 130—134
- Набор списка действующих лиц в пьесе 135
- Набор ремарок в пьесах 136
- Набор драматического произведения 138—139
- Набор драматического произведения в стихах 141
- Столбец набора энциклопедического словаря 144
- Столбец набора французско-русского словаря 144
- Столбец набора объяснительного словаря 145
- Столбец набора алфавитного указателя 145
- Пример подстрочного набора 150
- Колон-цифры и колон-титулы 157
- Концевая полоса треугольником 165
- Оборка таблицы 170
- Полоса в рамке 171
- Полоса с боковыми заголовками 175
- Верстка параллельных текстов 179

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

Харьков, ул. Свободной Академии, 5

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

М. ДМИТРИЕВ

ТЕХНИКА ВЫПУСКА ГАЗЕТЫ

Книга должна служить практическим пособием для газетных работников, — секретарей, заведующих отделами, выпускающих, а также для газетных наборщиков и метранпажей и охватывает все стороны техники газетного выпуска: правку оригинала, набор, верстку, корректуру, выпуск, стереотип, печать. Отдельная глава посвящена технике выпуска иллюстрированных журналов и приложений. Книга иллюстрирована образцами набора и верстки текста и заголовков, снимками с русских и иностранных газет и различных машин.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ НОВАЯ КНИГА:

М. ДМИТРИЕВ

КАК ДЕЛАЮТ ГАЗЕТУ

Популярный очерк с пятнадцатью
рисунками.

Из серии производственных рассказов для
юного пионера

Стран. 48. Цена 30 коп.

М. ДМИТРИЕВ

ТЕХНИКА КНИГИ

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ
ПО НАБОРНО-КНИЖНОМУ ДЕЛУ
ДЛЯ ТИПОГРАФСКИХ РАБОЧИХ
И РАБОТНИКОВ ИЗДАТЕЛЬСТВ

Второе переработанное
и дополненное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1926

Цена 1 р. 75 к.

1-75

3094

1-75

4 лис. 69

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Харьков, ул. Свободной Академии, № 5. Тел. 10—07.
Москва, Кузнецкий мост, № 5/15, угол Б. Лубянки.
Тел. 3-01-99 и 3-17-55.

М. ДМИТРИЕВ.